Записки

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

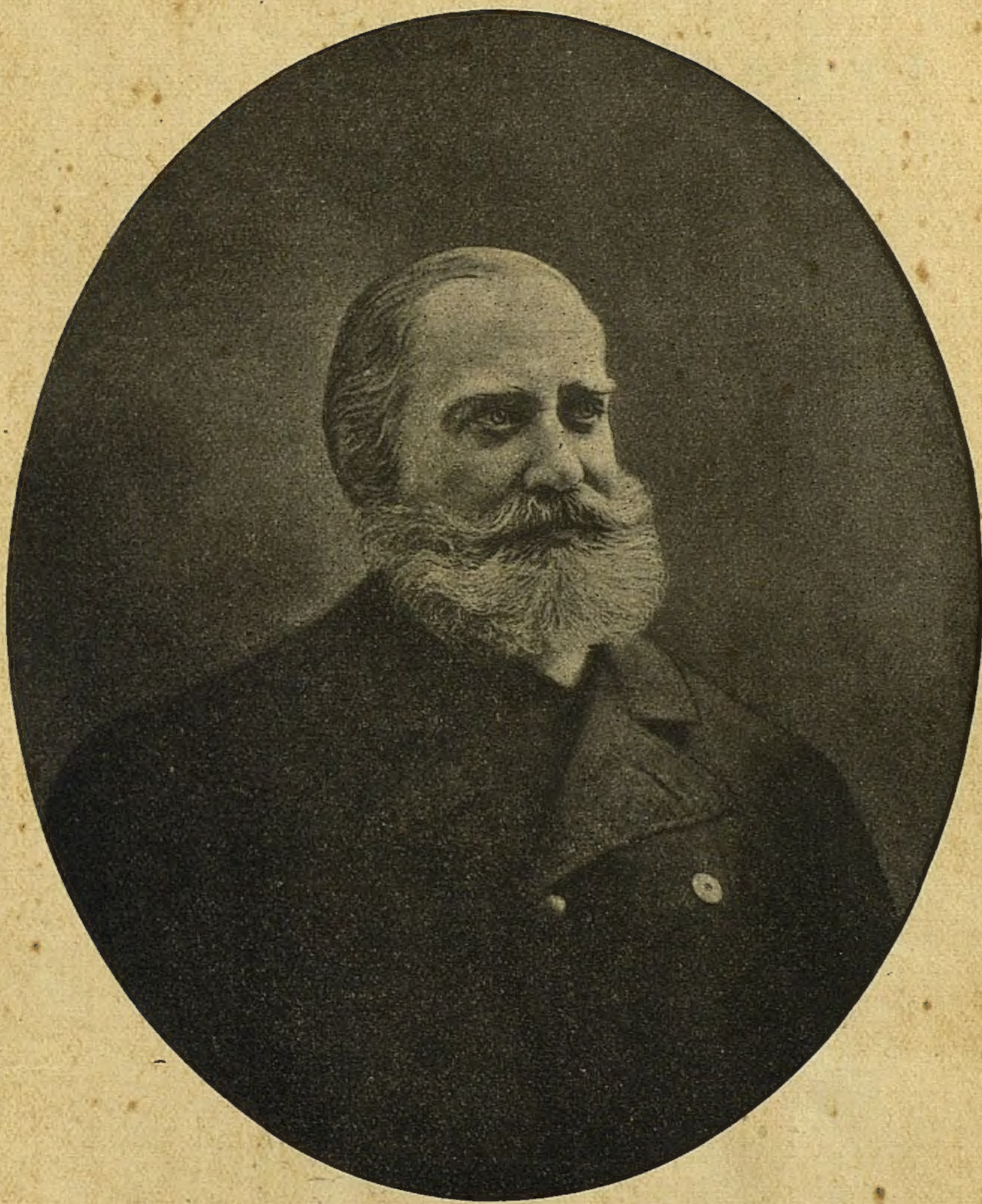
СОЛОВЬЕВА

Съ портретами

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
Н. Н. МИХАЙЛОВА

П. Ф.

ЗАПИСКИ С. М. СОЛОВЬЕВА.



С. М. Соловьевъ.

БИБЛИОТЕКА
МГУ
им. Горького

ЗАПИСКИ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

МОИ ЗАПИСКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ МОИХЪ,
А ЕСЛИ МОЖНО, И ДЛЯ ДРУГИХЪ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

JNs 302

43:~~125~~95
133065

Типографія т-ва „Общественная Польза", Петроградъ, Б. Подъяч., 39.

ЗАПИСКИ
С. М. СОЛОВЬЕВА.

Мои записки для дѣтей моихъ,

а если можно, и для другихъ.

I

„Въ трудахъ отъ юности моея"...

5-го мая 1820 года, въ одиннадцать часовъ пополудни, наканунѣ Вознесенія, у священника московскаго коммерческаго училища родился сынъ Сергѣй, слабый, хворый недоносокъ, который цѣлую недѣлю не открывалъ глазъ и не кричалъ.—Помню я тѣсную, плохо меблированную квартиру отца моего, въ нижнемъ этажѣ, выходившую на большой дворъ училища, гдѣ въ послѣобѣденное время и вечеромъ гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня въ раннемъ дѣтствѣ были—старая бабушка и нянька. Послѣдняя, думаю, имѣла немалое вліяніе на образованіе моего характера. Эта женщина (т.-е. старая дѣвушка), сколько я помню самъ и какъ мнѣ разсказывали другіе, обладала прекраснымъ, чистымъ характеромъ: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ея характеру ничего суроваго; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желаніе занять, повеселить другихъ, большихъ и малыхъ. Нѣсколько разъ, не менѣе трехъ, путешествовала она въ Соловецкій монастырь и столько же разъ въ Кіевъ, и разсказы объ этихъ путешествіяхъ составляли для меня высочайшее наслажденіе; если я и родился со склонностью къ занятіямъ историческимъ и географиче-

скимъ, то постоянные разсказы старой няни о хожденіяхъ, о любопытныхъ дальнихъ мѣстахъ, о любопытныхъ приключеніяхъ не могли не развить врожденной въ ребенкѣ склонности. Какъ теперь помню эти вечера въ нашей тѣсной дѣтской: около большого стола садился я на своемъ дѣтскомъ стуликѣ, двѣ сестры, которыя обѣ были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка съ чулкомъ въ рукахъ и нянька-разсказчица, также съ чулкомъ и въ удивительныхъ очкахъ, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка, съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ (а тогда для меня просто прелестнымъ), съ добродушно-насмѣшливою улыбкою, безъ умолку разсказывала о странствованіяхъ своихъ вдоль по Великой и Малой Россіи. Я упомянулъ о веселомъ характерѣ старушки, о ея добродушно-насмѣшливой улыбкѣ: и въ разсказахъ своихъ она также любила шутливый тонъ, была мастерица разсказывать забавныя приключенія, и даже въ приключеніяхъ вовсе незабавныхъ умѣла подмѣчать забавную сторону. Такъ, напримѣръ, я очень хорошо помню разсказъ ея о бурѣ, которую вытерпѣло судно съ богомольцами въ устьяхъ Сѣверной Двины, приключеніе нисколько не забавное, и, несмотря на то, разсказъ этотъ обыкновенно повторялся, когда молодой компаніи хотѣлось посмѣяться, потому что разсказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяніе одного портного, который метался изъ одного угла судна въ другой, крича: „О, анделъ-хранитель!“

А между тѣмъ судьба моей разсказчицы вовсе не была весела. Родилась она въ тульской губерніи, въ помѣщичьей деревнѣ. Однажды, когда отецъ и мать ея были въ полѣ, и она, маленькая дѣвочка, оставалась одна въ избѣ,— приходитъ приказчикъ и съ нимъ какіе-то незнакомые люди: то были купцы, которымъ была запродана дѣвочка; несчастную взяли и повезли изъ деревни, не давши проститься ни съ отцомъ, ни съ матерью. Потомъ ее перепродали въ астраханскую губернію, въ Черный-Яръ, къ купцу. Разсказы объ этой дальней сторонѣ, которой природа такъ рѣзко отлична отъ нашей, о Волгѣ, о рыбной ловлѣ, большихъ фруктовыхъ садахъ, о калмыкахъ и киргизахъ, о похищеніи послѣдними

русскихъ людей, объ ихъ страданіяхъ въ неволѣ и бѣгствѣ, также сильно меня занимали. Занимали и разсказы о собственной судьбѣ разсказчицы, о сильныхъ гоненіяхъ, которыя она претерпѣвала отъ хозяйскаго сына; я не могъ понимать причины гоненій, потому что на вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: *„да такъ!“*—и сынъ черноярскаго купца представлялся мнѣ сказочнымъ злодѣемъ, который дѣлаетъ зло для зла. Я уже послѣ угадалъ причину гоненій, когда угадалъ, за что жена Пентефрія такъ сильно разсердилась на Іосифа.

Но старый купецъ съ женою иначе смотрѣли на свою рабу и, по прошествіи извѣстнаго срока, отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотѣлось возвратиться на родину, но какъ это сдѣлать? У нея была отпускная, но не было денегъ, и вотъ она пошла въ кабалу къ купцамъ, отправившимся съ товарами въ Москву, т.-е. тѣ обязались доставить ее на родину съ тѣмъ, чтобъ она послѣ заслужила у нихъ деньги, сколько стоилъ провозъ. Трогателенъ былъ разсказъ о свиданіи ея съ матерью, съ которою она должна была скоро опять разлучиться и переселиться въ Москву, гдѣ стала наниматься въ услуженіе.

Я упомянулъ объ умственномъ вліяніи разсказовъ моей няньки, но не могу не признать и религіозно-нравственнаго вліянія; бывало, начнетъ она разсказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: „И ты это не испугалась, Марьюшка?“ и получаю постоянно въ отвѣтъ: „А Богъ-то, батюшка?“ Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на высшую силу, то думаю, что не имѣю права отвергать и вліянія нянькиныхъ словъ: „А Богъ-то!“

Отходивши меня, Марья-нянька—такъ ее называли въ домѣ—жила нѣсколько времени въ Москвѣ, уже не въ услуженіи, а собственнымъ хозяйствомъ, и вдругъ собралась въ дальній путь, въ старый Іерусалимъ. Изъ Одессы мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла, что садится на корабль. Послѣ возвратившіяся богомолки сказы-

вали, что видѣли ее на Аѳонской горѣ,—и то была послѣдняя вѣсть.

Я распространился о старой нянькѣ своей, потому что вліяніе ея на образованіе моего характера считаю довольно сильнымъ, и потому еще, что послѣ я не встрѣчалъ подобной няньки, и не могъ найти для своихъ дѣтей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку. Теперь перейду къ другимъ вліяніямъ, которыя начали дѣйствовать, когда уже я сталъ выростать. Важное вліяніе на образованіе моего характера оказала тихая, скромная жизнь въ домѣ отцовскомъ, отсутствіе всякихъ дѣтскихъ развлеченій; сестры мои, какъ я уже сказалъ, были гораздо старше меня, ихъ скоро отдали въ пансіонъ, и я по цѣлымъ днямъ оставался совершенно одинъ; вотъ почему, когда я выучился читать, то съ жадностью бросился на книги, которыя и составляли мое главное развлеченіе и наслажденіе. Восьми лѣтъ записали меня въ духовное училище съ правомъ оставаться дома и являться только на экзамены: самъ отецъ училъ меня дома Закону Божію, латинскому и греческому языкамъ, для другихъ же предметовъ я посѣщалъ классы коммерческаго училища. Въ послѣднемъ учили плохо, но зато я получилъ больше средствъ доставать книги и предаваться моей страсти къ чтенію. Я читалъ все безъ разбора, читалъ романы всякаго рода, и Гуака, и Радклифъ, и Нарѣжнаго, и Загоскина, и Вальтеръ-Скотта; раннее чтеніе романовъ было мнѣ вредно: оно сильно распалило мое воображеніе и, по всѣмъ вѣроятностямъ, много препятствовало укрѣпленію моего организма. Но очень скоро, однако, врожденная склонность взяла верхъ: между книгами отцовскими я нашелъ всеобщую исторію *Бассалаева*, и эта книга стала моею любимицею: я съ нею не разставался, прочелъ ее отъ доски до доски безконечное число разъ; особенно прельстила меня римская исторія. Велико было мое наслажденіе, когда послѣ краткой исторіи Бассалаева я досталъ довольно подробную исторію аббата Милота, нѣсколько разъ перечелъ и эту, и теперь еще помню изъ нея цѣлыя выраженія. Единовременно, кажется, съ Милотомъ попала мнѣ въ руки и исторія Карамзина: до тринадцати лѣтъ, т.-е. до поступленія моего въ гимназію, я прочелъ ее не менѣе двѣнадцати разъ, ра-

зумѣется, безъ примѣчаній; но нѣкоторые томы любилъ я читать особенно, самые любимые томы были: шестой—княженіе Іоанна III, и восьмой—первая половина царствованія Грознаго; здѣсь дѣйствовалъ во мнѣ отроческій патріотизмъ: любилъ я особенно времена счастливыя, славныя для Россіи; взявши, бывало, девятый томъ, я нехотя читаю первыя главы и стремлюсь къ любимой страницѣ, гдѣ на поляхъ стоитъ: „Славная осада Пскова". Живо помню, какъ я ненавидѣлъ Баторія; по цѣлымъ днямъ мечталъ я: а что еслибъ вдругъ самъ царь Иванъ принялъ начальство надъ войскомъ, и разбилъ бы Баторія, взялъ бы опять и Полоцкъ, и Ливонію? Представлялось живо, съ какимъ торжествомъ Иванъ въѣзжаетъ въ Москву, везя плѣннаго Баторія. Мечталось мнѣ и то: а что если по какому-нибудь счастливому случаю отыщутъ продолженіе исторіи Карамзина? Двѣнадцатый томъ мнѣ не очень нравился, именно потому, что въ немъ описываются одни бѣдствія Россіи, и какъ нарочно авторъ остановился тамъ, гдѣ долженъ начаться счастливый поворотъ событій. Вмѣстѣ съ книгами историческими любимымъ чтеніемъ моимъ были и путешествія. Нѣсколько разъ прочелъ я многотомную *Исторію о странствованіяхъ вообще*, а также *Всемірнаго Путешествователя*.

II.

Таковы были мои занятія до тринадцати лѣтъ; я уже сказалъ, что въ коммерческомъ училищѣ учили плохо, учителя были допотопные. Дома отецъ мой не имѣлъ времени заниматься со мною постоянно; давши мнѣ въ руки латинскую и греческую грамматику, онъ часто по нѣскольку недѣль не требовалъ отъ меня отчета въ томъ, что я изъ нея выучилъ; но какая же охота была долбить: amo, amas, amat, и τύπτω, τύπτεις, τύπτει—мальчику, который постоянно или защищалъ Псковъ отъ Баторія, или вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволою клалъ руку на уголья, или съ Колумбомъ открывалъ Америку? Обыкновенно, каждый день по нѣскольку часовъ я держалъ передъ собою латинскую грамматику, но внутри ея лежала другая книжка поменьше, обыкновенно какой-нибудь романъ. Отъ этого происходило, что когда

отецъ вдругъ начнетъ меня спрашивать или задастъ задачу, т.-е. переводъ съ русскаго на латинскій или греческій, то я отвѣчалъ плохо, и въ задачахъ моихъ „аористы“ сильно страдали. То же самое случалось и на экзаменахъ въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, которое помѣщалось въ Петровскомъ монастырѣ. Поѣздки на эти экзамены были самыми бѣдственными событіями въ моей отроческой жизни, ибо кромѣ того, что на экзаменахъ большею частію отвѣчалъ неудовлетворительно, что огорчало моего отца, самое училище возбуждало во мнѣ сильное отвращеніе по страшной неопрятности, бѣдному, сальному виду учениковъ и учителей, особенно по грубости, звѣрству послѣднихъ: помню, какое страшное впечатлѣніе на меня, нервнаго, раздражительнаго мальчика, произвелъ поступокъ одного тамошняго учителя: кто-то изъ учениковъ сдѣлалъ какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошелъ, вырвалъ у него цѣлый клокъ волосъ и положилъ ихъ передъ нимъ на столъ. Я чуть-чуть не упалъ въ обморокъ отъ этого прокезскаго поступка.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о состояніи того сословія, изъ котораго я произошелъ. Въ своей исторіи подробно объясню причины печальнаго состоянія русскаго духовенства. Главная причина заключалась въ томъ, что при переворотѣ (Петровскомъ) духовенство не имѣло возможности удержать за собою то положеніе, какимъ пользовалось въ древней Россіи. Прежде священникъ имѣлъ духовное преимущество по грамотности своей, теперь онъ потерялъ это преимущество; правда, онъ пріобрѣлъ школьную ученость, но со своею одностороннею семинарскою ученостью, со своею латынью онъ оставался *мужикомъ* предъ своимъ прихожаниномъ, который пріобрѣлъ лоскъ образованія, для котораго сфера всякаго рода интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ, расширилась, тогда какъ для священника она расшириться не могла. Священникъ попрежнему оставался обремененнымъ семействомъ, подавленнымъ мелкими нуждами, во всемъ зависящимъ отъ своихъ прихожанъ, нищимъ, въ извѣстные дни протягивающимъ руку подъ прикрытіемъ креста и требника. Выросшій въ бѣдности, въ черютѣ, въ избѣ сельскаго дьячка, онъ приходилъ въ семинарію, гдѣ

также бѣдность, грубость, чернота, съ латынью и диспутами; выходя изъ семинаріи, онъ женился, *по необходимости*, а жена, воспитанная точно такъ же, какъ онъ, не могла сообщить ему ничего лучшаго; являлся онъ въ порядочный домъ, оставлялъ послѣ себя грязные слѣды, дурной запахъ, бѣдность одежды, даже неряшество, которые бы легко сносили, даже уважали въ какомъ-нибудь пустынникѣ, одѣтомъ бѣдно и неряшливо изъ презрѣнія къ міру, ко всякой внѣшности; но эти бѣдность и неряшество не хотѣли сносить въ священникѣ, ибо онъ терпѣлъ бѣдность, одѣвался неряшливо вовсе не по нравственнымъ побужденіямъ; начиналъ онъ говорить—слышали какой-то странный, вычурный, фразистый языкъ, къ которому онъ привыкъ въ семинаріи, и неприличіе котораго въ обществѣ понять не могъ; священника не стали призывать въ гости для бесѣды въ порядочные дома: съ нимъ сидѣть нельзя, отъ него пахнетъ, съ нимъ говорить нельзя, онъ говоритъ по-семинарски. И священникъ одичалъ: сталъ бояться порядочныхъ домовъ, порядочно одѣтыхъ людей; прибѣжитъ съ крестомъ и дожидается въ передней, пока доложатъ; потомъ войдетъ въ первую послѣ передней комнату, пропоетъ, схватитъ деньги и бѣжитъ, а лакеи уже несутъ куреніе, несутъ тряпки: онъ оставилъ дурной запахъ, онъ наслѣдилъ, потому что ходитъ безъ калошъ; лакеи смѣются, барскія дѣти смѣются, а баринъ съ барыней серьезно разсуждаютъ, что какіе-де наши попы, какъ-де они унижаютъ религію!

Бѣдственное состояніе русскаго духовенства увеличивалось еще болѣе раздѣленіемъ его на бѣлое и черное, на черное—господствующее—и на бѣлое—подчиненное, рабствующее. Явленіе, только-что допускаемое въ древней церкви, превратилось въ обыкновеніе, наконецъ—въ законъ, по которому архіереи непремѣнно должны быть изъ чернаго духовенства, монахи. И вотъ сынъ дьячка какого-нибудь хорошо учится въ семинаріи, начальство начинаетъ представлять ему на видъ, что ему выгоднѣе постричься въ монахи и быть архіереемъ, чѣмъ простымъ попомъ, и вотъ онъ *для того, чтобы быть архіереемъ*, а не по внутреннимъ нравственнымъ побужденіямъ, постригается въ монахи, становится архимандритомъ, ректоромъ семинаріи или акаде-

міи и наконецъ архіереемъ, т.-е. полиціймейстеромъ, губернаторомъ, генераломъ въ рясѣ монаха. Извѣстно, что такое наши генералы; но генералы въ рясѣ—еще хуже, потому что свѣтскіе генералы все еще имѣютъ болѣе широкое образованіе, все еще боятся какого-то общественнаго мнѣнія, все еще находятъ ограниченіе въ разныхъ связяхъ и отношеніяхъ общественныхъ, тогда какъ архіерей—совершенный деспотъ въ своемъ замкнутомъ кругу, гдѣ для своего произвола не встрѣчаетъ онъ ни малѣйшаго ограниченія, откуда не раздается никакой голосъ, вопіющій о справедливости, о защитѣ—такъ все подавлено и забито неимовѣрнымъ деспотизмомъ. Сынъ какого-нибудь дьячка, получившій самое грубое воспитаніе, не освободившійся отъ этой грубости нисколько въ семинаріи, пошедшій въ монахи безъ нравственнаго побужденія и изъ одного честолюбія ставшій наконецъ повелителемъ изъ раба, архіерей не знаетъ мѣры своей власти: гнетъ, давитъ. Извѣстно, что нѣтъ худшаго тирана, какъ рабъ, сдѣлавшійся господиномъ; архіерей, какъ сказано, дѣлается господиномъ изъ раба; это объясняется не только вышеизложеннымъ состояніемъ бѣлаго духовенства, но также воспитаніемъ въ семинаріяхъ, гдѣ жестокость и деспотизмъ въ обращеніи учителей и начальниковъ съ учениками доведены до крайности; чтобы быть хорошимъ ученикомъ, мало хорошо учиться и вести себя нравственно,—надобно превратиться въ столпъ одушевленный, котораго одушевленіе выражалось бы постояннымъ поклоненіемъ предъ монахомъ—инспекторомъ и ректоромъ, уже не говорю—предъ архіереемъ. И вотъ юноша, имѣющій особенную склонность къ поклоненію, хотя бы и не такъ хорошо учился и не такъ отлично велъ себя, идетъ впередъ, постригается въ монахи и скоро становится начальникомъ товарищей своихъ, и легко догадаться, какъ онъ начальствуетъ! Мы видѣли, по какимъ побужденіямъ произнесъ онъ обѣты монашескіе: онъ пошелъ въ монахи не для того, чтобы бороться со страстями и подавлять ихъ, а напротивъ, для удовлетворенія одной изъ самыхъ изсушающихъ человѣка страстей—честолюбія; онъ пошелъ въ монахи, чтобы быть архіереемъ. И вотъ нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ монаховъ и архіереевъ, не имѣя никакихъ нравственныхъ побужде-

ній для обузданія плотскихъ страстей, предаются имъ и производятъ соблазнъ; но надобно замѣтить, что это еще лучшіе архіереи; зная за собою грѣшки, они мягче относительно другихъ, относительно подчиненныхъ. Гораздо хуже тѣ, которые удерживаютъ себя, надѣваютъ личину святости; страсти плотскія кипятъ не удовлетворенныя, но и не обузданныя христіанскими нравственными началами, христіанскимъ подвижничествомъ; черствая душа не размягчается ни постоянною молитвою, постояннымъ сообщеніемъ съ предметомъ религіозной любви, ни мягкими отношеніями семейными, доступными мірскимъ людямъ: черствая душа невольнаго инока-архіерея ищетъ удовлетворенія другимъ страстямъ, удовлетворенія приличнаго и безнаказаннаго въ мірѣ семъ; отсюда — необузданное честолюбіе, злоба, зависть, мстительность, страшное высокомѣріе, требованіе безполезнаго рабства и униженія отъ подчиненныхъ, ничѣмъ не сдерживаемая запальчивость относительно послѣднихъ. Разумѣется, были исключенія; но я говорю не объ исключеніяхъ; я прибавлю, что представительнѣйшій изъ русскихъ архіереевъ второй половины XVIII вѣка, Платонъ, дрался собственноручно, бралъ подарки отъ подчиненныхъ, обогащалъ племянницъ своихъ; преемникъ его, Августинъ, человѣкъ даровитый, знаменитъ былъ извѣстною связью съ Марѳою Кротковою и неприличными остротами; преемникомъ Августина былъ Степанъ, въ иночествѣ Серафимъ; посвященіе его въ монахи любопытно. Онъ былъ хорошъ собою и счастливъ съ женщинами; однажды къ Платону дошла сильная жалоба на семинарскаго ловеласа; Платонъ, любившій вербовать всѣми неправдами въ монахи, воспользовался случаемъ и предложилъ молодому преступнику на выборъ: или жестокое наказаніе, лишеніе будущности, или постриженіе и архіерейство. Степанъ избралъ послѣднее и превратился въ Серафима. Послѣ этого событія однажды Платонъ гулялъ съ профессорами академіи по двору Троицкаго монастыря и занимался любимою своею забавою: взглянувши на какой-нибудь предметъ, онъ произносилъ первый стихъ, относящійся къ этому предмету, а спутники должны были подби-

рать приличный второй стихъ. Взглянувши на старый царскій дворецъ, Платонъ произнесъ:

„Чертоги зрю монарши“...

Изъ толпы спутниковъ немедленно послышался второй стихъ:

„Погибъ Степанъ отъ секретарши!“

Этотъ Степанъ, или Серафимъ, оказался человѣкомъ бездарнымъ и, несмотря на то, былъ послѣ митрополитомъ московскимъ, а потомъ петербургскимъ и первенствующимъ членомъ синода, ибо правительство боялось архіереевъ даровитыхъ и любило смиренныя посредственности. Но Серафимъ, не отличаясь ничѣмъ хорошимъ, не отличался, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ дурнымъ, былъ добрый, очень сносный архіерей.

III.

Не таковъ былъ знаменитый преемникъ Серафима въ московской митрополіи—Филаретъ. Принадлежа, безспорно, къ числу даровитѣйшихъ людей своего времени, Філаретъ шелъ необыкновенно быстро, поддерживаемый массонскою партіею, къ которой принадлежалъ, особенно другомъ своимъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Отъ природы ли получилъ онъ горячую голову и холодное сердце,—или вслѣдствіе положенія его, вслѣдствіе отсутствія сердечныхъ отношеній, внутренняя теплота постоянно отливала у него отъ сердца къ головѣ,—только этотъ человѣкъ для коротко знавшихъ и наблюдавшихъ его представлялъ печальное явленіе. Рожденный быть министромъ, онъ попалъ въ архіереи. Если бы онъ попалъ въ латинскіе прелаты, то онъ нашелъ бы себѣ дѣятельность, но онъ попалъ въ русскіе архіереи, между которыми правительство любило умъ и талантъ только въ той степени, въ какой этотъ умъ и талантъ употреблялись исключительно на служеніе ему, правительству. Филаретъ шелъ шибко, когда служилъ правительству, и былъ удаленъ, когда замѣтили въ немъ попытки служить себѣ или своему сословію. Религія требуетъ отъ монаха отреченія отъ міра для Бога; наше правительство требовало отъ монаха-архіерея отреченія отъ міра и отъ Бога для него—правительства. Филаретъ

долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ св. синодѣ, гдѣ шпоры оберъ-прокурора, гусарскаго офицера, графа Протасова, зацѣплялись за его рясу. По смерти Серафима, Филарета оставили въ Москвѣ, а въ Петербургъ, т.-е. въ первоприсутствующіе члены синода, взяли съ юга какого-то Антонія, человѣка ничтожнаго, а послѣ Антонія—Никанора изъ Варшавы, такую же ничтожность сравнительно съ Филаретомъ. Сначала было думали, что Филаретъ станетъ явно въ оппозицію; нѣкоторыя проповѣди показывали дѣйствительно въ немъ это направленіе, но это было минутное выраженіе досады оскорбленнаго честолюбія; Филаретъ не могъ свыкнуться съ мыслью жить внѣ благосклонности царской, архіереемъ опальнымъ, ибо опала эта уменьшила бы его значеніе,—и онъ сталъ льстить, поднесъ голубя [1]), который возвратился къ нему съ масличною вѣтвью, знаками благоволенія. Испорченность Филарета можно было замѣтить изъ его разговоровъ: начнетъ о чемъ-нибудь и сведетъ на дворъ, на императора, на свои сношенія съ царскою фамиліею. Я сказалъ уже, что у этого человѣка была горячая голова и холодное сердце, что такъ рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, что бы обращалось къ сердцу, говорило ему. Такой характеръ при дарованіяхъ самыхъ блестящихъ представилъ въ Филаретѣ печальное явленіе: онъ явился страшнымъ деспотомъ, обскурантомъ и завистникомъ. Сохрани Боже, если свѣтское лицо скажетъ что-нибудь прекрасное относительно религіи и церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь изъ духовныхъ, помимо его, скажетъ что-нибудь прекрасное,—онъ оскорбленъ. Талантъ находилъ въ немъ постояннаго гонителя; выдвигалъ, выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, бездарныхъ, которые пресмыкались у его ногъ. Это пресмыканіе любилъ онъ болѣе всего, и ни одинъ архіерей не могъ соперничать съ нимъ въ

---

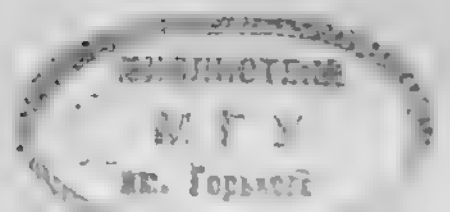
[1]) При торжествѣ двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I, Филаретъ, отъ имени всего московскаго духовенства (которое ничего объ этомъ не вѣдало), просилъ у государя позволенія соорудить надъ престоломъ Успенскаго собора изображеніе св. Духа въ видѣ голубя.

этой любви; ни въ одной русской епархіи раболѣпство низшаго духовенства предъ архіереемъ не было доведено до такой отвратительной степени, какъ въ московской во время управленія Филарета. Этотъ человѣкъ (святой во мнѣніи московскихъ барынь) позабывалъ всякое приличіе, не зналъ мѣры въ выраженіяхъ своего гнѣва на бѣднаго, трепещущаго священника или дьякона при самомъ ничтожномъ проступкѣ, при какомъ-нибудь неосторожномъ, неловкомъ движеніи. Это не была только вспыльчивость,—тутъ была злость, постоянное желаніе обидѣть, уколоть человѣка въ самое чувствительное мѣсто. Объ отношеніяхъ Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка, что онъ ѣлъ одного пискаря въ день и потомъ закусывалъ. И не должно думать, чтобы здѣсь была излишняя строгость, излишнія требованія отъ подчиненныхъ благочинія и нравственности; Троицкая лавра, подчиненная ему непосредственно, была мѣстомъ разгула; на нравственность духовенства вообще онъ не обращалъ вниманія: Филаретъ требовалъ одного—чтобы всѣ клали поклоны ему, и въ этомъ полагалъ величайшую нравственность.

Въ ужасномъ состояніи, подъ гнетомъ Филарета, находились духовная академія московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій, всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи. Филаретъ являлся для преподавателей хищнымъ животнымъ, которое прислушивается къ малѣйшему шороху, обнаруживающему жизнь, движеніе, живое существо и бросается, чтобъ задавить это существо. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи,—Филаретъ вырываетъ ее, и, чтобъ отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ: „Это что за нелѣпость! Дуракъ!“—кричитъ онъ ему. Несчастный кланяется.—Русская церковь могла съ похвальбою выста-

вить предъ западною—Филарета, который могъ превзойти самаго ловкаго іезуита. Онъ и не скрывалъ своего сочувствія къ іезуитамъ, говорилъ въ академіи: „Какъ жаль, что столько талантовъ, учености, трудолюбія, самоотверженія, благонамѣренности употреблено на поддержаніе папскихъ заблужденій!“—Поданный имъ проектъ учрежденія миссіонерскихъ училищъ былъ совершенно іезуитскій: также запрещено было ученикамъ ходить вдвоемъ, также развита была система шпіонства и доносовъ; даже императора Николая оскорбилъ этотъ проектъ, и онъ отвергнулъ его. Въ академической библіотекѣ сохранялась книга о раскольникахъ, драгоцѣнная по собственноручнымъ замѣчаніямъ митрополита Платона, слѣдующаго содержанія: споръ съ раскольниками невозможенъ, ибо для успѣшнаго окончанія всякаго спора необходимо, чтобы спорящіе признавали одно начало. Такъ, въ религіозномъ спорѣ необходимо, чтобъ обѣ стороны признавали одинъ авторитетъ—священное писаніе; но невѣжественный раскольникъ одинаковую важность съ Евангеліемъ придаетъ и твореніямъ отцовъ, часто ошибавшимся, и приговорамъ соборовъ, также часто ошибочнымъ, житіямъ святыхъ и разнымъ повѣстямъ нелѣпымъ. Просвѣщенный богословъ опровергать его не можетъ уже и потому, что боится оскорбить и своихъ слабыхъ, благоговѣющихъ предъ всѣми этими авторитетами: и потому молчи, просвѣщенный богословъ, и ври, невѣжественный раскольникъ!—Филарету показали эту книгу; онъ взялъ ее къ себѣ и возвратилъ ее въ другомъ видѣ: строки, написанныя Платономъ, уже были уничтожены: „Зачѣмъ—сказалъ онъ приэтомъ—позорить память такого знаменитаго пастыря“. Какой-то невѣжда написалъ книгу противъ раскольниковъ, гдѣ мнѣніе папы Иннокентія III приписалъ Иннокентію II, другу Іоанна Златоустаго, а другой невѣжда поставилъ обоихъ Иннокентіевъ и приписалъ имъ одно и то же мнѣніе. Книга проходила чрезъ академическую цензуру; профессора представили ее Филарету съ указаніемъ явной нелѣпости: „Пропустить,—отвѣчалъ Филаретъ,—это можетъ принести *пользу*“. Однажды Филаретъ выразилъ желаніе, чтобъ кто-нибудь занялся опроверженіемъ Сведенборга, имѣющаго читателей и почитателей.

133061



Одинъ ученый занялся дѣломъ и представилъ ректору изложеніе ученія Сведенборга и опроверженіе. Первая часть, изложеніе ученія, ужаснула ректора: „Какъ можно такъ писать! Сведенборгъ выходитъ у васъ очень уменъ“. И давай вычеркивать изъ сочиненія все то, что́ могло выставить Сведенборга въ сколько-нибудь выгодномъ свѣтѣ; ревность отца-ректора дошла до того, что, встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостинницѣ Сведенборгъ имѣлъ видѣніе, онъ зачеркнулъ: „гостинница“ и написалъ: *кабакъ*. Въ этомъ исправленномъ видѣ сочиненіе было представлено Филарету; но тотъ нашелъ, что и тутъ оно представляетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, и еще перемаралъ, такъ что когда ректоръ послѣ этого опять началъ читать статью, то съ самодовольнымъ смѣхомъ повторялъ: „Какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ!“

IV.

Въ такомъ печальномъ состояніи находилось русское духовенство, когда я началъ понимать. Но скоро я могъ уже замѣтить мерцаніе свѣта, обѣщавшее выходъ изъ этого страшнаго положенія, и то направленіе, которымъ *шла* Россія въ продолженіе 150-ти лѣтъ, взяло наконецъ свое: просвѣщеніе, начавшее наконецъ смягчать нравы, распространять лучшія понятія въ русскомъ обществѣ, проникло съ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своимъ и въ семинаріи, и въ духовенство. Русскій человѣкъ любитъ читать,—это искони было залогомъ его прогресса; читали и читали усердно семинаристы и попы, оглянулись на самихъ себя при новомъ свѣтѣ, и стало имъ гадко; начало распространяться недовольство своимъ воспитаніемъ, условіями своего быта, и это былъ уже огромный шагъ; начали отряхаться, обчищаться извнѣ, но съ этимъ вмѣстѣ шло, хотя понемногу, и внутреннее очищеніе; особенно большое вліяніе оказали здѣсь, какъ и на все русское общество, журналы; при сравненіи нѣсколькихъ поколѣній священниковъ, старыхъ, среднихъ, новыхъ, легко было увидать разницу въ пользу послѣднихъ. Здѣсь Петербургъ пошелъ впередъ: въ этомъ городѣ изначала было больше внѣшней

чистоты, которая всегда имѣетъ вліяніе на внутреннюю, если не употреблена во зло, не доведена до односторонности. Во всей Россіи вообще и въ Петербургѣ въ особенности преобладало стремленіе къ одной форменности; не могло не отразиться это и на духовенствѣ; съ другой стороны, вначалѣ духовенство, особенно въ Петербургѣ, познакомившись ближе съ наукою, ударило въ протестантизмъ, потомъ въ раціонализмъ. Но этому явилось противодѣйствіе: религіозная потребность начала усиливаться: въ XVIII вѣкѣ смотрѣли на религію съ презрѣніемъ и не могли не радоваться унизительному состоянію служителей религіи; въ XIX вѣкѣ направленіе измѣнилось; волею-неволею должны были уступить религіи высокое, высочайшее мѣсто: обнаружилось стремленіе къ самопознанію, начались толки о старинѣ русской, въ которой церковь играла такую важную роль; съ желаніемъ поднять русскую старину, русскую народность необходимо соединилось желаніе поднять русскую церковь, православіе, какъ главную отличительную черту этой народности; люди невѣрующіе во Христа начали толковать о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями христіанскими; все это необходимо должно было содѣйствовать очищенію духовенства, и признаки этого очищенія, какъ уже сказано, показались въ половинѣ XIX вѣка,—конечно, признаки не очень рѣзкіе, слабое мерцаніе свѣта, который не могъ свѣтить ярко, благодаря тяжести атмосферы повсюду въ Россіи; но все начинается съ небольшого, не вдругъ.

Признавая важное значеніе православія въ русской исторіи, мы не назовемъ, однако, вліянія этого „византійскаго“ исповѣданія безусловно благодѣтельнымъ; вмѣстѣ съ этимъ, впрочемъ, вглядываясь внимательно и въ прошедшее, и въ настоящее, мы не можемъ приписывать непріятнаго во многихъ отношеніяхъ хода русской исторіи православію, не можемъ не увидать въ немъ свѣтлыхъ сторонъ относительно и прошедшаго, и настоящаго, и будущаго.

Православіе могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія и самодержавія; по характеру своему, это „византійское“ исповѣданіе изначала стремилось стать полезнымъ оружіемъ самодержавной власти—и стало. Такимъ

образомъ, скажутъ иные, православіе способствовало утвержденію рабства, было оружіемъ порабощенія въ рукахъ деспота; элементы сопротивленія деспотизму не могли находить въ немъ опору. Но мы спросимъ, гдѣ были эти элементы сопротивленія и каковы были они? Безсмысленное боярство—съ одной стороны, и свирѣпое казачество—съ другой! Предположимъ, что вмѣсто православія былъ бы въ Россіи католицизмъ: конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что̀ бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало одно только православіе, а именно, только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 году и ополячить Московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, еслибъ вся восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели мы будемъ сѣтовать за это на православіе? Относительно настоящаго я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его великую, будто бы, историческую роль и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло,—я спрошу у этихъ господъ: „Вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круглый годъ не заглядываете въ церковь—и кто васъ за это тревожитъ? Знаете ли вы вашего приходскаго священника, и знаетъ ли васъ этотъ священникъ? Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволилъ бы вамъ такъ спокойно вольнодумничать, такъ спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самаго злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить къ себѣ въ церковь и на исповѣдь; если въ православіи правительство имѣетъ орудіе тупое, въ католицизмѣ оно имѣло бы острое. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдающихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ; достаточно факта, всѣмъ извѣстнаго: движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ практическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остано-

виться на срединѣ, избѣжать крайностей,—всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря уже объ исторической и догматической неправдѣ папизма, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія, то, во-первыхъ, оно не имѣетъ того характера, безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія и нисколько нигдѣ не стѣснитъ народныхъ движеній, ибо уживется со всякими правительственными формами. Православіе отражаетъ теперь на себѣ всю черную сторону настоящаго состоянія русскаго общества; оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами; при перемѣнѣ къ лучшему, на немъ отразится эта перемѣна, оно не помѣшаетъ ей; теперь оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами,—тогда будетъ радоваться и будетъ довольно вмѣстѣ съ нами; это—нашъ вѣрный спутникъ; не будемъ же отнимать отъ него руки нашей.

V.

Какъ я уже сказалъ,—во время моего отрочества, въ нѣкоторыхъ священническихъ семействахъ начало возникать недовольство своимъ положеніемъ, стремленіе выйти изъ него, пообчиститься, поотряхнуться. Къ числу такихъ семействъ принадлежало и наше. Въ немъ начало прогресса представлялось преимущественно матерью. Родня отца моего, священники, дьяконы, дьячки оставались въ селахъ; родные моей матери были, большею частью, свѣтскіе,—отсюда и бо́льшая часть знакомства состояла изъ свѣтскихъ же людей; было и нѣсколько духовныхъ, которыхъ мать очень не любила и которые своими привычками и поведеніемъ рознились отъ свѣтскихъ знакомыхъ не къ своей выгодѣ. Эта противоположность, которую, разумѣется, мать старалась выставлять при каждомъ удобномъ случаѣ, произвела на меня сильное впечатлѣніе, внушила мнѣ отвращеніе отъ духовнаго званія, желаніе какъ можно скорѣе выйти изъ него, поступить въ

свѣтское училище. Сестеръ моихъ отдали въ пансіонъ, что̀ было тогда очень рѣдкимъ явленіемъ между духовными,— страннѣе было бы меня отдать въ семинарію, особенно когда въ устахъ моей матери семинарія была синонимомъ всякой гадости. Отецъ колебался, медлилъ; но скоро медлить стало нельзя по той причинѣ, что, какъ уже сказано выше, я плохо занимался латынью, плохо отвѣчалъ на экзаменахъ въ петровскомъ монастырѣ; отецъ видѣлъ, что я занимаюсь, цѣлый день сижу съ книгами, но знаю не то, что̀ требовалось въ духовныхъ училищахъ, и наконецъ рѣшился выписать меня изъ духовнаго званія и опредѣлить въ гимназію. И здѣсь въ самомъ началѣ произошло сильное препятствіе, вслѣдствіе моего безпорядочнаго воспитанія: я изумилъ учителя исторіи и географіи моими познаніями, но оказался крайне слабъ въ математикѣ, къ которой питалъ сильное отвращеніе въ самомъ началѣ и во все продолженіе моего ученія. Меня едва приняли въ третій классъ.

Здѣсь прежде всего я долженъ заняться описаніемъ гимназіи, какъ она находилась въ то время, какъ я вступилъ въ нее. Ученіе вообще, съ нѣкоторыми исключеніями, было порядочное, напримѣръ, гораздо порядочнѣе, чѣмъ въ коммерческомъ училищѣ; кромѣ того, учителя и надзиратели не позволяли себѣ такихъ ирокезскихъ поступковъ, какъ въ духовныхъ училищахъ; но нельзя сказать, чтобы нравственность учениковъ была въ сколько-нибудь удовлетворительномъ состояніи. Въ третьемъ классѣ, куда я поступилъ, было болѣе ста человѣкъ; тишины и благочинія, особенно между уроками, было мало; всего хуже было то, что многіе ученики, получившіе дурное нравственное воспитаніе дома, позволяли себѣ громко и беззазорно площадное сквернословіе. Нѣкоторые учителя, учителя главныхъ предметовъ, пользовались особеннымъ уваженіемъ, и у нихъ въ классѣ было тихо; но зато у другихъ—у несчастнаго нѣмца, у рисовальнаго учителя—ходили вверхъ ногами. Обыкновенно передъ нѣмецкимъ классомъ толпа отчаянныхъ шалуновъ отправлялась изъ классной комнаты въ корридоры, и какъ только нѣмецъ усядется на каѳедрѣ и начнетъ заниматься дѣломъ, двери отворяются, и ушедшіе съ шумомъ входятъ *гусемъ* одинъ за другимъ; обыкновенно шествіе открывалъ малень-

кій шалунъ Чесноковъ [1]), съ необыкновенно бѣлымъ лицомъ и бѣлыми волосами; нѣмецъ вскакивалъ, начиналъ кричать: „Старшій! Хватай, лови! Хватай этого бѣлаго сѣдого перваго гуся!"—Но старшій былъ самъ изъ учениковъ, самого его гусиное шествіе забавляло такъ же, какъ и другихъ. Начнетъ нѣмецъ диктовать; всѣ пишутъ и сидятъ тихо въ ожиданіи, пока онъ скажетъ: „semicolon"; тогда всѣ хоромъ: „зимній Никола!" Нѣмецъ опять начинаетъ бѣситься—и новое наслажденіе! Преданіе ходило, что прежде, лѣтъ пять назадъ, было еще хуже или еще лучше: разсказывали, какъ въ рисовальный классъ врывалась толпа учениковъ, переряженныхъ, въ вывороченныхъ шубахъ, какъ рисовальный учитель приходилъ съ кнутомъ въ классъ, за что и прозванъ былъ пастухомъ. Это было въ блаженныя времена инспекторства профессора Семена Мартыновича Ивашковскаго, добрѣйшаго и страннѣйшаго человѣка. Бывало, Ивашковскій придетъ въ спальни къ казеннымъ ученикамъ и найдетъ тамъ одного изъ нихъ, по лѣности не пошедшаго въ классъ, *отгуливавшаго*, по гимназическому выраженію: „Ты, *буде*, зачѣмъ здѣсь?—кричитъ грозно инспекторъ.—Солдаты! розогъ!"—Ученикъ не оправдывается, но старается отвлечь вниманіе Ивашковскаго на другіе предметы: „Семенъ Мартынычъ! Извольте поглядѣть: вотъ уже третій день, какъ форточка разбилась, а ее все не чинятъ!"—„Да, *буде*, хорошо, что ты мнѣ показалъ". „Семенъ Мартынычъ! Вотъ подъ кроватями никогда не выметаютъ сору". — „Хорошо, *буде*, хорошо, что ты мнѣ указалъ". А между тѣмъ солдаты пришли съ розгами и стоятъ въ дверяхъ. „Вы, буде, зачѣмъ пришли?"—„Ваше высокоблагородіе изволили приказать".—„Врете, буде: я вамъ никогда не приказывалъ; ступайте вонъ"!—Солдаты уходятъ, и Семенъ Мартынычъ идетъ далѣе, забывши объ ученикѣ отгуливавшемъ, о форточкѣ, о сорѣ подъ кроватями и обо всемъ на свѣтѣ. При мнѣ инспекторомъ былъ Михайло Игнатычъ Бѣляковъ, также прежде профессорствовавшій въ университетѣ. Это былъ человѣкъ неглупый и распорядительный, но желчный и гру-

---

[1]) Кончившій курсъ въ университетѣ, вступившій въ военную службу и убитый на Кавказѣ.

бый; какой онъ могъ показать примѣръ воспитанникамъ, какъ могъ пріучить ихъ къ лучшимъ, чистѣйшимъ формамъ, видно изъ того, что какъ, бывало, начнетъ кричать на учениковъ, то не обойдется безъ „с... с..!". Былъ онъ вдовъ и жилъ съ толстой нянькой своего сына, что̀, разумѣется, не могло очистить его отъ дурныхъ привычекъ, и что̀ ученики очень хорошо знали. Еще меньше хорошаго примѣра могъ подать главный начальникъ гимназіи, директоръ Окуловъ. Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ разгульною, развратною жизнью, мотовствомъ, искусствомъ разсказывать анекдоты, преимущественно непристойные; приэтомъ добрѣйшій, пріятнѣйшій человѣкъ въ обществѣ, не дѣлавшій никому зла. Но эти достоинства меньше всего, однако, давали ему право быть директоромъ воспитательнаго заведенія. На гимназію онъ смотрѣлъ какъ на доходное мѣсто, имѣя много пансіонеровъ; привыкши брать всюду деньги безъ отдачи, онъ распоряжался и гимназическимъ казеннымъ сундукомъ, какъ своимъ, что̀ приводило въ отчаяніе инспектора и учителей, на которыхъ должна была пасть вся отвѣтственность; дѣлами вовсе не занимался, предоставляя все инспектору. И такой-то человѣкъ былъ лѣтъ двадцать директоромъ гимназіи и умеръ на этомъ мѣстѣ (въ 1853 году); тщетно графъ Строгановъ, во время своего попечительства, пытался нѣсколько разъ его свергнуть, аттестуя его такъ: „онъ способенъ—только не по учебной части". Окуловъ держался связями, былъ любимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; сестра его была хороша при дворѣ, а самъ онъ былъ пріятелемъ министра Уварова, котораго потѣшалъ своими бесѣдами.

Попечителемъ учебнаго округа былъ знаменитый, въ Москвѣ вельможа, князь М. Голицынъ, называвшійся „послѣднимъ московскимъ барономъ". Это былъ человѣкъ ограниченный, самолюбивый, привыкшій съ ранней молодости играть первенствующую роль по своимъ связямъ и богатству, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень добрый, набожный нелицемѣрно, имѣвшій въ себѣ истинно-аристократическія свойства. Давно уже онъ занималъ должность предсѣдателя опекунскаго совѣта, но мало занимался дѣлами и мало былъ способенъ къ занятіямъ; понятно, что еще меньше занимался онъ дѣлами округа и еще меньше былъ способенъ заниматься ими.

Кажется, во все время управленія своего онъ былъ только разъ въ университетѣ, и вотъ по какому случаю: жена генералъ-губернатора, княгиня Татьяна Васильевна Голицына, выдавъ свою воспитанницу за профессора Ш., хотѣла непремѣнно, чтобы попечитель оказалъ вниманіе послѣднему, былъ у него на лекціи. Кн. М. Г. хотѣлъ угодить дамѣ и проѣхалъ въ университетъ, но вмѣсто Ш. попалъ на лекцію къ сопернику его, Надеждину, и остался въ полномъ убѣжденіи, что слушалъ Ш. Въ гимназіи мы видѣли его раза два или три, и этимъ обязаны были тому, что онъ жилъ рядомъ съ гимназіею; говорятъ, что однимъ изъ этихъ посѣщеній мы были обязаны тому, что во время прогулки Г. необходимо стало какъ можно скорѣе удовлетворить естественной нуждѣ, и онъ, не успѣвши добѣжать до дому, забѣжалъ въ гимназію и изъ извѣстнаго мѣста уже потомъ кстати зашелъ и въ классы.

Гимназія и вообще московскій округъ ждали человѣка для своего преобразованія, очищенія—и дождались: по просьбѣ Голицына, онъ былъ избавленъ отъ попечительства, и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Пріѣхалъ новый попечитель—и, какъ по свистку въ театрѣ, декораціи перемѣнились: въ классахъ—порядокъ, благочиніе, тишина; бывало прежде, у нѣкоторыхъ учителей послабѣе, на передней лавкѣ ученики еще слушали кое-что, на среднихъ—разговаривали, а на заднихъ—спали или въ карты играли; теперь кто и не хотѣлъ заниматься, сидѣлъ тихо и не мѣшалъ другимъ. Главное—ученики и учителя пообчистились, отряхнулись, стали съ бо̀льшимъ уваженіемъ смотрѣть на себя, на свои занятія. Отчего же это произошло? Оттого, что явился начальникъ, какого никогда еще не бывало, человѣкъ дѣятельный, хотѣвшій сдѣлать въ своемъ вѣдомствѣ все, какъ нельзя лучше, и имѣвшій къ тому всѣ средства. Духъ добросовѣстнаго начальника сдѣлался присущъ каждому заведенію; Строгановъ поселилъ всюду свой духъ, и этотъ духъ блюлъ за улучшеніемъ нравственнымъ и учебнымъ. Всѣхъ осѣнила благодѣтельная мысль: чтобы заслужить вниманіе начальника, надобно какъ можно усерднѣе исполнять свою обязанность—и только, не заботясь болѣе ни о чемъ; отъ начальника не скроется нерадѣніе, онъ не поща-

дить; и къ нему нельзя подольститься ничѣмъ другимъ, кромѣ усерднаго исполненія должности, кромѣ личныхъ достоинствъ. Къ Строганову можно было подольститься только тѣмъ, чѣмъ у другихъ начальниковъ подчиненный могъ только навлечь на себя вѣчную опалу. Вотъ случай, который лучше всего опредѣляетъ взглядъ Строганова на отношенія подчиненныхъ къ начальнику. Однажды я былъ у него; пришелъ какой-то другой господинъ и началъ говорить объ одномъ чиновникѣ, служившемъ подъ начальствомъ Строганова. Послѣдній разсыпался въ похвалахъ этому чиновнику и кончилъ панегирикъ такъ: „Что это за человѣкъ! Бывало, начну съ нимъ спорить, указывать ему—не дастъ слова выговорить! Прекрасный, честный человѣкъ, крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ!“ Такой взглядъ всего рѣзче выдавался оттого, что въ наше время у генераловъ военныхъ и статскихъ подчиненный могъ выиграть только лестью, поддакиваніемъ, самоуничиженіемъ. Чтобъ испытать твердость убѣжденій преподавателей, Строгановъ любилъ озадачивать, накидываться; конечно, знавшему эти пріемы и дѣйствительно крѣпкому въ своихъ ученыхъ или какихъ бы то ни было убѣжденіяхъ легко было осадить Строганова и этимъ снискать его уваженіе; но нѣкоторые, неопытные, попадались; напримѣръ, однажды онъ вдругъ спросилъ учителя физики: „А въ какую сторону вертится ручка электрической машины?“—и тотъ не умѣлъ отвѣтить. Но не должно думать, что подобное неумѣнье уже рѣшало судьбу преподавателя, опредѣляло окончательно мнѣніе попечителя о немъ; важное достоинство Строганова заключалось въ томъ еще, что онъ старался долго со всѣхъ сторонъ собирать о человѣкѣ разнородные слухи, и окончательно опредѣлялъ свое мнѣніе на основаніи мнѣнія большинства спеціальныхъ людей въ ученомъ отношеніи и большинства порядочныхъ людей—въ нравственномъ.

Придти къ Строганову съ рекомендательнымъ письмомъ отъ знатной дамы, отъ знатнаго господина, значило навсегда погубить себя въ его мнѣніи, никогда не получить отъ него мѣста. Огромная была заслуга Строганова въ томъ отношеніи, что онъ уничтожилъ занятіе учебныхъ воспитательныхъ мѣстъ по рекомендаціямъ людей, неспособныхъ цѣнить реко-

мендуемыхъ. Его положеніе въ обществѣ и характеръ дѣлали для него это возможнымъ. Неизвѣстно, какъ и гдѣ Строгановъ напитался смолоду аристократическими понятіями. Потомокъ пермскаго колониста, именитаго человѣка Строганова, явился самымъ сильнымъ поборникомъ аристократическихъ стремленій. Основная его мысль—поднять высшее дворянское сословіе въ Россіи, дать ему средства поддержать свое положеніе, остаться навсегда высшимъ сословіемъ; самымъ сильнымъ для этого средствомъ въ его глазахъ было образованіе, наука; отсюда—мысль, что люди, поставленные по происхожденію и богатству въ верхнемъ слоѣ общественномъ, должны учиться по преимуществу. Самъ онъ получилъ плохое, поверхностное образованіе; но благороднымъ инстинктомъ понялъ, что наука есть могущество; отсюда—глубокое уваженіе къ наукѣ, интересъ ко всѣмъ явленіямъ науки и литературы. Будучи попечителемъ, онъ любилъ выпытывать, высасывать изъ подчиненныхъ ему ученыхъ свѣдѣнія; но понятно, что получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія при недостаткѣ первоначальнаго образовательнаго ученія неправильно громоздились въ его головѣ, вовсе не геніальной, дурно переваривались, часто безобразно и смѣшно скоплялись около нѣкоторыхъ любимыхъ его мыслей. Но дѣло было не въ правильности той или другой мысли попечителя, не въ томъ, что этотъ попечитель перепутывалъ событія, имена, лица по недостатку памяти и правильнаго, измлада начатаго накопленія свѣдѣній; дѣло было въ томъ, что попечитель уважалъ мысль вообще, уважалъ науку, ставилъ выше всего честность, прямоту, благородство, талантъ, трудолюбіе, святое исполненіе обязанностей, имѣлъ практическій смыслъ, не увлекался первою мыслью, какъ бы она ни поразила его съ перваго раза своею вѣрностью и пользою въ примѣненіи, не довѣрялъ самому себѣ, какъ безошибочному оцѣнщику, не довѣрялъ и другимъ, но выпытывалъ мнѣнія у многихъ авторитетныхъ людей посредствомъ спора, сравнивалъ эти мнѣнія. Мы часто имѣли случай смѣяться надъ его учеными промахами; нельзя было не смѣяться, какъ однажды при мнѣ онъ вздумалъ въ названіи города Посидонія искать тождества съ русскимъ словомъ *посадъ*, или имя князя Лугвенія на его печати—принялъ за названіе

города Лугвеня; но, съ одной стороны, уже самыя эти объясненія-промахи были почтенны въ русскомъ генералѣ, начальникѣ университета, тѣмъ болѣе, что Строгановъ никогда не давалъ значенія своимъ ученымъ мнѣніямъ и догадкамъ, оставляя ихъ при первомъ рѣшительномъ возраженіи и объясненіи спеціалиста; съ другой стороны, несмотря на то, что Строгановъ иногда подавалъ намъ причины внутренно посмѣяться, никто изъ насъ не выходилъ изъ его кабинета безъ уваженія къ человѣку добра, который умѣлъ оцѣнить всегда все хорошее и дать ему ходъ. Понятно, что у такого человѣка, какъ Строгановъ, было множество враговъ въ разныхъ слояхъ общества. Въ высшемъ, въ собственномъ его кругу, его вообще не любили за *гордость*. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ съ равными себѣ по общественному значенію, ибо очень немногихъ признавалъ себѣ равными: предъ генералами-фельдфебелями, выходцами-лакеями онъ гордился своимъ происхожденіемъ, чистотою характера, благородствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; предъ людьми, равными ему по происхожденію, онъ гордился своею образованностью, тѣмъ, что сохранялъ въ чистотѣ свое происхожденіе, не пятналъ его раболѣпствомъ, выслуживаніемъ, чѣмъ пятнала себя большая часть равныхъ ему по происхожденію. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ, неуживчивъ; сколько онъ былъ уступчивъ съ нами, людьми, которыхъ умственное превосходство онъ признавалъ, столько же былъ неуступчивъ, гордъ, рѣзокъ съ людьми, которыхъ нравственнаго и умственнаго превосходства надъ собою онъ не считалъ себя обязаннымъ признавать, ибо считалъ себя однимъ изъ первыхъ вельможъ въ имперіи — *Божіею милостью*. При этомъ, онъ былъ холоденъ, дикъ, мало доступенъ, скупъ. Послѣднее свойство,—не знаю, крылось ли оно въ его природѣ, по крайней мѣрѣ, видимо, оно проистекало изъ его убѣжденій. Государство сильно только аристократіею, думалъ онъ; но аристократія сильна не однимъ своимъ происхожденіемъ, особенно въ Россіи, гдѣ выходцамъ открыта такая свободная дорога; аристократія поддерживается личными достоинствами членовъ своихъ, ихъ нравственными средствами—отсюда стремленіе усвоить образованіе, науку, преимущественно для высшаго сословія; но аристократія

могущественно поддерживается также богатствомъ, отсюда—стремленіе сохранить и увеличить богатство аристократической фамиліи. Происходя самъ изъ бѣдной линіи Строгановыхъ, онъ пріобрѣлъ огромное имѣніе (слишкомъ 60.000 душъ) за женою, единственною наслѣдницею богатой линіи Строгановыхъ; имѣніе было огромно, но обременено долгами; онъ долженъ былъ очищать его; это было новымъ побужденіемъ къ скупости; наконецъ, имѣніе составляло майоратъ; всѣ эти 60.000 слишкомъ душъ переходили къ старшему сыну, младшихъ должно было надѣлить деньгами, деньги должно было скопить—еще побужденіе къ скупости. Но когда нужно было пріобрѣсти картину знаменитаго мастера, рѣдкую древнюю вещь, монету или что бы то ни было, помочь бѣдному ученому издать свое сочиненіе—тамъ Строгановъ не былъ скупъ; для журнала, который мы собирались издавать въ 53-мъ году, онъ давалъ намъ большую сумму денегъ, но мы не могли воспользоваться его предложеніемъ.

Но гордость, недоступность, скупость вооружали противъ Строганова многихъ изъ лицъ его общества; стараніе очистить подчиненныхъ ему людей вооружило противъ него тѣхъ изъ нихъ, которымъ уже нельзя было очиститься и которымъ было тяжко при немъ. Но для порядочныхъ людей, какъ принадлежащихъ къ ученому вѣдомству, такъ и для всѣхъ тѣхъ, которымъ дорого было просвѣщеніе, управленіе Строганова московскимъ учебнымъ округомъ было золотымъ временемъ. Не могу безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить того освѣженія нравственной атмосферы, которое произошло у насъ въ гимназіи, когда пріѣхалъ Строгановъ попечительствовать!

Директоромъ остался тотъ же Окуловъ, но онъ былъ еще въ большемъ отдаленіи отъ дѣлъ, въ явной немилости у попечителя, который презиралъ его, не хотѣлъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія. Инспекторъ Бѣляковъ оставилъ свое мѣсто, получивъ высшее мѣсто окружного инспектора; порядочныхъ людей было мало, потому пригодился и Бѣляковъ, по своему здравому смыслу и знаніямъ могшій быть очень полезнымъ для общаго надзора за училищами округа, не приходя въ ближайшее соприкосновеніе съ учениками,

слѣдовательно, не вредя имъ своею грубостью. На его мѣсто инспекторомъ въ гимназіи былъ назначенъ Погорѣльскій, изъ тамошнихъ учителей математики и бывшій также адъюнктомъ въ университетѣ, человѣкъ ловкій, дѣятельный, смѣтливый, самолюбивый, умѣвшій понять, чего хотѣлъ Строгановъ, чѣмъ надобно быть, чтобъ пріобрѣсти его расположеніе. Понятно, какъ много добра могъ сдѣлать такой инспекторъ при Строгановѣ. Благодаря ему-то произошла такая быстрая перемѣна, о которой я говорилъ. Смѣнены были учителя или слабые, какъ учитель греческаго языка Пантази, или имѣвшіе голову не въ правильномъ состояніи, какъ, напримѣръ, Оболенскій, сперва учитель русской словесности, потомъ латинскаго языка и адъюнктъ греческаго языка въ университетѣ, или давно уже остановившіеся, не хотѣвшіе знать ничего, кромѣ своего учебника, какъ, напримѣръ, учитель исторіи Добровольскій. Все пошло живѣе и тверже, а главное — распространилось уваженіе къ наукѣ, которая стала высшею, исключительною цѣлью.

VI.

Какъ прежде было сказано, я поступилъ въ третій классъ, благодаря плохому знанію математики. Вслѣдствіе сильнаго отвращенія отъ этой науки, полной неспособности къ ней, невозможности понять, къ чему служитъ эта передвижка цифръ и буквъ, какая благодать отъ того, что $x^2+px+q=0$, что X, наконецъ, можетъ быть равенъ 23 или 33, что при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ треугольники равны,—вслѣдствіе этого я не могъ дѣлать успѣховъ и въ гимназіи, хотя здѣсь принужденъ былъ силою заниматься и математикою, ломать безъ пользы голову по нѣскольку часовъ надъ задачами, что́, разумѣется, еще болѣе усиливало во мнѣ отвращеніе къ предмету. Въ третьемъ классѣ учителемъ былъ Волковъ—страшный педантъ; это чудовище осмѣлилось однажды поставить меня на колѣни, что̀ случилось со мною въ первый разъ въ жизни; понятно, каково было моему самолюбію—самолюбію ревностнаго сопутника героевъ древней, средней и новой исторіи. Мало того: Волковъ обращался ко мнѣ съ такими милыми привѣтами:

„Дуракъ ты, дуракъ ты, Соловьевъ!—Уравненія второй степени рѣшить не можешь! Жаль мнѣ твоего отца, отецъ твой хорошій человѣкъ, а ты дуракъ!“—И вотъ прошелъ годъ; я вышелъ изъ всѣхъ предметовъ отличнымъ, кромѣ математики; инспекторъ далъ знать объ этомъ отцу; отецъ нанялъ ученика изъ старшаго класса, чтобъ приготовлять меня изъ математики къ экзамену; я приготовился, взялъ, какъ говорится, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, выучилъ наизусть всѣ доказательства; экзаменовалъ учитель старшихъ классовъ, Погорѣльскій, къ которому я долженъ былъ перейти; этотъ человѣкъ любилъ скорые, твердые отвѣты; я отрѣзалъ ему отвѣтъ надиво, и Погорѣльскій восхитился, поцѣловалъ меня, сказалъ: „Умница мальчикъ! молодецъ мальчикъ!“—и поставилъ мнѣ 5. Волковъ стоялъ тутъ, и я былъ вполнѣ отомщенъ; тѣмъ болѣе успѣхъ мой былъ блистателенъ, что большая часть учениковъ, пользуясь длинной вакаціею по случаю перестройки гимназіи, очень плохо приготовилась. Я поступилъ въ четвертый классъ изо всѣхъ предметовъ первымъ. Здѣсь я долженъ замѣтить любопытное явленіе: ученики, которыхъ я засталъ въ третьемъ классѣ, перешедшіе сюда изъ второго съ отличными успѣхами, начали уже здѣсь портиться, перешли въ четвертый классъ кое-какъ и не могли дотянуть вовсе до седьмого, послѣдняго; изъ ста человѣкъ, бывшихъ при мнѣ въ третьемъ классѣ, не болѣе пяти вмѣстѣ со мною дотянули до седьмого и вступили въ университетъ; всѣ другіе были вступившіе позднѣе насъ прямо въ 4-й и 5-й классы. Еще любопытный случай, который поразилъ меня въ гимназіи: въ третьемъ классѣ силою и желѣзнымъ здоровьемъ отличались трое учениковъ—Чернохвостовъ, Богачевъ и Шютцъ, а я былъ самый слабый и хилый въ цѣломъ классѣ: означенные богатыри могли меня повалить пальцемъ; и что же? всѣ трое года черезъ два или черезъ три умерли! Причиною смерти Богачева и Шютца было, какъ надобно полагать, раннее и излишнее знакомство съ женщинами; что же касается до Чернохвостова, то этотъ очень умный и развитой малый влюбился въ Наполеона и пришелъ къ мысли, что онъ и въ Россіи, при ея настоящемъ положеніи, можетъ сдѣлаться Наполеономъ; въ 16 или 17 лѣтъ мало ли что̀ воображается,

все считается возможнымъ; но, къ несчастію, Чернохвостовъ не хотѣлъ ограничиться однимъ воображеніемъ; у него достало настолько силы духа, чтобы начать осуществленіе своихъ мечтаній. Ему надобно было прославиться на военномъ поприщѣ; въ мирное время этого достичь нельзя, и особенно ему, сыну мѣщанина,—и вотъ онъ, тайкомъ отъ матери и старшаго брата, пѣшкомъ отправляется на Кавказъ, чтобъ поступить тамъ въ солдаты и выдраться въ офицеры подвигами противъ горцевъ; но уже передъ самымъ достиженіемъ цѣли, сколько помню, въ Пятигорскѣ, онъ зашелъ отдохнуть на татарское кладбище; правовѣрные сочли это оскверненіемъ и попотчивали его камнями, изъ которыхъ одинъ угодилъ въ сердце; богатырь свалился, заболѣлъ; между тѣмъ, братъ началъ розыски; на Кавказѣ отыскался у нихъ дядя, который принялъ попеченіе о больномъ, и, какъ скоро нашъ герой немного оправился, его препроводили назадъ въ Москву. Возвратившись, онъ сталъ было приготовляться къ университету, и въ то же время занималъ мѣсто корректора въ одной частной типографіи, но богатырская природа не долго могла бороться съ слѣдствіями происшествія на кладбищѣ, и Чернохвостовъ погибъ отъ чахотки.

Съ четвертаго класса преподавателемъ русскаго языка былъ у насъ Поповъ, учитель превосходный, умѣвшій возбудить охоту къ занятіямъ, прекрасно разбиравшій образцовыя сочиненія и сочиненія учениковъ, умѣвшій посредствомъ этихъ разборовъ достигать главной цѣли своего преподаванія—выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда онъ начиналъ объяснять урокъ къ слѣдующему классу, урокъ изъ логики или риторики,—я, заинтересованный предметомъ, начиналъ вслухъ высказывать ему свои мысли. Поповъ не нашелъ этого страннымъ со стороны ученика, пятнадцатилѣтняго мальчика, — напротивъ, находилъ удовольствіе въ этихъ присказываніяхъ, въ этой бесѣдѣ, обмѣнѣ мыслей со мной; должно быть, я говорилъ недурно, благодаря огромному количеству прочтенныхъ книгъ, потому что Поповъ получилъ очень высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и внушилъ это мнѣніе остальнымъ своимъ товарищамъ-учителямъ. Вслѣд-

С. М. Соловьевъ.

М. В. Соловьевъ.

П. В. Соловьева.

С. М. Соловьевъ.

ствіе этого высокаго мнѣнія о моемъ умственномъ развитіи Поповъ былъ чрезвычайно строгъ къ моимъ сочиненіямъ; хотя онъ и гордился ими, и выставлялъ ихъ напоказъ, но ему все казалось, что я могъ бы еще лучше писать; разобравъ мое сочиненіе, онъ часто приговаривалъ: „Хорошо! но скажи, пожалуйста, Соловьевъ, отчего ты говоришь лучше, чѣмъ пишешь?“ Это, дѣйствительно, могло быть такъ, во-первыхъ, потому, что учитель, взобравъ себѣ въ голову высокое мнѣніе о развитости моихъ способностей по разговору,—причемъ его поражала живость мыслей, относительная ихъ самостоятельность,—не могъ быть такъ доволенъ сочиненіями, гдѣ на первомъ для него планѣ была уже форма; во-вторыхъ, для меня эта форма была тяжка, это были цѣпи, которыя затрудняли естественныя движенія, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся въ сочиненіи: учитель задастъ описаніе памятника Минину и Пожарскому, а я подумаю: „Ну, что́ же тутъ я стану описывать!“—и ударюсь въ описаніе впечатлѣній, производимыхъ этимъ памятникомъ, въ разсказъ о событіяхъ, въ которыхъ участвовали изображенные герои,—а учитель съ упрекомъ: „Задано было описаніе памятника, а ты изъ описанія сдѣлалъ повѣствованіе!“ О, проклятыя хріи и формы риторическія! много онѣ мнѣ надѣлали непріятностей! Несмотря, однако, на это, Поповъ не уменьшалъ своего мнѣнія о моихъ способностяхъ. Однажды собрались учителя у одного изъ своихъ товарищей, Красильникова, преподававшаго латинскій языкъ въ младшихъ классахъ, подпили и разговорились; рѣчь зашла о гимназіи, объ ученикахъ; Поповъ началъ хвалить меня и дошелъ до того, что сказалъ: „Вѣдь вы не знаете, господа! Вѣдь Соловьевъ просто геній!“ Тутъ хозяинъ, Красильниковъ, прервалъ его восторженную рѣчь: „Полно, полно, Павелъ Михайлычъ! Какъ это можетъ быть! Положимъ, что Соловьевъ мальчикъ умный, съ большими способностями, но можетъ ли это быть, чтобъ у насъ въ гимназіи завелся геній?“ На другой день ученики, жившіе у Красильникова и подслушавшіе этотъ разговоръ, разсказали его для потѣхи цѣлому классу. Правъ ты, добрый старикъ, въ своемъ наивномъ сомнѣніи! Могъ ли въ самомъ дѣлѣ завестись геній въ русской гимназіи въ соро-

ковыхъ годахъ XIX вѣка? И горе было бы ему, еслибъ онъ завелся! Было въ Россіи просторное для генія время въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка; но это золотое время прошло, и когда оно возвратится? (Писано 15 ноября 1854 года).

Такъ прошли пять лѣтъ въ гимназіи; кромѣ несносныхъ математическихъ классовъ, эти пять лѣтъ прошли для меня чрезвычайно пріятно; начиная съ четвертаго класса, я былъ уже первымъ ученикомъ постоянно, любимцемъ учителей, красою гимназіи; легко и весело было мнѣ съ узломъ книгъ подъ мышкою отправляться въ гимназію, зная, что тамъ встрѣтитъ меня ласковый, почетный пріемъ отъ всѣхъ; пріятно было чувствовать, что имѣешь значеніе; пріятно было, войдя въ классъ, направлять шаги къ первому мѣсту (ученики сидѣли по успѣхамъ и нѣсколько разъ въ году происходили пересадки), остававшемуся постоянно за мною. „Не купи домъ, купи сосѣда",—говоритъ пословица; и въ этомъ отношеніи я былъ счастливъ: постояннымъ моимъ сосѣдомъ, т.-е. ученикомъ, постоянно занимавшимъ второе мѣсто, былъ Ладыгинъ, вмѣстѣ со мною поступившій въ третій классъ и вмѣстѣ со мною кончившій курсъ въ гимназіи: прекрасное, нравственное, кроткое, женственное существо. Онъ былъ воспитанъ въ тихомъ, нравственномъ домѣ, среди многочисленной толпы сестеръ, и отсюда получилъ, какъ видно, женственный характеръ; онъ былъ очень прилеженъ и, въ противоположность мнѣ, имѣлъ способность и склонность къ математикѣ, очень часто помогалъ мнѣ въ урокахъ и въ приготовленіи къ экзаменамъ своими объясненіями, но у него не было той развитости и той быстроты въ обращеніи мысли около предмета, какими обладалъ я; главная причина тому—моя ранняя и относительно громадная начитанность, тогда какъ Ладыгинъ началъ читать поздно, и читалъ вообще мало, безъ выбора. Съ самаго начала Ладыгинъ призналъ мои преимущества и уступалъ мнѣ безропотно первое мѣсто; эта уступка, отсутствіе соперничества облегчили наши отношенія, завязали дружбу, причемъ, разумѣется, высшее нравственное значеніе имѣлъ онъ, а не я; онъ былъ болѣе меня христіанинъ, хотя я съ раннихъ лѣтъ былъ пылкій приверженецъ христіанства, и въ гим-

назіи еще толковалъ, что буду основателемъ философской системы, которая, показавъ ясно божественность христіанства, положитъ конецъ невѣрію. Внутри меня было много религіозности, выражавшейся въ набожности; я ничего не начиналъ безъ молитвы; вѣра была сильная: не готовъ къ отвратительному математическому уроку, не приготовился изъ нѣкоторыхъ частей науки къ экзамену, помолюсь, крѣпко вѣрую, что этого у меня не спросятъ,—и дѣйствительно не спрашивали; другой товарищъ найдется въ подобномъ положеніи, боится, что *срѣжется* (по гимназическому выраженію)—говорю ему: „не бойся, только вѣруй"; молюсь за него, вѣрую за него, — и его не спрашиваютъ. Религіозности было много, но христіанства было мало; успѣхи, первенство воздымали духъ, высокое мнѣніе о самомъ себѣ, развивали гордость, эгоизмъ; самую вѣру свою я считалъ привилегіею, особеннымъ знакомъ Божьяго благоволенія, ручательствомъ за будущіе успѣхи. Въ виду были только эти успѣхи, успѣхи внѣшніе, житейскіе,—о нравственномъ преуспѣяніи, о *внутреннемъ* мало думалось; говорю—о *внутреннемъ*, ибо извнѣ-то было все чисто и чинно, я первенствовалъ и относительно поведенія. Правда, находили и тутъ иногда минуты опамятованія, когда я сознавалъ необходимость внутренняго нравственнаго совершенствованія и рѣшался внимательнѣе смотрѣть за собою, строго—за своими мыслями и словами, но такая рѣшительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый челнъ съ якоря.

Такъ кончилось ученіе въ гимназіи; только-что кончилось и мнѣ 18 лѣтъ (іюнь 1838 г.), я долженъ былъ держать выпускной экзаменъ въ университетъ; въ первый разъ тогда наша гимназія пользовалась правомъ экзаменовать своихъ воспитанниковъ у себя, тогда какъ прежде гимназисты должны были экзаменоваться вмѣстѣ съ другими въ университетѣ. Я былъ выпущенъ первымъ ученикомъ съ обязанностью писать разсужденіе для акта и съ правомъ получить за это серебряную медаль и быть записаннымъ на золотую доску на вѣчныя времена. Темою заданнаго мнѣ разсужденія было: *О необходимости изученія древнихъ языковъ для успѣшнаго изученія языка отечественнаго.*

Я долженъ былъ написать это разсужденіе на вакаціи, важной въ моей жизни не потому только, что это была послѣдняя ученическая вакація, но особенно потому, что въ это время впервые покинулъ я на нѣсколько мѣсяцевъ родительскій домъ и переселился въ чужой. По окончаніи экзаменовъ, инспекторъ Погорѣльскій подозвалъ меня къ себѣ и предложилъ—не хочу ли я ѣхать на вакацію въ подмосковную деревню къ кн. Г., учить его дѣтей. Я согласился. И вотъ я въ чужомъ аристократическомъ домѣ, среди чуждыхъ для меня нравовъ и обычаевъ, среди чуждаго народа, ибо среди чуждаго языка: все, кромѣ прислуги, говоритъ вокругъ меня по-французски, и молодыхъ французиковъ, т.-е. княжатъ, я обязанъ учить чуждому для нихъ, а для меня родному языку—русскому, который они изучаютъ, какъ мертвый языкъ. Тутъ-то я впервые столкнулся съ этою безобразною крайностью въ образованіи русской знати и столкнулся въ самый живой, впечатлительный возрастъ, въ 18 лѣтъ! Понятно, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня эта крайность и необходимо увлекла меня надолго, лѣтъ на шесть, въ крайность противоположную, въ славянофилизмъ, или, лучше сказать, руссофилизмъ. Въ селѣ Никольскомъ, Урюпино тожъ, въ 25-ти верстахъ отъ Москвы, по звенигородской дорогѣ, я началъ впервые свою гражданскую жизнь, ибо началъ борьбу съ однимъ изъ безобразныхъ явленій тогдашней русской жизни. Опишу членовъ семейства князя и домочадцевъ изъ разныхъ націй. Главное лицо самъ князь—мужчина лѣтъ подъ 50, очень красивый и съ претензіями на красоту и молодость, красящій волосы. По собственнымъ разсказамъ его, онъ не получилъ никакого образованія въ пышномъ домѣ отца своего, потомка знаменитыхъ Г., игравшихъ такую важную роль при двухъ Петрахъ—I-мъ и II-мъ, получившаго въ наслѣдство болѣе 20.000 душъ и оставившаго сыну, моему знакомцу, не болѣе 3.000 душъ; остальное все было промотано, и, между прочимъ, великолѣпное село Архангельское, вотчина знаменитаго олигарха Г., славнаго своею библіотекою. Архангельское перешло къ князю Юсупову, и Г. долженъ былъ ограничиться низменнымъ Никольскимъ подлѣ него. Сынъ вышелъ не въ отца, не сталъ проматывать послѣднихъ тысячъ душъ, на-

противъ, отличался бережливостью, даже скупостью и вмѣстѣ алчностью: „Кабы денегъ, побольше денегъ!“—вотъ слова, которыя слышались очень часто изъ его устъ. Этотъ человѣкъ родился съ замѣчательными способностями; имѣлъ здравый смыслъ, большое остроуміе, большой талантъ разсказывать, обладалъ литературнымъ талантомъ, написалъ нѣсколько повѣстей очень недурныхъ; любилъ читать, уважалъ знаніе, людей знающихъ; иногда, при извѣстныхъ случаяхъ, высказывались въ немъ жалобно не совсѣмъ задушенныя еще благородныя стремленія: такъ, однажды, разбирая въ своей библіотекѣ портреты знаменитыхъ историческихъ лицъ—полководцевъ, министровъ, ученыхъ, художниковъ,—онъ воскликнулъ съ непритворною горестью: „Боже мой! Чѣмъ бы не пожертвовалъ, чтобъ только быть въ числѣ ихъ!“ Всѣ эти счастливыя наклонности были задавлены дурнымъ воспитаніемъ; онъ самъ говорилъ: „Меня рѣшительно ничему не учили; если я говорю свободно по-французски, то этотъ навыкъ я пріобрѣлъ самъ послѣ, въ дѣтствѣ же меня не учили даже и по-французски“. Послѣ этого надобно было удивляться въ этомъ человѣкѣ хорошимъ сторонамъ, а не дурнымъ; въ дѣтствѣ его страсти не сдерживались нравственнымъ воспитаніемъ; религіозное воспитаніе состояло въ томъ, что его заставляли ходить въ церковь по извѣстнымъ днямъ: понятно, что французскія книжки XVIII-го вѣка легко заставили его смотрѣть на христіанство, какъ на хорошую выдумку для мужиковъ. Что̀ же могло сдерживать этого барина? Общественное мнѣніе? Общественное устройство, законы? — но я сейчасъ приведу примѣръ тому, какъ страсти русскихъ помѣщиковъ сдерживались общественнымъ устройствомъ, законами. Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ за книгами, гувернеръ, швейцарецъ Фаронъ, уложивши дѣтей, вышелъ погулять, но скоро возвратился и пришелъ ко мнѣ со слѣдующимъ разсказомъ: „Только что я вышелъ въ поле, какъ подходитъ ко мнѣ мужикъ и предлагаетъ мнѣ свою дочь; я сначала остолбенѣлъ, потомъ сталъ упрекать его за такую страшную безнравственность; мужикъ отвѣчалъ:—Эхъ, батюшка! что-жъ намъ дѣлать-то? Вѣдь князь ужъ началъ!—и тутъ разсказалъ мнѣ обычай, что, какъ

скоро дѣвушка въ деревнѣ достигаетъ 15-ти лѣтъ, ее ведутъ къ князю на растлѣніе, послѣ чего она получаетъ 50 рублей ассигнаціями"... Съ женою своею, урожденною княжною В., князь жилъ дурно, въ чемъ трудно было его обвинить, ибо это была женщина нестерпимая, ограниченная, капризная, сварливая, скупая; но что́ было непростительно для князя, это то, что онъ, по страшной лѣни, отдалъ дражайшей своей половинѣ воспитаніе дѣтей, выборъ учителей, гувернеровъ и гувернантокъ въ полное распоряженіе. Съ этою госпожею и я, несчастный, долженъ былъ имѣть дѣло, выслушивать ея замѣчанія относительно преподаванія, дѣлать экзамены въ ея присутствіи. Я долженъ былъ учить двоихъ княжатъ и княжну съ воспитанницею; старшій (Дмитрій) былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, до безобразія толстый, вялый физически и умственно: тринадцати лѣтъ онъ съ трудомъ читалъ по-русски; гувернеры жаловались, что успѣхи его во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были не блистательнѣе. Къ несчастію, это былъ любимецъ матери, которая неуспѣхи сына приписывала не его неспособности и лѣни, но неумѣнью учителей, которые, будто бы, не хотѣли приноровиться къ природѣ ученика. Онъ пошелъ въ военную службу, вышелъ рано въ отставку; послѣ я съ нимъ встрѣчался: изъ него вышелъ красивый, очень приличный, скромный господинъ; младшій былъ живѣе, его менѣе баловала мать, и потому онъ шелъ относительно успѣшнѣе. Но было еще двое старшихъ сыновей: одного, воспитывавшагося въ пажескомъ корпусѣ, я не зналъ; слышалъ только, что онъ дурно учился, выпущенъ былъ не въ гвардію и скоро умеръ; самый старшій, Николай, воспитывался въ царскосельскомъ лицеѣ и вышелъ въ 1-мъ разрядѣ, т.-е. съ правомъ IX-го класса, равняющимся праву университетскаго магистра, а между тѣмъ познаніями своими былъ ниже посредственнаго ученика седьмого класса гимназіи—доказательство, какъ вредно было это дворянское училище, которое дѣтямъ знатныхъ и богатыхъ отцовъ давало право быть невѣждами въ сравненіи съ молодыми людьми низкаго происхожденія. Молодой лицеистъ былъ ограниченъ, лѣнивъ, эгоистъ, спускался гораздо ниже отца, который сильно жаловался на это пониженіе, хотя вообще молодой былъ еще довольно сносенъ.

Таково было сіятельное семейство; къ нему по языку примыкали французы и француженки, гувернеры и гувернантки, ибо члены семейства княжескаго не иначе говорили между собою, какъ по-французски; я былъ въ домѣ единственный русскій не лакей, говорившій не иначе, какъ по-русски, и потому гувернантка-француженка, разливавшая чай, не иначе обращалась ко мнѣ, какъ „m-r Russe"! Князья безсмысленно смѣялись надъ этимъ, а я съ гордостью 18-лѣтняго мальчика провозглашалъ, что я вполнѣ доволенъ этимъ названіемъ, что оно для меня драгоцѣнно, что для меня чрезвычайно лестно, если я одинъ русскій въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, русскій по преимуществу.

Меня пригласили давать уроки и послѣ вакаціи, въ Москвѣ. Княгиня настаивала, чтобъ я жилъ у нихъ въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, оставался съ ея дѣтьми какъ можно долѣе; ей хотѣлось сдѣлать нѣчто вродѣ переливанія крови изъ здороваго тѣла въ больное; но я рѣшительно отъ этого отказался: жизнь въ чужомъ домѣ и еще въ домѣ иностранномъ, французскомъ, была бы для меня невыносима; притомъ какую тяжелую обязанность наложитъ на меня почтенная маменька, если я поселюсь подлѣ ея дѣтей; я всегда чувствовалъ страшное отвращеніе къ должности гувернера и съ хорошими дѣтьми, не только что съ кн. Г.; я никогда самъ не былъ ребенкомъ, и понятно, какъ тяжело, невозможно было для меня дѣлаться ребенкомъ съ дѣтьми; я видѣлъ, что такое гувернерство отвлечетъ меня отъ студенческихъ занятій. Вотъ почему черезъ два года княгиня нашла, что ея дѣти мало успѣваютъ со мною именно потому, что я ограничиваюсь одними урочными часами и не бываю чаще вмѣстѣ съ ними, и вотъ за мною уже не прислали больше осенью, по возвращеніи съ дачи.

Я имѣлъ еще другіе уроки, и въ послѣдній годъ студенчества очень много, но дома, въ которыхъ я училъ, не представляли ничего особенно замѣчательнаго, и потому обращаюсь къ университетскимъ впечатлѣніямъ.

VII.

О попечителѣ графѣ Строгановѣ я уже довольно говорилъ; помощникомъ его былъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, человѣкъ, умѣвшій, въ противоположность Строганову, заслужить самое невыгодное о себѣ мнѣніе въ университетѣ и обществѣ московскомъ. Это былъ человѣкъ знающій, умный, честный и любившій честность въ другихъ, но умъ этого человѣка отличался особеннымъ складомъ, именно удивительною форменностью. Мы, прочіе смертные, мыслимъ про себя и вслухъ, разговариваемъ и пишемъ, не обращая вниманія на самый процессъ нашего мышленія, на его формы; тогда какъ у Голохвастова все вниманіе было обращено на формы мышленія; въ разговорѣ своемъ онъ хлопоталъ только объ одномъ, чтобы мысли являлись въ законной формѣ и чтобъ эта форменность какъ можно яснѣе обнаружилась; отсюда разговоръ Голохвастова былъ крайне утомителенъ. Есть люди нестерпимые въ разговорѣ: они стараются сдѣлать свою рѣчь украшенною тѣмъ, что не скажутъ слова просто; если есть такіе фразеры, нестерпимые своею риторикою, то Голохвастовъ принадлежалъ къ числу людей, которые встрѣчаются гораздо рѣже,—людей нестерпимыхъ своею логикою; эта логика въ его разговорѣ являлась столь же изысканною, бездушною, какъ риторика у фразеровъ. Притомъ Голохвастовъ былъ страстный охотникъ говорить, т.-е. затягивать мысли въ форменное платье, въ мундиръ и выводить ихъ напоказъ: вотъ какъ онѣ правильно и стройно вытекаютъ одна изъ другой, связываются и равняются; хотя эти правильность и стройность были часто видимыя только, но Голохвостову не было до этого дѣла. Въ исторической литературѣ нашей Голохвастовъ прославился замѣчаніями по исторіи осады Троицкой лавры, напечатанными въ „Москвитянинѣ“, блестящею критическою статьею; говорили, что онъ пользовался здѣсь чужими трудами и указывали на Забѣлина; но, зная хорошо Голохвастова, его пріемы, я не усомнюсь приписать статью ему,—по крайней мѣрѣ, главное въ статьѣ, построеніе ея, принадлежитъ ему. По политическимъ убѣжденіямъ сво-

имъ Голохвастовъ былъ сильный охранитель; ему очень нравился существующій порядокъ вещей, дисциплина, чинопочитаніе; онъ много занимался исторіею своей фамиліи, собралъ и издалъ акты, хранившіеся въ фамильномъ архивѣ; замѣчанія на исторію Троицкой осады написалъ онъ для того, чтобы защитить честь своихъ предковъ отъ навѣтовъ Палицына; когда я однажды въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ объ этой статьѣ, то онъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ: „pro domo sua pugnavimus". Но приэтомъ въ Голохвастовѣ не было ничего аристократическаго; въ немъ была только русская барская спѣсь, что̀ особенно и отталкивало отъ него университетскихъ подчиненныхъ, избалованныхъ Строгановымъ. Голохвастовъ платилъ университету тою же монетою: будучи помощникомъ попечителя, а потомъ попечителемъ, онъ ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей и не скрывалъ этихъ мнѣній своихъ; не совѣтовалъ никому отдавать сыновей своихъ въ университетъ и говорилъ, что своихъ никогда не отдастъ туда, что всѣ дворяне должны служить въ военной службѣ, что предки ихъ служили за помѣстья, когда же помѣстья были превращены въ вотчины, то этимъ самымъ обязанность служить въ военной службѣ не снялась, напротивъ, удвоилась. Своими понятіями и обращеніемъ Голохвастовъ больше чѣмъ кто-либо другой напоминалъ русскаго барина XVII-го или начала XVIII-го вѣка, надѣвшаго европейское платье, усвоившаго даже себѣ европейскую науку, европейскіе языки, но въ сущности остававшагося вѣрнымъ старинѣ. Неуваженіе Голохвастова къ подчиненнымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ большинству ихъ, было возмутительно. Особенно дурную славу пріобрѣлъ онъ при управленіи округомъ между попечительствомъ Голицына и Строганова, когда онъ, сообразно характеру своему, строгостями и отдачею студентовъ въ солдаты, хотѣлъ сдѣлать то, что̀ при Строгановѣ сдѣлалось само собою, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ, чрезъ одно вліяніе благородной личности начальника,—именно исправленіе студенческихъ нравовъ. При Строгановѣ Голохвастовъ былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, и здѣсь явился притѣснителемъ; особенно его

строгость возбуждала негодованіе въ сравненіи съ петербургскою цензурою, отличавшеюся тогда свободою. Наконецъ, въ наружности Голохвастова было много отталкивающаго: его фигура выражала спѣсь, натянутость, форменность; это была фигура красиваго, рисующагося квартальнаго, который понимаетъ свое высокое значеніе на публичномъ гуляньи предъ толпою черни. Голохвастовъ былъ извѣстенъ своимъ конскимъ заводомъ; на скачкахъ славилась его великолѣпная лошадь Бычокъ, и вотъ изъ университетскихъ стѣнъ явилась эпиграмма:

Вмѣсто Шеллинговъ и Астовъ
И Пегаса старичка,
Дмитрій Павлычъ Голохвастовъ
Объѣзжаетъ намъ Бычка.

Ректоромъ былъ М. Т. Каченовскій. Объ ученомъ значеніи этого человѣка я не буду распространяться, потому что исчерпалъ этотъ предметъ въ біографіи Каченовскаго, напечатанной мною въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ университета, изданномъ по случаю столѣтняго юбилея. Въ то время, какъ я былъ въ университетѣ и слушалъ Каченовскаго, это уже былъ старикъ ветхій; читалъ онъ уже не русскую исторію, а славянскія нарѣчія, предметъ, при разработкѣ котораго онъ не могъ оказать ученыхъ заслугъ ни по лѣтамъ, ни по приготовленію своему; скептицизмъ проглядывалъ и тутъ при каждомъ удобномъ случаѣ; любопытно было видѣть этого маленькаго старичка съ пергаментнымъ лицомъ на каѳедрѣ: обыкновенно читалъ онъ медленно, однообразно, утомительно; но какъ скоро явится возможность подвергнуть сомнѣнію какой-нибудь памятникъ письменности славянъ или какое-нибудь извѣстіе— старичокъ вдругъ оживится и засверкаютъ каріе глаза подъ сѣдыми бровями, составлявшіе единственную красоту у невзрачнаго старика. Сохранилось у меня въ памяти одно изъ свидѣтельствъ, приведенныхъ Каченовскимъ противъ подписи на тмутараканскомъ камнѣ: „Да вотъ и государь императоръ Николай Павловичъ, какъ взглянулъ на нее, такъ и сказалъ:—Это, должно быть, подложная надпись!“ Каченовскій могъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, что ученый скептицизмъ ведетъ необходимо къ рели-

гіозному и политическому; не было человѣка болѣе консервативнаго въ томъ и другомъ отношеніи. Скептицизмъ научный отражался, впрочемъ, въ жизни Каченовскаго мнительностью, крайнею осторожностью, чрезмѣрнымъ страхомъ предъ отвѣтственностью: такъ, напримѣръ, онъ никогда не бралъ на домъ книгъ изъ университетской библіотеки, боясь, чтобъ онѣ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ образомъ не пропали у него; каждое дѣло, каждая бумага по управленію встрѣчали съ его стороны возраженія: „Да какъ же это такъ, да зачѣмъ же это такъ?“ и т. п. Во всѣхъ отношеніяхъ общественной служебной жизни своей Каченовскій былъ честный человѣкъ; полемика его противъ Карамзина и Пушкина доставила ему много враговъ. Говорили, что императоръ Николай, при выборѣ инспектора классовъ къ наслѣднику, обратилъ вниманіе на Каченовскаго, говоря, что уважаетъ этого ученаго, по журналу котораго онъ выучился читать по-русски; но карамзинисты помѣшали Каченовскому, выставивши на видъ его вредное направленіе, скептицизмъ, чѣмъ, разумѣется, легко могли напугать охранительнѣйшаго императора. По поводу Пушкина профессоръ Крюковъ разсказывалъ любопытный разговоръ свой съ Каченовскимъ: зашла рѣчь о языкѣ, которымъ должна писаться исторія; Каченовскій, какъ слѣдуетъ ожидать, вооружился противъ украшеннаго слога, противъ риторики, поднимающей на ходули событія и лица, при чемъ сказалъ: „Одинъ только писатель у насъ могъ писать исторію простымъ, но живымъ и сильнымъ, достойнымъ ея языкомъ— это Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, давшій превосходный образецъ историческаго изложенія въ своей Исторіи Пугачевскаго бунта“. Конечно, этотъ отзывъ былъ произнесенъ по смерти Пушкина; конечно, по смерти уже Карамзина Каченовскій написалъ разборъ XII тома,—но всякій ли способенъ и по смерти врага сдѣлаться безпристрастнымъ въ отношеніи къ нему, у всякаго ли достанетъ духа похвалить и умершаго врага? Подъ старость Каченовскій уже не могъ продолжать полемики съ Погодинымъ, который, однако, не переставалъ нападать на него и, по обычаю своему, позволялъ себѣ грубыя выраженія на его счетъ; старика сильно это оскорбляло; со слезами на глазахъ онъ жаловался на оскорбленія и на невоз-

можность отвѣчать оскорбителю, который трубитъ побѣду. Сильно оскорбляла также старика Венелинская школа,— стремленіе все ославянить, сдѣлать славянъ древнѣйшимъ и славнѣйшимъ народомъ міра: не имѣя самъ средствъ ратовать противъ этого, по его мнѣнію, вреднаго и нелѣпаго направленія, Каченовскій приглашалъ молодого Грановскаго образумить ослѣпленныхъ; но Грановскій отказался подвизаться на этомъ неблагодарномъ поприщѣ.

Деканомъ факультета былъ И. И. Давыдовъ. Это былъ человѣкъ безспорно очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могшій принести большую пользу наукѣ, если бы посвятилъ ей всего себя; но онъ посвятилъ всего себя для удовлетворенія одной страсти—честолюбія, и честолюбія самаго мелкаго; мало того, что, думая, хлопоча только о почестяхъ—онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволительными: нипочемъ было ему очернить человѣка, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи; нипочемъ ему было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести предъ человѣкомъ сильнымъ и предъ лакеями человѣка сильнаго, не обращая никакого вниманія на умственныя и нравственныя достоинства человѣка, уважая только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными. Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человѣкъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ Уваровымъ, онъ благоговѣйно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ Ширинскимъ-Шихматовымъ. Однажды ему нужно было снискать благосклонность нѣкоторыхъ богомольныхъ барынь; вотъ онъ явился въ ихъ общество, ходя по комнатѣ, пошелъ въ карманъ за платкомъ, и, какъ будто бы ненарочно, выронилъ изъ кармана маленькую книжку; ему ее подняли, и любопытныя барыни спросили, что̀ это за карманная книжка у профессора: оказалось, что это Ѳомы Кемпійскаго—„О подражаніи Христу“! Этотъ любитель Кемпійскаго встрѣтилъ на своей дорогѣ Каченовскаго; чтобы повредить ему, онъ прикинулся ему другомъ, сталъ безпрестанно къ нему ѣздить и уговорилъ его посѣщать клубъ.

сталъ увлекать его туда безпрестанно—и это-то была главная цѣль его дружества: онъ началъ съ сожалѣніемъ разсказывать всѣмъ и каждому, что вотъ какое несчастье! такой достойный ученый, какъ Каченовскій, пристрастился къ клубу, къ игрѣ, покинулъ семейство, науку, и онъ, Давыдовъ, изъ дружбы къ нему, слѣдитъ за нимъ, не покидаетъ его, ища случая отвратить отъ погубной страсти. Жалкое зрѣлище представлялъ изъ себя Давыдовъ, когда ждалъ чина или ордена; безпокойство и волненіе его не имѣли границъ; даже узнавъ, что представленіе подписано императоромъ, Давыдовъ не могъ успокоиться, спрашивалъ, не можетъ ли случиться, что курьера, везущаго орденъ или чинъ, постигло какое-нибудь несчастіе на дорогѣ, и не можетъ ли этотъ случай отдалить новое представленіе на неопредѣленное время: не бывало ли тому прежде примѣровъ? Получивъ первую звѣзду, Станислава, Давыдовъ не постыдился объявить, что высшіе ордена производятъ удивительное вліяніе, что онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивши звѣзду. Получивъ орденъ Владиміра 2-й степени, онъ встрѣтился съ профессоромъ Никитенко и началъ внушать ему, что во всей Россіи чрезвычайно мало людей, которые бы имѣли владимірскую звѣзду въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но что было въ Давыдовѣ хуже всего—это страшная мстительность; пресмыкаясь предъ сильными, онъ требовалъ пресмыканія передъ собою отъ всѣхъ, которые были ниже, слабѣе его, и горе человѣку, въ которомъ онъ заподозритъ чувства, враждебныя къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ раболѣпства; понятенъ вредъ, который причинялъ Давыдовъ своимъ характеромъ: понятно, что нашлось много людей, которые соглашались предъ нимъ раболѣпствовать, получали чрезъ него мѣста, выгоды,—и все это были люди дрянные; люди порядочные, не соглашавшіеся предъ нимъ раболѣпствовать, подвергались гоненію. Страшно вредно было его деканство тѣмъ, что онъ изъ низкихъ видовъ явно оказывалъ поблажку студентамъ „отецкимъ дѣтямъ“, выводилъ ихъ, давалъ высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего; при страшномъ честолюбіи Давыдовъ не оставлялъ удовлетворять и другой стра

сти—корыстолюбію: онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т.-е. отъ ихъ родителей, богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ; въ воспитанникахъ университетскаго пансіона онъ оставилъ по себѣ еще болѣе тяжелое воспоминаніе... Въ заключеніе, приведу стихи, которые очень вѣрно характеризуютъ Давыдова:

П..... изъ чести и изъ видовъ,
Душеприказчикъ старыхъ бабъ,
Иванъ Ивановичъ Давыдовъ
Ивана Лазарева [1]) рабъ.
Душа полна стяжанья мукой
Полна проектовъ голова,
И тащится онъ за наукой,
Какъ за Минервою сова.

Я долженъ былъ слушать Давыдова съ перваго курса, и слушалъ очень долго, потому что второй профессоръ словесности, Шевыревъ, былъ въ это время за границею. Содержаніемъ лекцій Давыдова было то, что уже мы знали изъ напечатаннаго въ его чтеніяхъ о словесности; книга извѣстна, слѣдовательно, мнѣ не нужно распространяться о ея достоинствѣ. Но Давыдову не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгъ къ средству, возможному только для него: именно, цѣлый годъ переливалъ изъ пустого въ порожнее; всѣ лекціи состояли изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и переизвѣстнаго уже; студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что же выйдетъ подъ-конецъ, но подъ-конецъ ничего не выходило, и потому курсу Давыдова дали названіе: *Ничто о ничемъ, или теорія краснорѣчія.* Къ счастію, почтенный профессоръ избавлялъ студентовъ отъ большого утомленія слѣдующимъ средствомъ: ему нужно было читать два часа сряду, но онъ приходилъ въ половинѣ перваго часа и уходилъ въ половинѣ второго, и читалъ только часъ.

Вторымъ профессоромъ словесности былъ, какъ я уже сказалъ, Шевыревъ; Давыдовъ читалъ теорію словесности,

---

[1]) Лазаревъ—попечитель лазаревскаго армянскаго института, гдѣ Давыдовъ былъ инспекторомъ.

Шевыревъ—исторію литературы вообще и русской. Шевыревъ наконецъ пріѣхалъ изъ-за-границы, мы перешли къ нему отъ Давыдова и попали изъ огня да въ полымя: Давыдовъ изъ „ничто“ умѣлъ дѣлать содержаніе лекціи; Шевыревъ богатое содержаніе умѣлъ превратить въ ничто, изложеніе богатыхъ матеріаловъ умѣлъ сдѣлать нестерпимымъ для слушателей фразерствомъ и безталаннымъ произведеніемъ извѣстныхъ воззрѣній. Тутъ-то услыхали мы безконечныя разсужденія, т.-е. безконечныя фразы о гніеніи Запада, о превосходствѣ Востока, русскаго православнаго міра. Однажды послѣ подобной лекціи Шевырева, окончившейся страшной трескотней въ прославленіе Россіи, студентъ-полякъ Шмурло подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Не знаете ли, сколько Шевыревъ получаетъ лишняго жалованья за такія лекціи?“ Такъ умѣлъ профессоръ сдѣлать свои лекціи казенными. Способность къ казенности и риторству уже достаточно рекомендуетъ человѣка; взгляните на его портретъ—весь человѣкъ тутъ. Въ сущности это былъ добрый человѣкъ, не лѣнивый сдѣлать добро, оказать услугу, готовый и трудиться много; но эти добрыя качества заглушались страшною мелочностью, завистливостью, непомѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ и вмѣстѣ способностью къ лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сдѣлать его полезнымъ орудіемъ для всего; но стоило только немного намѣренно или ненамѣренно затронуть его самолюбіе, и этотъ добрый мягкій человѣкъ становился звѣремъ, готовъ былъ васъ растерзать и дѣйствительно растерзывалъ, если жертва была слаба; но если выставляла сильный отпоръ, то Шевыревъ долго не выдерживалъ и являлся съ братскимъ христіанскимъ поцѣлуемъ. Эта-то задорливость, соединенная съ слабостью, всего болѣе раздражала противъ Шевырева людей крѣпкихъ, вселяла въ нихъ къ нему полное отвращеніе, презрѣніе. Хороши стихи, написанные на Шевырева Каролиною Павловою, хотя они далеко не опредѣляютъ еще вполнѣ его характера:

Преподаватель христіанскій,
Онъ вѣрой твердъ, душою чистъ;
Не злой философъ онъ германскій,

Не беззаконный коммунистъ;
И скромно онъ по убѣжденью
Себя считаетъ выше всѣхъ,
И тягостенъ его смиренью
Одинъ лишь ближняго успѣхъ.

Основа недостатковъ Шевырева заключалась въ необыкновенной слабости природы, природы женщины, ребенка, въ необыкновенной способности опьяняться всѣмъ, въ отсутствіи всякой самостоятельности. Нельзя сказать, чтобы онъ вначалѣ не обнаружилъ и таланта; но этотъ талантъ данъ былъ ему въ чрезвычайно маломъ количествѣ, какъ-то очень некрѣпко въ немъ держался, и онъ его сейчасъ израсходовалъ, запахъ исчезъ, оставивъ какой-то приторный выцвѣтъ. Шевыревъ какъ былъ слабъ предъ всякимъ сильнымъ вліяніемъ нравственно, такъ былъ физически слабъ предъ виномъ, и какъ немного охмелѣетъ, то сейчасъ растаетъ и начнетъ говорить о любви, о согласіи, братствѣ и о всякаго рода сладостяхъ; сначала, въ молодости, и это у него выходило иногда хорошо, такъ что однажды Пушкинъ, слушая пьянаго оратора, проповѣдующаго довольно складно о любви, закричалъ: „Ахъ, Шевыревъ! зачѣмъ ты не всегда пьянъ!“

Отъ Шевырева пріятно перейти къ профессору, который произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе на первомъ курсѣ, именно къ Крюкову. Крюковъ когда я вступилъ въ университетъ, читалъ латинскій языкъ на трехъ старшихъ курсахъ и древнюю исторію на первомъ. У Крюкова, какъ у всѣхъ самыхъ даровитыхъ профессоровъ русскихъ, но занимающихся науками, разработанными на Западѣ, не было самостоятельности; онъ пользовался результатами, добытыми германскими учеными, своими учителями, читалъ преимущественно подъ вліяніемъ Гегеля; но у Крюкова былъ блестящій талантъ въ изложеніи, блестящій и вмѣстѣ твердый, не допускавшій фразы, представлявшій этимъ противоположность Шевыревскому таланту. Крюковъ, можно сказать, бросился на насъ, гимназистовъ, съ огромною массою новыхъ идей, съ совершенно новою для насъ наукою, изложилъ ее блестящимъ образомъ, и, разумѣется, ошеломилъ насъ, взбудоражилъ наши головы, вспахалъ, взборонилъ насъ,

П. В. Соловьева.

такъ сказать, и затѣмъ посѣялъ хорошими сѣменами, за что и вѣчная ему благодарность. Второй курсъ мы слушали его уже, какъ профессора латинской словесности, и здѣсь онъ былъ превосходенъ, обладая въ совершенствѣ латинскою рѣчью и силою своего таланта возбуждая въ насъ интересъ къ экзегезису, столь важному для изученія отечественныхъ памятниковъ; привлекательности рѣчи Крюкова, какъ латинской, такъ и русской, помогалъ очень много необыкновенно пріятный, звучный органъ, на которомъ онъ очень искусно умѣлъ играть, какъ на инструментѣ; до сихъ поръ (29-го мая 1855 года) еще не встрѣчалъ человѣка, который бы умѣлъ такъ играть на своемъ голосѣ, приводить его въ такую гармонію съ мыслью, съ разсказомъ своимъ; нѣкоторыя лекціи—напримѣръ, о Тацитѣ—онъ потомъ напечаталъ; но въ книгѣ это было не то, потому что обаяніе уже исчезло.

Когда мы перешли на второй курсъ, то пріѣхалъ изъ-за-границы профессоръ Грановскій, начавшій читать среднюю и новую исторію. Грановскій, какъ и Крюковъ, не былъ самостоятеленъ, явился поклонникомъ также Гегеля, но былъ художникъ первоклассный въ историческомъ изложеніи. Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго была такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью: Крюковъ имѣлъ чисто-великороссійскую физіономію, круглое, полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлорусые волосы, свѣтлокаріе глаза; талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкою рѣчи, къ нему, какъ нельзя болѣе, шло прилагательное elegantissimus, какъ мы, студенты, его величали; но при этой элегантности, щегольствѣ, въ немъ самомъ, въ его рѣчи, въ чтеніяхъ было что-то холодное; его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ, но и на мужчинъ. Грановскій своею наружностью всего лучше доказываетъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящіе глаза. Онъ

не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: онъ говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова, но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, которое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиной, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, говорятъ, дѣйствуютъ предъ вами. И въ общественной жизни между этими двумя людьми замѣчалось то же различіе: оба были благородные люди, превосходные товарищи; но Крюковъ могъ внушать только большое уваженіе къ себѣ, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее; въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но, что всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно было сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскому, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной. Я сказалъ: кто *любилъ* отзываться о немъ дурно; ибо и люди самые привязанные къ нему должны были иногда съ горемъ порицать его въ глаза и за глаза: лѣнь заставляла его закапывать свой блестящій талантъ; съ необыкновенною легкостью проглатывая чужое и претворяя это чужое въ свою собственность, Грановскій съ величайшимъ трудомъ могъ заставить себя взять перо въ руки; онъ оправдывалъ себя передъ собою и передъ другими тѣмъ, что нельзя было ничего печатать, благодаря русской цензурѣ, особенно съ 1848—1855 года, но это оправданіе не удовлетворяло ни другихъ, ни его самого: печатать было можно и въ это страшное время, еще легче было печатать прежде и послѣ него. Грановскій женился очень рано на превосходной женщинѣ, дочери доктора Мюльгаузена, сестрѣ профессора, нашего товарища, но дѣтей не имѣлъ. Это обстоятельство, разумѣется, много способствовало его лѣни, безпечности; потомъ я уже

сказалъ, что онъ былъ постоянно окруженъ толпою людей, съ которыми весело было проводить дни, ночи, отъ остроумной, веселой бесѣды съ которыми трудно было оторваться для кабинетнаго труда...

VIII.

Послѣ Грановскаго и Крюкова самымъ замѣчательнымъ профессоромъ нашего факультета былъ Александръ Ивановичъ Чивилевъ, преподававшій политическую экономію и статистику. Это былъ gentleman въ наружности и манерахъ, честный, точный въ исполненіи своихъ обязанностей, умный и часто зло-остроумный человѣкъ, и если не холодный, то, по крайней мѣрѣ, холодноватый. Политическая экономія меня не такъ занимала; эта наука была для меня слишкомъ жидка, хотя изложеніе Чивилева, въ научномъ отношеніи, кажется, было безукоризненно; гораздо больше удовольствія и пользы доставили мнѣ его лекціи о статистикѣ, особенно та часть ихъ, гдѣ говорилось о природѣ странъ, о ея значеніи въ жизни народовъ. Греческій языкъ на первомъ и второмъ курсахъ преподавалъ В. И. Оболенскій, съ которымъ я уже былъ знакомъ по гимназіи, гдѣ онъ съ начала моего поступленія преподавалъ русскій языкъ, а потомъ латинскій. Оболенскій былъ человѣкъ знающій, охотникъ читать, заниматься, но бездарный и полусумасшедшій. Въ гимназіи онъ такъ училъ русскому языку: придетъ въ классъ и вызоветъ какого-нибудь ученика говорить урокъ отъ доски до доски по книгѣ, потомъ вызоветъ кого-нибудь говорить стихи, и въ этомъ проходитъ весь классъ. Въ университетѣ онъ могъ бы быть полезнымъ на низшихъ курсахъ, занимаясь переводами авторовъ, но онъ вредилъ дѣлу тѣмъ, что не могъ внушить къ себѣ никакого уваженія въ слушателяхъ, которые смѣялись надъ нимъ, надъ его странными рѣчами, въ которыхъ, начавши за здравіе, онъ сводилъ за упокой, ибо мысли, иногда здравыя, никогда не клеились въ его головѣ одна съ другой; потомъ онъ вредилъ преподаванію крайнею слабостью, неумѣньемъ требовать отъ студентовъ приготовленія къ переводу. Строгановъ видѣлъ его неспособность и насилу

додержалъ его до срока пенсіи, чтобъ не лишить бѣднаго старика куска хлѣба. На высшихъ курсахъ преподавалъ греческій языкъ А. И. Меншиковъ, человѣкъ бездарный, невыносимый на лекціяхъ и также съ головою не очень стройно организованною. Строгановъ хлопоталъ, чтобы его выжить изъ университета, но никакъ не могъ. Еще до выхода Оболенскаго былъ приглашенъ для греческой каѳедры нѣмецъ Гофманъ. Это былъ человѣкъ не безъ дарованія, могшій съ пользою преподавать греческій языкъ, особенно если сравнивать его съ Оболенскимъ и Меншиковымъ, но нѣмецъ не понималъ своего положенія въ русскомъ университетѣ. И поступавшіе въ университетъ ученики гимназіи не были достаточно приготовлены въ греческомъ языкѣ, тѣмъ менѣе ученики, поступавшіе изъ другихъ приготовительныхъ заведеній и изъ родительскихъ домовъ; при пріемныхъ экзаменахъ утвердилось вредное правило, что нельзя строго требовать греческаго языка, ибо это предметъ трудный, отвращающій многихъ отъ поступленія на историко-филологическій факультетъ. Видя неприготовленность студентовъ, Гофманъ подумалъ, что имъ нельзя преподавать по-университетски, а надо по-гимназически, и началъ душить насъ на грамматикѣ, на ея тонкостяхъ; но что́ русскому здорово, то нѣмцу смерть и наоборотъ. Русскій студентъ 18-ти, 20-ти лѣтъ и больше и не имѣющій въ виду быть греческимъ учителемъ, занимающійся другими предметами, хочетъ пріобрѣсть возможность читать, какъ можно легче, греческихъ авторовъ, для чего ему нужно постоянное упражненіе,—и вмѣсто того, пробывши нѣсколько лѣтъ въ университетѣ, посѣщая почти каждый день греческія лекціи, онъ видитъ, что не можетъ прочесть ни одной страницы Геродота безъ лексикона, потому что лекціи проводятся въ толкованіяхъ о различныхъ оттѣнкахъ частицы.

Это студентамъ сильно наскучило; многіе изъ нихъ перестали ходить на лекціи; другіе, сидя на лекціяхъ, не слушали о частицѣ αν и, по окончанію курса почти всѣ вышли съ такими знаніями греческаго языка, съ какими вошли въ университетъ; метода Гофмана объяснялась еще и тѣмъ, что онъ преимущественно занимался грамматикой, давалъ уроки, чтобы приготовлять къ экзегезису; занять же вниманіе слуша-

телей и принести имъ пользу онъ не имѣлъ времени, и потому потчивалъ ихъ одною грамматикою.

Русскую исторію мы слушали на четвертомъ курсѣ у М. П. Погодина. Сколько прекрасная наружность Грановскаго приносила ему пользы, гармонируя съ его художественнымъ преподаваніемъ, привлекая къ нему женщинъ и мужчинъ, столько же вреда приносила Погодину его наружность, имѣвшая въ себѣ, кромѣ дурного, еще отталкивающее. Мы пришли слушать Погодина съ предубѣжденіемъ относительно его нравственныхъ качествъ; онъ славился своею грубостью, цинизмомъ, самолюбіемъ и особенно корыстолюбіемъ. Есть много людей, которые такъ же самолюбивы и корыстолюбивы, какъ Погодинъ, но не слывутъ такими именно потому, что у Погодина душа на-распашку; что̀ другой только подумаетъ,—Погодинъ скажетъ; что́ другой подумаетъ или только скажетъ,—Погодинъ сдѣлаетъ. Другіе такъ же корыстолюбивы, но скрываютъ этотъ недостатокъ или обнаруживаютъ его не такъ легко, а Погодинъ, мелочной торгашъ, любитъ даровщинку, любитъ не дать, не додать; выпустить деньгу изъ рукъ для него очень тяжело, хотя бы онъ и зналъ, что впередъ будутъ барыши; Погодинъ самъ признается, что онъ корыстолюбивъ, и жалуется: „Вотъ люди! Имѣй какой-нибудь недостатокъ, такъ ужъ они и привяжутся къ нему, и никогда не будешь ты у нихъ порядочнымъ человѣкомъ, хотя бы при этомъ недостаткѣ имѣлъ и большія достоинства“. Но въ томъ-то и дѣло, что у Погодина не было большихъ достоинствъ, хотя и было достоинство довольно рѣдкое въ русскомъ человѣкѣ, въ наше время и въ нашемъ обществѣ, качество, которое онъ вынесъ изъ своей прежней среды (о происхожденіи своемъ онъ не упомянулъ въ своей автобіографіи, потому и мы молчимъ о немъ), именно смѣлость, качество первобытнаго, простого русскаго человѣка: смѣлымъ Богъ владѣетъ — авось!—и идетъ на проломъ. Смѣлъ онъ на доброе дѣло,—напримѣръ, написать правду о дѣлахъ управленія и подать ее въ руки царю;—смѣлъ и на то, чтобы сейчасъ же попросить денегъ у правительства, которое знаетъ, что онъ богатъ, и тѣмъ обнаружить свое корыстолюбіе, потерять уваженіе, пріобрѣтенное-было смѣлымъ добрымъ дѣломъ; смѣлъ и на то, чтобы, будучи въ

Брюсселѣ, зайти къ Лелевелю—засвидѣтельствовать ему свое уваженіе; смѣлъ и на то, чтобъ надуть человѣка, имѣющаго голосъ, значеніе въ обществѣ, человѣка, слѣдовательно, опаснаго; смѣлъ на то, чтобъ обругать своего противника печатно безъ соблюденія приличій; „смѣлъ на то, чтобъ вредить врагу всякими средствами". Я сказалъ: смѣлъ на доброе дѣло; значитъ, въ немъ было побужденіе и къ добрымъ дѣламъ; это не былъ Давыдовъ, способный только на однѣ низости, хотя, съ другой стороны, и Давыдовъ не такъ оскорблялъ своимъ поведеніемъ, какъ Погодинъ, ибо у Давыдова не было такого цинизма, такого неряшества нравственнаго, какъ у Погодина. Человѣкъ отражался въ писателѣ и въ профессорѣ. Погодинъ менѣе всего былъ призванъ быть профессоромъ, ученымъ; его призваніе—политическій журнализмъ, палатная дѣятельность или—къ чему онъ еще болѣе годился—площадная дѣятельность. Это былъ Болотниковъ во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія; замѣтимъ, что послѣднее должно было сильно смягчить первое, и дѣйствительно смягчало. Человѣкъ низкаго происхожденія, но живой, умный, онъ въ молодости увлекся на поприще, которое одно въ Россіи имѣетъ характеръ публичности, соединено съ шумомъ, движеніемъ, обольщающимъ живыхъ молодыхъ людей, поприще литературное и университетское. Онъ сталъ писать повѣсти, издавать журналъ, заниматься исторіею всеобщею и русскою, особенно послѣднею, вошелъ въ литературный кругъ. Къ постояннымъ ученымъ кабинетнымъ занятіемъ однимъ предметомъ Погодинъ не былъ способенъ отъ природы и не могъ пріучить себя въ молодости при указанномъ разнообразіи своихъ занятій; вотъ почему въ русской исторіи явился онъ наѣздникомъ сначала очень счастливымъ; въ спорѣ о происхожденіи варяговъ подмѣтилъ, гдѣ твердая почва, схватился за Скандинавію, распространилъ Байера и явился главою скандинавцевъ; въ спорѣ о лѣтописяхъ подмѣтилъ, что у скептиковъ золотая голова и глиняныя ноги, и началъ бить по ногамъ, живостью, задоромъ опредѣлилъ мѣшковатаго Буткова и сталъ главою школы несторіанцевъ. Но здѣсь я коснусь его ученаго поприща. Легко добывши себѣ громкое имя двумя диссертаціями и нѣсколькими журнальными ста-

тейками, Погодинъ засѣлъ въ варяжскій періодъ, остановился здѣсь; вслѣдствіе прекращенія движенія явилась плѣсень. Погодинъ ничего не вѣдалъ дальше варяговъ, дошелъ до нелѣпыхъ крайностей, запутался, завязъ, ибо только широкое движеніе по цѣлому обширному предмету освобождаетъ ученаго отъ пристрастій, спасаетъ отъ крайностей, необходимаго слѣдствія тѣсноты горизонта, производящей ученую близорукость; крича, что другіе ничего не дѣлаютъ, задавая *молодымъ людямъ* предметы для занятій, Погодинъ самъ ничего почти не дѣлалъ для русской исторіи, а между тѣмъ утвердился во мнѣніи, что онъ—во главѣ людей, занимающихся русскою исторіею; всѣ обстоятельства, къ несчастью его, содѣйствовали къ укрѣпленію этого убѣжденія: Каченовскій ослабѣлъ и умеръ, Строевъ (Сергѣй Скромненко) умеръ, Венелинъ умеръ; мнѣнія послѣдняго нашли себѣ защитниковъ и развивателей въ такихъ людяхъ, съ которыми легко было бороться—въ Морошкинѣ, въ Савельевѣ-Ростиславичѣ и т. п.; поле, слѣдовательно, осталось за Погодинымъ, и онъ трубилъ побѣду; огромная библіотека, имъ собранная, заставляла его думать, что въ его рукахъ всѣ сокровища русской исторіи, что *молодые люди* могутъ заниматься ею только съ его позволенія, съ его благословенія, хотя самъ онъ меньше всякаго другого имѣлъ понятіе о своей библіотекѣ, особенно о древнихъ рукописяхъ; наконецъ, связь его съ славянскими учеными, которые обходились съ нимъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, ибо онъ посылалъ къ нимъ книги и деньги, давали ему видное мѣсто въ цѣломъ ученомъ славянскомъ мірѣ.

Но этотъ пророкъ не былъ признанъ въ своемъ отечествѣ; въ московскомъ университетѣ ему было не очень ловко. Во-первыхъ, лекціи его не могли возбудить въ студентахъ восторга, сдѣлать изъ нихъ жаркихъ поклонниковъ. Вотъ, какъ онъ читалъ: сначала мѣсяцъ, другой, посвящалъ славянскимъ древностямъ, которыя читались буквально по Шафарику; потомъ переходилъ профессоръ къ подробному разсмотрѣнію вопросовъ о достовѣрности русскихъ лѣтописей и о происхожденіи варяговъ-Руси, т.-е. прочитывались обѣ свои диссертаціи. Послѣ этого, времени оставалось уже немного; это остальное время

Погодинъ проводилъ въ томъ, что приносилъ Карамзина и читалъ изъ него разныя мѣста, но самыя слабыя и вмѣстѣ значительныя по предмету, требовавшія поясненій, дополненій; этого Погодинъ, кромѣ варяжскаго періода, сдѣлать былъ не въ состояніи, ибо все, что́ выходило по русской исторіи, драгоцѣнныя изданія Археографической Комиссіи, для него не существовали; онъ выбиралъ изъ Карамзина мѣста красивыя, превращалъ лекцію русской исторіи въ лекцію риторики,—такъ, напримѣръ, читалъ съ восторгомъ Карамзинское описаніе Тамерлановыхъ походовъ и требовалъ отъ слушателей, чтобъ и они также восторгались этимъ описаніемъ; потомъ обращалъ вниманіе слушателей и заставлялъ ихъ восторгаться искусствомъ Карамзина въ переходахъ отъ разсказа объ одномъ событіи къ разсказу о другомъ; главная его цѣль при этомъ была убѣдить студентовъ, что русская исторія интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской и англійской; иногда, очень рѣдко впрочемъ, приносилъ и лѣтописи, читалъ изъ нихъ мѣста;—такъ, напримѣръ, онъ прочелъ намъ знаменитое мѣсто о спорѣ владимірцевъ съ ростовцами по смерти Андрея Боголюбскаго. Но какая же была цѣль этого чтенія?—Показать, что вотъ и въ русской исторіи бывали событія вродѣ западныхъ, являлись на сцену города, граждане, выбирали князей и прочее. Такъ отрывками добирался Погодинъ до 1612 года и здѣсь—по крайней мѣрѣ, на нашемъ курсѣ—остановился. Кромѣ того, значительная часть лекцій посвящалась разговорамъ со студентами, указаніямъ, что вотъ чѣмъ надобно заниматься,—изложить исторію сословій, исторію княжествъ, исторію городовъ и прочее, въ чемъ, разумѣется, студенты соглашались; но главное, какъ это дѣлать, объ этомъ не было помину; развивалъ Погодинъ притомъ свою любимую тему, что *молодые люди* самолюбивы, не хотятъ безкорыстно трудиться на стариковъ: „Вѣдь вотъ никто изъ нихъ не пойдетъ къ старому ученому дрова носить“,—такъ выражался Погодинъ, разъумѣя подъ дровами черную ученую работу, пріискиваніе мѣстъ въ источникахъ и т. п. Всѣ эти разговоры были забавны, но нисколько не привлекали сердца слушателей къ Погодину; смѣшно было видѣть человѣка самого само-

любиваго, жалующагося на самолюбіе другихъ, человѣка корыстолюбиваго, требующаго безкорыстія отъ другихъ. Таковы были отношенія Погодина къ студентамъ; со старыми товарищами своими, профессорами, Погодинъ еще сходился, съ нѣкоторыми былъ даже друженъ по отношеніямъ молодости,—напримѣръ, съ Шевыревымъ, Кубаревымъ; но когда пріѣхала толпа новыхъ профессоровъ изъ-за-границы, Крюковъ съ товарищами, то между ними и Погодинымъ началась явная вражда; вражда эта происходила прежде всего изъ того, что манеры Погодина, его цинизмъ произвели самое непріятное впечатлѣніе на этихъ новичковъ, привыкшихъ къ совершенно другимъ манерамъ; потомъ эти господа понѣмечились, jurabant in verba magistrorum, и такъ какъ сначала главное право ихъ на мѣста, главное достоинство ихъ состояло въ заграничномъ образованіи, то естественно, что они гордились этимъ достоинствомъ, превозносили все тамошнее въ ущербъ здѣшнему; это задѣло за живое Погодина, представителя славянофилизма въ университетѣ: онъ сталъ называть молодыхъ русскихъ профессоровъ нѣмцами и даже говорить, что онѣмеченный русскій гораздо хуже, вреднѣе для Россіи, чѣмъ нѣмецъ, что отъ посылки молодыхъ русскихъ ученыхъ за-границу происходитъ страшное зло для университетовъ и прочее. Понятно, какія пріятныя чувства возбудили въ молодыхъ профессорахъ подобныя мнѣнія; ихъ вражда разгорѣлась, и тѣмъ менѣе они могли щадить Погодина, что характеръ этого защитника Руси не могъ внушить имъ никакого уваженія. Графъ Строгановъ, назначенный попечителемъ, нашелъ университетскій корпусъ въ плачевномъ состояніи, именно въ такомъ же, въ какомъ нашелъ и гимназіи, и въ университетѣ произвелъ такой же благодѣтельный переворотъ, какъ и въ гимназіи. Большая часть профессоровъ были люди бездарные, отсталые, съ нелѣпыми выходками и привычками, подвергавшіеся вслѣдствіе того насмѣшкамъ студентовъ; мы уже съ трудомъ могли вѣрить разсказамъ нашихъ предшественниковъ до-строгановскихъ о томъ, что́ позволяли себѣ Смирновы, Маловы, Щедритскіе, Снегиревы на лекціяхъ и экзаменахъ. Строгановъ выгналъ ихъ всѣхъ и замѣстилъ каѳедры новоприбывшими изъ-за-границы учеными; отсюда

понятно, что онъ связалъ свое дѣло неразрывно съ дѣломъ послѣднихъ, которые нашли въ немъ покровителя и проводителя ихъ мыслей и плановъ; отсюда понятно, какъ онъ смотрѣлъ на эти остатки старины—на Погодина, Шевырева, Давыдова; онъ держалъ ихъ въ университетѣ по авторитету, какой они успѣли пріобрѣсти, и по неимѣнію людей, которыми бы можно было ихъ замѣнить, ибо для каѳедры русской исторіи и русской словесности не посылали молодыхъ людей за границу, а свои еще не подросли; на ученыя достоинства этихъ господъ Строгановъ смотрѣлъ чрезъ очки молодыхъ профессоровъ,—слѣдовательно, не очень уважалъ эти достоинства; кромѣ того, онъ ихъ раскусилъ съ перваго раза и возненавидѣлъ ихъ, какъ людей; онъ началъ презирать Давыдова, изъ-за ордена и чина готоваго на всякую гнусность; Шевырева—какъ человѣка мелкаго и вмѣстѣ задорнаго, несноснаго; Погодина—какъ корыстолюбиваго, грязнаго холопа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дерзкаго, надменнаго; закаленный аристократъ Строгановъ сейчасъ же враждебно оттолкнулся отъ демократа Погодина, демократа-блузника Болотникова во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія. Трое этихъ господъ, съ придачею еще четвертаго, Перевощикова, преподавателя очень способнаго, но человѣка грубаго, не умѣвшаго разбирать средства для достиженія цѣлей, видя отвращеніе отъ себя попечителя, бросились къ министру Уварову, врагу Строганова. Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесеннымъ изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей Александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента академіи наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Представляя изъ себя знатнаго барина, Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего истинно-аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, получившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I-го), но оставшійся въ сердцѣ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, никакой лести, чтобъ угодить барину (императору Николаю); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго

образованія, основаннаго на новыхъ началахъ, и придумалъ эти начала, т.-е. слова: православіе, самодержавіе и народность; православіе—будучи безбожникомъ, не вѣруя въ Христа даже и по-протестантски; самодержавіе—будучи либераломъ; народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки. Люди порядочные, къ нему близкіе, одолженные имъ и любившіе его, съ горемъ признавались, что не было никакой низкости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать, что онъ кругомъ замаранъ нечистыми поступками. При разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, разговорѣ очень часто блестяще умномъ, поражали однако крайнее самолюбіе и тщеславіе; только, бывало, и ждешь—вотъ-скажетъ, что при сотвореніи міра Богъ совѣтовался съ нимъ насчетъ плана. Понятно, какъ легко было поймать въ свои сѣти такого самолюбиваго и тщеславнаго человѣка людямъ,—подобнымъ Давыдову; стоило только льстить, кадить цѣлый день; и вотъ Давыдовъ овладѣлъ полною довѣренностью Уварова; другимъ средствомъ, къ пріобрѣтенію довѣренности и расположенія Уварова для Давыдова, равно какъ для Погодина, Шевырева и Перевощикова, была вражда къ Строганову, ибо послѣдній зналъ Уварова, какъ онъ есть, презиралъ его, какъ грязнаго человѣка, и по характеру своему не скрывалъ этого презрѣнія. Мнѣ говорили, что была еще сильная причина ненависти: Уваровъ имѣлъ связь съ мачихою Строганова—отсюда ненависть между министромъ и попечителемъ, вредившая такъ много московскому университету и округу и поведшая къ такой печальной для нихъ развязкѣ.

IX.

Всѣ эти университетскія отношенія (1838—1842 г.г.) имѣли большое вліяніе на меня, на мою будущность. Я говорилъ уже, съ какою страстью въ отрочествѣ предавался чтенію Карамзина. Это было еще до вступленія въ гимназію; въ гимназіи и въ университетѣ я почти не дотрагивался уже до Карамзина, ибо онъ не представлялъ болѣе для меня ни-

чего новаго; въ университетѣ я занялся всеобщею исторіею вслѣдствіе толчка, даннаго Крюковымъ и Грановскимъ; но время проходило не столько въ изученіи фактовъ, сколько въ думаніи надъ ними, ибо у насъ господствовало философское направленіе; Гегель кружилъ всѣмъ головы, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ; занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно; схвачу нѣсколько фактовъ и уже строю на нихъ цѣлое зданіе. Изъ Гегелевскихъ сочиненій я прочелъ только „Философію исторіи"; она произвела на меня сильное впечатлѣніе; на нѣсколько мѣсяцевъ я сдѣлался протестантомъ, но дальше дѣло не пошло; религіозное чувство коренилось слишкомъ глубоко въ моей душѣ, и вотъ явилась во мнѣ мысль — заниматься философіею, чтобъ воспользоваться ея средствами для утвержденія религіи, христіанства; но отвлеченности были не по мнѣ; я родился историкомъ. Въ изученіи историческомъ я бросался въ разныя стороны, читалъ Гиббона, Викко, Сисмонди; не помню, когда именно попалось мнѣ въ руки Эверсово „Древнѣйшее право Руссовъ"; эта книга составляетъ эпоху въ моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набиралъ только факты; Карамзинъ ударялъ только на мои чувства, Эверсъ ударилъ на мысль; онъ заставитъ меня думать надъ русскою исторіею. Съ большимъ запасомъ фактовъ отъ Карамзина и съ роемъ мыслей въ головѣ, возбужденныхъ Гегелемъ, Вико, Эверсомъ, я вступилъ на четвертый курсъ и сталъ слушать Погодина. Понятно, что его лекціи не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моихъ, хуже меня приготовленныхъ. Бывало, онъ начнетъ что-нибудь читать по Карамзину, а я ему подсказываю: „Вотъ тутъ-то, Михаилъ Петровичъ, въ примѣчаніяхъ есть еще важное указаніе".

Товарищи прозвали меня суфлеромъ Погодина, и онъ самъ обратилъ на меня вниманіе; вниманіе это усилилось, когда я подалъ ему сочиненіе о первыхъ вѣкахъ русской исторіи или экзегезисъ извѣстной начальной лѣтописи, гдѣ опровергнулъ нѣсколько его положеній. И вотъ однажды Погодинъ съ каѳедры обратился ко мнѣ и сказалъ: „Г. Со-

ловьевъ! Зайдите когда-нибудь ко мнѣ". Я явился къ нему, принятъ былъ благосклонно. Первый вопросъ: „Чѣмъ вы особенно занимаетесь?" Отвѣтъ: „Всѣмъ русскимъ, русскою исторіею, русскимъ языкомъ, исторіею русской литературы". Въ послѣдній университетскій годъ дѣйствительно таково было направленіе моихъ занятій. Крюковъ, котораго заинтересовало мое сочиненіе о египетской исторіи, хотѣлъ было переманить меня на древнюю почву: „Г. Соловьевъ!— объявилъ онъ мнѣ громко при всѣхъ:—я ношу ваше сочиненіе въ карманѣ, не могу съ нимъ разстаться". Потомъ онъ говорилъ моему отцу: не хочу ли я преимущественно заняться древностями? Я поступилъ, быть можетъ, неучтиво, ничего не отвѣчая ему на эти заманиванія, ибо я зналъ, что дѣло пойдетъ не объ одной древней исторіи, но также и о патрикулѣ, и о метрикѣ; я зналъ, что долженъ буду заниматься всѣми этими противными вещами, долженъ буду стараться писать хорошо по-латыни, къ чему я также чувствовалъ полное отвращеніе. Погодинъ не сказалъ мнѣ о моемъ сочиненіи—нравится оно ему или нѣтъ, сказалъ только: „Я хотѣлъ было съ вами потолковать о вашемъ сочиненіи, но куда-то его запряталъ, такъ что отыскать не могу". Онъ пригласилъ меня посѣщать его, пользоваться его библіотекой, и я бывалъ у него довольно часто, хотя не удалось быть у него много разъ, ибо это уже было во второе полугодіе послѣдняго четвертаго курса; всякій разъ я встрѣчалъ ласковый пріемъ. Прошелъ великій постъ; въ вербную субботу получаю отъ инспектора 1-й гимназіи Попова (о которомъ, какъ учителѣ моемъ, уже было сказано прежде) приглашеніе придти къ нему по нужному дѣлу: по порученію гр. Строганова, Поповъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не соглашусь ли я ѣхать за-границу, чтобъ быть домашнимъ учителемъ при дѣтяхъ брата его, графа Александра Григорьевича? Срокъ—годъ, цѣна—1200 франковъ. Я согласился: отвергнувши предложеніе Крюкова, занявшись главнѣйше русскимъ языкомъ, я не имѣлъ никакой надежды отправиться за-границу на казенный счетъ, а на свой— не имѣлъ средствъ; до выдержанія магистерскаго экзамена что бы я сталъ дѣлать въ Москвѣ? Долженъ былъ бы опредѣлиться учителемъ въ какую-нибудь гимназію; тогда

какъ тутъ случай побывать за-границею и пріобрѣсти протекцію Строгановыхъ, важную и при исканіи мѣста въ московскомъ университетѣ, и въ томъ случаѣ, если это мѣсто не сыщется, и я принужденъ буду поступить въ гражданскую службу. На третій же день я объявилъ Попову о своемъ согласіи, но Строгановъ не велѣлъ мнѣ являться къ нему для окончательныхъ переговоровъ до окончанія экзаменовъ, чтобъ не развлекать меня въ приготовленіи къ нимъ,—Строгановская черта! Экзамены, какъ всегда, шли очень успѣшно. На экзаменѣ изъ русской исторіи, Погодинъ, выслушавши мой отвѣтъ, обратился къ сидѣвшему тутъ начальству и сказалъ: „Рекомендую г. Соловьева,—это лучшій студентъ курса по русской исторіи, одинъ изъ лучшихъ во все продолженіе моей профессорской службы; не скажу: лучшій изъ всѣхъ,—были прежде и другіе такіе же". Въ это время Погодинъ уже разглашалъ о своемъ скоромъ выходѣ изъ университета и подалъ въ совѣтъ имена тѣхъ лицъ, которыя могутъ занять его мѣсто; то были: Григорьевъ, оріенталистъ, написавшій магистерскую диссертацію о ярлыкахъ; К—, который съ самаго начала пріобрѣлъ у профессоровъ своего факультета репутацію человѣка необыкновенно трудолюбиваго, но съ образцово темною головою, какимъ онъ и былъ всегда на самомъ дѣлѣ; третьимъ былъ назначенъ Бычковъ, кандидатъ нашего факультета, до сихъ поръ (сентябрь 1855 года) идущій быстро относительно крестовъ и чиновъ, библіотекарь въ Имп. Публичной Библіотекѣ, занявшій мѣсто Березникова, мѣсто издателя лѣтописей въ Археографической Комиссіи, человѣкъ, отличающійся петербургскимъ характеромъ дѣятельности, поверхностью, шеромыжничествомъ; четвертымъ, наконецъ, былъ назначенъ я.

Когда я сказалъ Погодину о своемъ рѣшеніи ѣхать заграницу при Строгановѣ, онъ вполнѣ одобрилъ мое рѣшеніе, распространившись насчетъ необходимости для каждаго молодого русскаго человѣка посмотрѣть чужія земли.

До гимназіи и во время гимназическаго курса ѣздилъ я съ отцомъ и матерью три раза въ Ярославль для свиданія съ дядею моей матери, который былъ тамъ архіереемъ (Авраамъ архіепископъ, знаменитый своею страстью къ

строенію церквей). Эти путешествія совершались на *долгихъ*, т.-е. бралась кибитка тройкою отъ Москвы до самаго Ярославля; 240 верстъ проѣзжали мы въ четверо сутокъ, дѣлая по 60 верстъ въ день; выѣхавши рано утромъ и сдѣлавши 30 верстъ, въ полдень останавливались кормить лошадей, кормили часа три, потомъ вечеромъ останавливались ночевать. Такимъ образомъ познакомился я съ Троицкою Лаврою, Переяславлемъ-Залѣсскимъ съ его чистымъ озеромъ, Ростовомъ съ его нечистымъ озеромъ и красивымъ Ярославлемъ съ Волгою. Отъ этихъ поѣздокъ остался въ моей памяти одинъ любопытный случай: въ первую поѣздку (мнѣ было тогда лѣтъ восемь, девять), остановившись ночевать въ Ростовѣ, отецъ вмѣстѣ со мною отправился къ архимандриту Яковлевскаго монастыря, Иннокентію; разговаривали они о всякой всячинѣ, и между прочимъ архимандритъ спросилъ отца: „Чѣмъ у васъ, батюшка, малютка-то занимается?“ Отецъ отвѣчалъ: „Да вотъ пристрастился къ исторіи, все читаетъ Карамзина“. Тогда архимандритъ обратился ко мнѣ и спросилъ: „А что, миленькій, вычиталъ ты о нашемъ Ростовѣ, что̀ о ростовцахъ-то говорится?“ Я очень хорошо помнилъ разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея Боголюбскаго, поведеніе растовцевъ относительно владимірцевъ, помнилъ оглавленіе II-й главы третьяго тома „И. Г. Р.“, гдѣ читается: „*Гордость Ростовцевъ*“, и помнилъ только это, позабылъ, что говорю съ ростовцемъ, и отвѣчалъ: „Ростовцы отличались въ древности гордостью“. Не знаю, каково было первое впечатлѣніе, произведенное моимъ отвѣтомъ на архимандрита; только онъ сказалъ, обращаясь къ отцу: „А что, батюшка, вѣдь малютка-то правду сказалъ, что до сихъ поръ народъ нашъ отличается гордостью, неуступчивостью“.

Я припомнилъ мои поѣздки въ Ярославль по поводу поѣздки въ Петербургъ въ 1842 году. Эта поѣздка не была похожа на ярославскія: поѣхалъ я не на долгихъ, но въ почтовой каретѣ, которая на третьи сутки принесла меня на берега Невы; ѣзда, дѣйствительно, была великолѣпная, европейская, шоссе гладкое, а по сторонамъ—извѣстно, что̀ бываетъ въ Россіи по сторонамъ большой дороги, хотя надобно сказать, что стороны шоссейной петербургской дороги

все были живописнѣе и занимательнѣе сторонъ желѣзной дороги; по первой проѣзжали черезъ города, черезъ красивую Тверь, Торжокъ, черезъ Вышній-Волочокъ,—русскую Венецію,—черезъ Валдай, Новгородъ, гдѣ Волховъ пріятно поразилъ меня своимъ шумомъ и напомнилъ Марѳу Посадницу. Въ Петербургѣ пробылъ я только два дня, на третій уже переѣхалъ на пароходъ „Наслѣдникъ", шедшій въ Травемюнде. Переѣздъ черезъ Балтійское море былъ очень непріятенъ: пароходъ былъ небольшой и весь наполненъ; пріѣзжало много иностранцевъ смотрѣть торжество по случаю серебряной свадьбы императора, и теперь они возвращались домой; на всемъ пароходѣ я только одинъ былъ русскій. Этотъ внезапный переходъ къ чужимъ людямъ былъ для меня тяжелъ—не съ кѣмъ русскаго слова сказать! Я не выношу, мнѣ душно и неловко, когда я сяду въ театрѣ въ середину ряда, а тутъ спи въ ящикѣ, живомъ подобіи гроба; каюта перваго класса была занята знатными и богатыми иностранцами; я взялъ мѣсто въ каютѣ второго класса и долженъ былъ обѣдать, завтракать и спать съ лакеями знатныхъ и богатыхъ людей. Вечеромъ перваго дня (это было 5-е іюля, день моихъ именинъ) заняла меня картина морской тиши; но тишина была передъ бурею, на другой день—проливной дождь, вѣтеръ, страшная качка, морская болѣзнь; цѣлый день я пролежалъ; море мнѣ надоѣло сильно, и невыразимый восторгъ овладѣлъ мною, когда я вышелъ на берегъ и въ дилижансѣ поѣхалъ изъ Травемюнде въ Любекъ; страна показалась мнѣ земнымъ раемъ; занялъ меня и Любекъ старинною архитектурою своихъ домовъ. Изъ Любека отправился я въ дилижансѣ въ Берлинъ. Первые дни въ Берлинѣ—суббота и воскресенье—были для меня очень скучны: одинъ въ незнакомомъ городѣ, не зналъ, гдѣ отыскать русскихъ; толкнулся въ церковь—службы нѣтъ, священникъ лѣтомъ въ Потсдамѣ, для русской солдатской колоніи. Въ понедѣльникъ рано утромъ приходитъ ко мнѣ какой-то полякъ и предлагаетъ свои услуги; я чрезвычайно обрадовался; первый вопросъ: какъ бы мнѣ отыскать молодыхъ русскихъ, занимающихся въ здѣшнемъ университетѣ? Чичероне полякъ повелъ меня въ университетъ, справился о русскихъ, объ ихъ квартирахъ. Я велѣлъ вести себя на квартиру Попова,

Стоятъ: И. К. Бабстъ, Б. Н. Чичеринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ.
Сидятъ: М. Н. Капустинъ, С. М. Соловьевъ, С. А. Рачинскій.

магистра московскаго университета, который недавно защищалъ диссертацію о „Русской Правдѣ“, отличился тѣмъ, что чрезвычайно ловко защитилъ жиденькую диссертацію, и послѣ диспута еще велъ перепалку съ Погодинымъ. Поповъ свелъ меня и со всѣми другими русскими—съ Пановымъ, Ефремовымъ, о которыхъ опомяну я послѣ. Я зажилъ теперь весело: поутру ходилъ на лекціи, обѣдалъ вмѣстѣ съ русскими; послѣ обѣда отправлялись вмѣстѣ на загородныя прогулки. Долго въ Берлинѣ пробыть я не могъ, и потомъ мнѣ хотѣлось прослушать по нѣскольку лекцій всѣхъ знаменитостей здѣшняго университета. Слышалъ я Шеллинга, великолѣпнаго старика съ орлинымъ взглядомъ, съ торжественною рѣчью, производившаго большое впечатлѣніе на слушателей уже одною этою торжественностью, такъ идущею къ содержанію философско-мистическому. Слышалъ я Неандера, знаменитаго церковнаго историка; лекція его была жидка по содержанію, въ ней не было ничего для меня неизвѣстнаго, не было и новыхъ мыслей; но нѣмцы записывали усердно. Еврей по происхожденію, Неандеръ славился своими христіанскими добродѣтелями и своими странностями, разсѣянностью; такъ, разсказывали, что однажды онъ пришелъ на лекцію безъ нижняго платья; перемѣнивши квартиру, онъ ходилъ въ университетъ мимо старой, хотя это было совершенно въ другую сторону; но иначе профессоръ не нашелъ бы дороги; на каѳедру клали передъ нимъ всегда перо: начавши читать, онъ бралъ его и ломалъ во все продолженіе лекціи: иначе, не имѣя чего вертѣть въ рукахъ, онъ не могъ бы читать свободно; лицо его сейчасъ же напоминало еврейское происхожденіе, особенно выдавались на немъ необыкновенно густыя черныя брови. Слышалъ я географа Риттера, почтеннаго старичка въ туфляхъ, очень образно объяснявшаго свой предметъ; его звали котомъ или котикомъ за мягкость и плавность манеръ и рѣчи. Слышалъ Ранке, коверкавшагося на каѳедрѣ и желавшаго голосомъ и жестами выразить характеръ разсказываемаго событія; Раумера, довольно виднаго господина съ безжизненною рѣчью. Слышалъ Бенки, сидѣвшаго на каѳедрѣ поджавши ногу и не пропускавшаго случая подтрунить надъ соперникомъ своимъ, Германомъ Лейпцигскимъ.

Изъ Берлина я отправился впервые по желѣзной дорогѣ—въ Дрезденъ, который мнѣ очень полюбился своимъ положеніемъ, Брюлевскою террасою съ ея дешевыми наслажденіями—мороженымъ и музыкою, картинною галлереею и оперою; въ картинной галлереѣ любимою картиною, передъ которой я долѣе другихъ останавливался, былъ Тиціановъ Il Cristo delia moneta: поражала меня здѣсь противоположность двухъ лицъ—Христа съ его божественнымъ спокойствіемъ и искусителя съ его искаженнымъ отъ лукавства лицомъ. Въ Дрезденѣ я освѣдомился, гдѣ Строгановы, узналъ, что въ Теплицѣ,—и отправился туда. Опять очутился я въ чужомъ домѣ, опять столкнулся лицомъ къ лицу съ русскими барами. Александръ Григорьевичъ Строгановъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, принужденный оставить должность по неудовольствію съ императоромъ, служилъ страшнымъ примѣромъ, какіе люди въ Россіи въ царствованіе Николая I-го могли достигать высшихъ степеней служебной лѣствицы: зажмуривъ глаза и прислушиваясь къ разговору Александра Строганова, можно было съ перваго раза подумать, что говоритъ графъ Сергѣй: такъ было у обоихъ братьевъ много сходнаго въ голосѣ, въ постановкѣ фразы; но какъ сильно сначала поражало сходство, такъ же сильно потомъ поражало различіе. Александръ имѣлъ всѣ недостатки Сергѣя, не имѣя ни одного изъ его достоинствъ. Конечно, могутъ сказать, что я выразился очень рѣзко, рѣшительно; могутъ сказать, что Александръ имѣлъ нѣкоторыя изъ достоинствъ Сергѣя, напримѣръ, былъ честенъ, неспособенъ брать взятки; но изъ уваженія къ Сергѣю я не хочу даже считать въ числѣ его достоинствъ служебную честность. Имѣя умъ чрезвычайно поверхностный, Александръ мечталъ, что обладаетъ способностями государственнаго человѣка, и не зналъ границъ своей умственной дерзости; съ важностью выкладывалъ какую-нибудь нелѣпую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстроивая другими подобными же нелѣпостями. Притомъ—ни малѣйшаго благородства, деликатности. Жена была еще хуже мужа: съ умомъ и образованіемъ также поверхностнымъ, огромными претензіями на то и другое, съ полнымъ отсутствіемъ сердца, эгоизмъ воплощенный, нераз-

борчивость средствъ, способность унижаться до самыхъ неприличныхъ искательствъ, когда считалось нужнымъ, и въ то же время гордость, властолюбіе непомѣрное—вотъ графиня Наталья Викторовна Строганова, урожденная княжна Кочубей. Эта чета была испорчена губернаторствомъ; прежде занятія министерскаго мѣста, Ал. Строгановъ былъ генералъ-губернаторомъ черниговскимъ, харьковскимъ и полтавскимъ. Понятно, какое страшное искушеніе представляетъ и для порядочныхъ лицъ первенствующее положеніе; это раболѣпство русскаго губернскаго чиновничества, дворянства и купечества предъ генералъ-губернаторомъ легко развратили Строгановыхъ. Въ Петербургѣ также—блистательное положеніе: графиня, умѣвшая владѣть разговоромъ, очень недурная собою, особенно вечеромъ, съ огромными связями, какъ дочь Кочубея, держала блистательную министерскую гостиную. И вдругъ—опала! Императоръ Николай понялъ наконецъ, что избранный имъ министръ внутреннихъ дѣлъ не годится даже въ ротные командиры, и отставилъ его. По обыкновенію опальныхъ властей, Строгановы отправились за-границу, прямо въ Парижъ. Эксъ-министръ началъ фланировать, схватывать рѣзкія черты нравовъ и разсказывать ихъ за обѣдомъ женѣ, вечеромъ—пріѣзжимъ русскимъ; познакомился съ Тьеромъ, также эксъ-министромъ,—но этимъ сходство между ними и ограничивалось, наконецъ, сталъ посѣщать лекціи анатоміи. Эксъ-министерша сначала очень скучала; пользоваться удовольствіями, за которыми пріѣзжали въ Парижъ другіе русскіе, посѣщать театры и прочее она не хотѣла: эти удовольствія были ниже ея; она привыкла къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, къ министерскимъ разговорамъ; притомъ, парижскія удовольствія требовали много денегъ отъ дамы, а она была относительно небогата, проживать много не могла. Она сблизилась съ одною русскою дамою, поселившеюся давно уже въ Парижѣ, Свѣчиною. Свѣчина эта приняла католицизмъ и подъ руководствомъ разныхъ аббатиковъ въ сутанахъ и во фракахъ занялась дѣлами милосердія. Эти аббатики и аббатисса Свѣчина поймали нашу Строганову, что́ было имъ нетрудно: досада на все русское, преимущественно на императора, не могла возбудить въ ней горячаго усердія къ русской церкви, которая,

по утвержденію не совсѣмъ несправедливыхъ католиковъ, имѣетъ папу въ императорѣ; поверхностное воспитаніе, холодность нашего духовенства, отсутствіе интереса къ религіознымъ вопросамъ въ Петербургѣ, въ сановническомъ кругу, не даютъ нашимъ барамъ, и особенно барынямъ, никакихъ средствъ узнать правду нашей церкви относительно католицизма; поэтому всякому аббатику, іезуиту, легко увѣрить ихъ, что внѣ католицизма нѣтъ спасенія. Строганову, женщину безъ убѣжденій, безъ сердца, прельстила эта внѣшняя, чувственная, театральная набожность католическая; прельстила ее эта новая открывшаяся ей дѣятельность, это католическое милосердіе, такъ тѣсно переплетенное съ интригою, съ составленіемъ обществъ, лотереями, совсѣми этими мірскими забавами, подкрашенными христіанствомъ, но не имѣющими въ себѣ ничего христіанскаго. Какъ только я свидѣлся со Строгановыми въ Теплицѣ, такъ тотчасъ замѣтилъ, что графиня окунулась и съ головою въ католицизмъ; она не скрывала своихъ мнѣній (сказать: *убѣжденій* было бы много) не только при мнѣ, домашнемъ человѣкѣ, но и при всѣхъ другихъ русскихъ, вслѣдствіе чего сейчасъ же распространился слухъ, что она приняла католицизмъ. Отъ графа въ два года я не слыхалъ ни слова о вѣрѣ; онъ аккуратно каждое воскресеніе ѣздилъ къ обѣднѣ въ русскую церковь; но графиня первый годъ по воскресеніямъ отправлялась въ котолическую, а по пятницамъ—въ русскую, для избѣжанія тѣсноты; но на другой годъ, когда объ этомъ начали слишкомъ громко говорить, начала и она ѣздить по воскресеньямъ въ русскую церковь. Въ Теплицѣ у Строгановыхъ было трое дѣтей; сынъ лѣтъ двѣнадцати, дочь лѣтъ тринадцати, и еще маленькій сынъ лѣтъ семи или восьми. Старшій сынъ былъ не глупъ, но уже въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ чувственныя наклонности начали въ немъ сильно развиваться и препятствовать нравственному и умственному развитію; въ двѣнадцать-тринадцать лѣтъ уже замѣтно было нравственное ожирѣніе въ мальчикѣ; дѣвочка, очень дурная лицомъ, была живѣе и чище во всѣхъ отношеніяхъ; третьяго малютку я не узналъ, ибо на пути изъ Дрездена въ Веймаръ онъ подавился куриною костью, которую дала ему сама мать, и умеръ въ Веймарѣ. Кромѣ меня, въ домѣ былъ гувернеръ

для мальчиковъ, гувернантка для дѣвочки. Гувернеромъ былъ бѣдный савояръ Дюфугъ безъ всякаго образованія и безъ претензій, добрый малый. Гувернантка была (позабылъ фамилію) швейцарка; она заслужила неблаговоленіе графини тѣмъ, что рѣзко высказывалась противъ католицизма, и уже положено было въ Дрезденѣ ее отправить, а въ Франкфуртѣ ожидала уже другая, которая прежде жила у нихъ, также протестантка, швейцарка, но въ которой предполагалось болѣе равнодушія къ своему исповѣданію; но потомъ и эта по той же причинѣ не понравилась, взята была католичка, ходившая каждый день къ обѣднѣ.

X.

Изъ Теплица я поѣхалъ вмѣстѣ со Строгановыми въ Дрезденъ, уже мнѣ знакомый, изъ Дрездена—въ Веймаръ, гдѣ, какъ уже сказано, умеръ маленькій графъ; изъ Веймара я доѣхалъ со Строгановыми до Франкфурта; здѣсь на мое мѣсто въ каретѣ сѣла новоприбывшая гувернантка, и я отправился одинъ, что́ для меня было чрезвычайно удобно и выгодно: я останавливался, гдѣ хотѣлъ, тогда какъ, ѣздя вмѣстѣ со Строгановыми, я не видалъ бы ничего, ибо они ѣздили изъ Богеміи въ Парижъ и изъ Парижа въ Богемію, зажмуря глаза, хлопоча только о томъ, какъ бы поскорѣе доѣхать, и смѣялись надъ тѣми русскими, которые, подобно англичанамъ и нѣмцамъ, останавливаются вездѣ и разсматриваютъ все любопытное; эта насмѣшка показываетъ лучше всего природу петербургскихъ сановниковъ, потерявшихъ интересъ ко всему, кромѣ мелкихъ интригъ честолюбія. Изъ Майнца я отправился по Рейну на пароходѣ въ Кельнъ. Рейнскіе берега въ первый разъ меня сильно поразили, во второй—уже не такъ, а въ третій—я просидѣлъ цѣлый день въ каютѣ, разбираясь въ своихъ бумагахъ. Но Бельгія и въ первый, и въ другой разъ произвела на меня одинаково благопріятное впечатлѣніе, по своему опрятному, чисто-европейскому труду, видимому вездѣ, и необыкновенной дѣятельности движенія, особенно на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ не довольствуются тѣмъ, что предлагаютъ вамъ напитки и

закуски, но также предлагаютъ дешевыя брюссельскія изданія французскихъ сочиненій; а города—съ ихъ геройскою средневѣковою исторіею, съ ихъ цвѣтущимъ настоящимъ, съ ихъ свободою и благочестіемъ, съ ихъ церквами, наполненными произведеніями искусства и богомольцами, не женщинами, какъ во Франціи, но мужчинами, и молодыми! Бельгія служила для меня утѣшительнымъ доказательствомъ, что свобода совмѣстима съ религіозностью и крѣпче отъ этого соединенія, что народъ, дѣльный по преимуществу, религіозенъ. Изъ Брюсселя я отправился въ Парижъ, куда попалъ сверхъ чаянія, ибо Сергѣй Строгановъ, отпуская меня изъ Москвы, прямо сказать мнѣ, что братъ его будетъ жить въ Италіи; но, пріѣхавши въ Теплицъ, я узналъ, что ихъ сіятельства не могутъ нигдѣ жить, кромѣ Парижа. Это извѣстіе заставило меня провести нѣсколько очень непріятныхъ дней, ибо быть за-границею и не быть въ Италіи было очень для меня тяжело. Но дѣлать было нечего, надобно было покориться судьбѣ, и я отправился въ Парижъ, утѣшая себя мыслью, что черезъ годъ, накопивши денегъ, успѣю съѣздить какъ-нибудь на свой счетъ въ Италію.

Итакъ, я жилъ тогда въ Парижѣ. Парижъ внѣшнею своею стороною много поразить меня не могъ: я уже видѣлъ много большихъ европейскихъ городовъ, привыкъ къ громаднымъ домамъ, громаднымъ общественнымъ зданіямъ; но и послѣ германскихъ и бельгійскихъ городовъ поразило меня развитіе промышленности, эта роскошь въ ней; поразили меня мраморные столы въ мясныхъ лавкахъ, искусство показывать товары; поразила страшная дѣятельность, написанная на всѣхъ лицахъ, на этихъ живыхъ кельтическихъ лицахъ, которыя были для меня очень привлекательны послѣ нѣмцевъ. Чистый славянинъ, получившій воспитаніе русское, свободное, безъ гувернера-иностранца, я свободно могъ предаваться влеченію славянской натуры, вслѣдствіе чего не люблю нѣмцевъ и сочувствую романскимъ кельтическимъ народамъ. Я плохо говорю на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, которыхъ знаю четыре: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, кромѣ польскаго и латинскаго; я разумѣю подъ знаніемъ свободное чтеніе авторовъ; свободно читать греческихъ авторовъ я не выучился въ университетѣ,

и послѣ, не имѣя упражненія, скоро позабылъ и то, что́ зналъ. По-чешски я не очень свободно читаю; но французскій, англійскій и итальянскій языки для меня родные по своему складу, но совершенно чуждъ нѣмецкій, особенно новый; читать французскую, англійскую и итальянскую книгу для меня такъ же легко и пріятно, какъ читать русскую; читать нѣмецкую книгу—трудъ тяжелый. За-границею я подмѣтилъ рѣзкое различіе между русскимъ и нѣмецкимъ относительно пищи: русскій, т.-е. славянинъ—преимущественно хлѣбоѣдецъ, нѣмецъ—мясоѣдецъ; маленькія булочки, которыя подаются къ столу въ Германіи, приводили меня въ отчаяніе, ибо совѣстно было безпрестанно спрашивать хлѣба. Французы и бельгійцы гораздо хлѣбоѣднѣе нѣмцевъ, и здѣсь, слѣдовательно, приближаются къ славянамъ; это приближеніе особенно замѣтно въ одинаково сильномъ употребленіи медовыхъ коврижекъ на востокѣ и на западѣ Европы, но не въ срединѣ. Сильно понравились мнѣ жантильныя француженки послѣ неуклюжихъ, большеногихъ нѣмокъ; понравилась простота въ одеждѣ: обыкновенно черное или темное платье, черная мантилья, черная шляпка съ маленькимъ чернымъ перомъ, тогда какъ на нѣмкахъ пестрота, потомъ голошейность, голорукость, тогда какъ во Франціи голошеями ходятъ по улицамъ только женщины извѣстнаго поведенія.

Вообще, я былъ доволенъ парижскою жизнью. Занятій у Строгановыхъ у меня было немного, не болѣе трехъ часовъ до полудня; послѣ все время я могъ употреблять для себя. Позавтракавши въ 12 часовъ, я отправлялся въ Королевскую Библіотеку. Главная цѣль моихъ занятій уже была опредѣлена—русская исторія; но для занятій ею у меня было мало средствъ, кромѣ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей—ничего, и потому я рѣшился заниматься исторіею всеобщею, преимущественно славянскою. Чтобъ опредѣлиться и въ этихъ занятіяхъ, я рѣшился писать сочиненіе, темою котораго было отношеніе дружины къ родовой общинѣ: изъ антагонизма замкнутаго рта и толпы людей, выдѣлившейся изъ него, большею частью насильственно, я объяснилъ главнѣйшія явленія въ исторіи человѣчества. Въ Азіи на семитическія племена я смотрѣлъ, какъ на представителей родового начала,

на персовъ—какъ на представителей дружиннаго, въ Европѣ—на пелазговъ, подъ которыхъ включалъ и славянъ, смотрѣлъ, какъ на представителей родового начала, на эллиновъ—дружиннаго; въ римской исторіи въ борьбѣ патриціевъ и плебеевъ я видѣлъ борьбу родового и дружиннаго начала. Для проведенія моей мысли мнѣ необходимо было изучить миѳологію, чѣмъ я преимущественно и занимался въ Королевской Библіотекѣ. Въ 3 часа я возвращался изъ нея и садился писать; писалъ два часа до обѣда, т.-е. до шести часовъ; послѣ обѣда читалъ новые книги и журналы. Въ воскресенье, вставши и напившись молока, отправлялся я въ русскую церковь, находившуюся въ концѣ Елисейскихъ-Полей. Послѣ обѣдни, заходилъ къ священнику Вершинскому, человѣку ученому, но самодуроватому; онъ снабжалъ меня также нѣкоторыми книгами. Къ священнику послѣ обѣдни сходились пить чай всѣ русскіе средняго сословія. Изъ нихъ я больше всего сблизился съ Сажинымъ, гувернеромъ у князя Гагарина; съ этимъ Сажинымъ я вмѣстѣ учился въ коммерческомъ училищѣ: это былъ человѣкъ далеко не ученый, но умный, вѣрно смотрящій на все, добрый и веселый. Иногда мы съ Сажинымъ оставались обѣдать у священника; но обыкновенно послѣ чаю мы отправлялись съ нимъ таскаться по Парижу, по церквамъ, въ Лувръ, въ загородныя мѣста; потомъ обѣдали вмѣстѣ въ Пале-Роялѣ, за два франка, и вечеромъ отправлялись въ театръ; хаживали мы въ итальянскую оперу не очень впрочемъ часто, по причинѣ дороговизны, а стоять спозаранку въ хвостѣ, чтобъ имѣть дешевыя мѣста, мы не хотѣли; только два раза были въ Французскомъ театрѣ—посмотрѣть Рашель; я призналъ въ ней великій талантъ, тутъ же назвалъ ее лицедѣйкою по преимуществу, но не пристрастился къ ея представленіямъ; причина заключалась въ моей слабонервности; воскресенье должно было быть для меня recreatio animi et corporis, я хотѣлъ избѣжать въ этотъ день всего тяжелаго, а трагедія была тяжела для моихъ нервовъ. Вотъ почему я преимущественно отправлялся въ французскія оперы—Большую и Комическую, или въ Пале-Рояль—смотрѣть m-lle Дежазé, старушку, несравненно игравшую молоденькихъ дѣвушекъ и особенно молоденькихъ мужчинъ,—Равеля возбуждавшаго хохотъ от-

нимъ появленіемъ своимъ на сцену,—или въ „Водевиль“, смотрѣть Арналя, въ „Варьетэ“—смотрѣть Буффé.

Приближалась зима; начали открываться курсы, которыхъ я дожидался съ нетерпѣніемъ, но они не удовлетворяли меня. Разумѣется, я прежде всего бросился на историческіе курсы къ Ленорману въ Сорбонну, къ Мишле въ Коллежъ-де-Франсъ. Ленорманъ, красивый, плотный мужчина, съ усами, смотрѣлъ тамбуръ-мажоромъ, а не профессоромъ; вмѣсто исторіи, предметомъ его чтеній во все продолженіе курса была защита христіанства противъ Штраусса. Защита была довольно жиденькая; несмотря на то, Ленорманъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ импровизировалъ, увлекался своимъ предметомъ и увлекалъ другихъ; я былъ бы еще доволенъ его лекціями, еслибъ онъ не читалъ исключительно съ католической точки зрѣнія. Повторяю, что въ научномъ отношеніи лекціи его были очень слабы; но можно утвердительно сказать, что изъ многочисленной толпы его слушателей едва ли человѣка три читали Штраусса; всего удачнѣе у него выходила защита христіанства, какъ коренящагося на неизмѣнныхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ человѣчества. Я помню, какъ однажды онъ обратился къ молодымъ своимъ слушателямъ съ такими словами: „Господа! Если когда-нибудь кто изъ насъ хотѣлъ обольстить дѣвушку для удовлетворенія своей чувственности, то неужели тайный голосъ не говорилъ ему, что онъ дѣлаетъ подлость?“ По свойству таланта, по способности къ одушевленію, къ Ленорману приближался Эдгаръ Кинé. Сначала Кинé читалъ очень спокойно по тетрадкѣ исторіи литературы въ Коллежъ-де-Франсъ; но къ концу академическаго года въ палатахъ и въ журналистикѣ разыгрался вопросъ объ іезуитахъ, и вотъ Кинé, вмѣстѣ съ Мишле, началъ читать противъ нихъ лекціи. Однажды я, ничего не зная, пришелъ въ аудиторію, гдѣ долженъ былъ читать Кинé, занялъ мѣсто, смотрю—аудиторія наполняется больше обыкновеннаго, становится страшная тѣснота, а толпа все прибываетъ; вновь прибывшіе, не имѣя мѣста, начинаютъ кричать, чтобы перемѣнена была аудиторія; тѣ, которые уже заняли мѣста, не хотятъ этого, ибо имъ невыгодно идти теперь позади и занимать худшія мѣста въ новой аудиторіи. Кинé не является.

дожидаясь, чѣмъ кончится дѣло; наконецъ, прежде пришедшіе осилили и криками заставили профессора явиться. Кинé былъ тутъ на своемъ мѣстѣ, читалъ съ большимъ одушевленіемъ, рукоплесканіямъ не было конца; мнѣ было очень пріятно слушать, ибо сильно не жалую іезуитовъ, хотя, съ другой стороны, не жалую и того начала, которое даетъ силу іезуитамъ среди людей слабыхъ, не умѣющихъ держаться на серединѣ. Слѣдующія лекціи Кинé противъ іезуитовъ читались уже въ другой, большой аудиторіи. Я упомянулъ выше о Мишлé. Я пришелъ къ нему на первую лекцію, думая выслушать съ пользою цѣлый курсъ исторіи Франціи; онъ читалъ въ самой обширной аудиторіи, которая однако была наполнена. Вошелъ на каѳедру сѣдой старичекъ и началъ говорить—о чемъ, Богъ его знаетъ!—страшный винегретъ и вовсе не занимательный, утомительный, переданный безъ одушевленія; я бросилъ ходить на эти лекціи. Но, когда дѣло дошло до іезуитовъ, Мишлé оживился, талантъ его высказался вполнѣ. Я позабылъ сказать, что на послѣдней лекціи Кинé противъ іезуитовъ онъ упомянулъ, что и знаменитый товарищъ его Мицкевичъ раздѣляетъ на своихъ лекціяхъ его мнѣнія. Начался крикъ: „Vive la Pologne!“ Сзади меня встаетъ господинъ огромнаго роста, трясетъ шапкой и кричитъ: „Vive la Pologne! Это былъ знаменитый Бакунинъ, котораго прежде встрѣтилъ я мелькомъ въ Дрезденѣ, говорилъ съ нимъ минутъ десять и отошелъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ никогда не сходиться: непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня своими отзывами о Россіи.

Слушалъ я и Мицкевича. Это явленіе было крайне любопытно, ибо давало понятіе объ этихъ восторженныхъ учителяхъ, которые производятъ такое сильное впечатлѣніе на толпу, особенно на женщинъ. Ясно было,что исходитъ сила, дѣлаетъ впечатлѣніе—но исходитъ эта сила не изъ содержанія рѣчи, убѣждающаго умъ или трогающаго сердце, исходитъ прямо отъ природы говорящаго человѣка и дѣйствуетъ на природу слушающаго. Ясно было, что передо мною инструментъ уже разстроенный, разбитый, и, несмотря на то, инструментъ звуками своими производилъ сильное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливалось еще прекрасною наружностью Мицкевича, скорбною, не отъ міра сего бывшею.

Содержаніе лекціи его о мессіанизмѣ извѣстно. Онъ читалъ по-французски медленно, съ дурнымъ выговоромъ: такъ напримѣръ, sûr онъ всегда произносилъ *шюръ*.

Былъ я и въ торжественномъ засѣданіи академіи при пріемѣ въ члены Пакьé; принимаемый говорилъ не блистательно; на другой день въ журналахъ высчитано было, сколько разъ онъ употребилъ частицу *que*. Но прекрасно, съ истинно-академическимъ краснорѣчіемъ, отвѣчалъ ему Миньé, понравившійся мнѣ и наружностью своею. Былъ я и въ палатѣ депутатовъ; меня непріятно поразилъ безпорядокъ, безцеремонность депутатовъ, шумъ во время произнесенія или читанія рѣчей неперворстепенныхъ ораторовъ; видѣлъ невзрачнаго Тьера, взрачнаго, осанистаго Гизо не съ французскою физіономіею. Будучи поклонникомъ Гизо за его сочиненія, я легко сдѣлался въ Парижѣ приверженцемъ орлеанской династіи и министерства Гизо; по умѣренности своей я не могъ понять, чего еще французамъ нужно болѣе того, что̀ они имѣли въ этомъ? Мой взглядъ былъ вполнѣ оправданъ послѣ, когда февральская революція повела къ нелѣпой республикѣ и гнусной имперіи.

XI

Пришла весна (1843 г.); надобно было думать о будущемъ годѣ; Строгановы объявили, что пробудутъ и эту зиму въ Парижѣ, а лѣто на богемскихъ водахъ, въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, потомъ въ Ахенѣ. Я свыкся съ парижскою жизнью; изъ Россіи не приходило никакихъ вѣстей, которыя бы заставили меня спѣшить туда, и я рѣшился остаться еще зиму въ Парижѣ. Изъ Парижа въ Богемію я долженъ былъ отправиться одинъ, ибо, какъ выше сказано, въ Строгановскихъ каретахъ мнѣ не было мѣста; времени мнѣ было дано много на проѣздъ, потому что рано прекращалось ученье въ Парижѣ за сборами и поздно начиналось въ Карлсбадѣ, пока еще жизнь не приводилась въ порядокъ. Я воспользовался этимъ, чтобъ объѣхать южную Германію; поѣхалъ въ дилижансѣ изъ Парижа въ Страсбургъ, гдѣ пробылъ недолго, чтобъ только посмотрѣть знаменитый соборъ, который пока-

зался мнѣ меньше, чѣмъ недостроенный кельнскій. Изъ Страсбурга я пріѣхалъ въ Карлсруэ, гдѣ, разумѣется, незачѣмъ мнѣ было долго оставаться; изъ Карлсруэ поѣхалъ въ Штутгартъ, куда пріѣхалъ вечеромъ, взялъ лондинера и велѣлъ вести себя по достопримѣчательностямъ города.— Куда вы меня прежде всего поведете?—спросилъ я у него.— „Въ королевскія конюшни",—былъ отвѣтъ.—Я не хочу въ конюшни, я не знаю толку въ лошадяхъ.—„Ну, такъ пойдемте къ памятнику Шиллера". Посмотрѣлъ я памятникъ Шиллера.—Ну, теперь куда же вы меня поведете?—„Въ королевскія конюшни".—Но я уже вамъ сказалъ, что не хочу въ конюшни!—„Ну, пойдемте въ паркъ: тамъ есть великолѣпныя колоссальныя нимфы". Пошли въ паркъ, посмотрѣлъ я на великолѣпныхъ колоссальныхъ нимфъ. —Теперь куда же вы меня поведете?—„Въ королевскія конюшни".—Но, Боже мой! Я уже вамъ сказалъ два раза, что не пойду въ конюшни!—„Ну, такъ идти болѣе некуда, у насъ нѣтъ больше никакихъ достопримѣчательностей!"—У васъ есть русская церковь?—„Есть, вонъ она на горѣ за городомъ; тамъ живетъ и священникъ; но теперь уже поздно идти туда; переночуйте, и завтра по-утру пойдемъ". Но я не рѣшился для свиданія съ русскимъ священникомъ ночевать въ Штутгартѣ, и въ ночь отправился черезъ Аугсбургъ въ Мюнхенъ. Въ Мюнхенѣ ждалъ меня окладной дождь; вслѣдствіе этой непріятности я рѣшился весь первый день просидѣть дома, и, чтобъ провести время съ пользою, написалъ статью о парижскомъ университетѣ, которую потомъ переписалъ въ Прагѣ и отправилъ къ Погодину, для напечатанія въ „Москвитянинѣ", что̀ и было исполнено. Это была вторая моя печатная статья, если не считать гимназической рѣчи; первая же статья, которую я написалъ по требованію Погодина и оставилъ ему, уѣзжая за-границу, была критика на Венелинскую „Скандинавоманію"; я не зналъ, что Погодинъ ее напечаталъ и подписалъ подъ нею мое имя,—какъ, по возвращеніи изъ-за границы, попался мнѣ въ руки „Славянскій Сборникъ" Савельева-Ростиславича, гдѣ разругана, между прочимъ, и моя статья, а авторъ оной названъ *пигмеемъ:* это былъ мнѣ первый подарокъ отъ русской критики.

Окончивши статью о парижскомъ университетѣ, я со-

шелъ внизъ въ общую залу, поужинать и, перебирая извѣстія объ иностранцахъ, нашелъ, къ величайшему удовольствію, имя Александра Попова. На другой день я отправился къ нему и введенъ былъ имъ въ кругъ русскихъ художниковъ, изъ которыхъ самый замѣчательный и пріятный, какъ человѣкъ, былъ Моллеръ; замѣчателенъ былъ также граверъ Степановъ, который въ загородныхъ прогулкахъ потѣшалъ насъ своими шутками съ нѣмцами и нѣмками. Степановъ былъ руссофилъ, презиралъ нѣмцевъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на трусовъ, и уважалъ свой русскій кулакъ, какъ персональный признакъ превосходства. Проведши весело время въ Мюнхенѣ, въ посѣщеніи глиптотеки, пинакотеки, дворца, церквей, проводивши съ *эгоистическимъ* вздохомъ Попова,— потому что мнѣ жаль было собственно не Попова, а досадно было, что онъ отправился пѣшкомъ въ Тироль, а оттуда въ Италію, которую судьба заперла для меня, по крайней мѣрѣ въ молодости,—я выѣхалъ въ Регенсбургъ, чтобъ посмотрѣть Валгаллу. Погода преслѣдовала меня въ Баваріи: въ Мюнхенѣ почти не было ни одного свѣтлаго дня: меня утѣшали, что здѣсь это обыкновенная погода. Въ Регенсбургъ я пріѣхалъ также въ дождь; но дѣлать было нечего: долго оставаться мнѣ было нельзя здѣсь, и въ окладной дождь я отправился въ Валгаллу, по мокрымъ дорожкамъ, покрытымъ улитками, взобрался къ знаменитому зданію; оно не поразило меня очень ни формою, ни внутреннимъ содержаніемъ; больше прельстило меня мѣстоположеніе, хотя половина красоты его уничтожалась дурною погодою. Въ Регенсбургѣ съ любопытствомъ и тоскою смотрѣлъ я на зеленый Дунай: онъ текъ къ счастливымъ странамъ юга, а я долженъ былъ двигаться все на сѣверѣ да на западѣ! Видѣлъ древній соборъ, гдѣ мнѣ показывали дорогіе сосуды,—но этого добра у насъ много и въ Россіи; водили меня и къ тюремнымъ погребамъ, для показанія глубины которыхъ чичероне зажигалъ бумагу и бросалъ внизъ; показывали гнусную машину, на которой видны были еще остатки крови послѣ пытокъ. Вечеромъ, насмотрѣвшись всѣхъ этихъ диковинокъ, выѣхалъ я въ почтовой каретѣ изъ Регенсбурга въ Карлсбадъ; со мною помѣстилась дама пожилая, но очень пріятная, съ сыномъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати. По языку я

узналъ, что это—поляки; по сѣрой студенческой шинели они узнали, что я русскій; завязался разговоръ на французскомъ языкѣ; оказалось, что дама была литовская графиня Довьялло, разумѣется, патріотка, живая, умная, образованная, пріятная, вкрадчивая. Она жаловалась на несчастное состояніе своего отечества, вспоминала славную старину литовскую, которую знала изъ исторіи Нарбурта; съ ужасомъ говорила о впечатлѣніи, какое произвела на нее регенбургская тюрьма и орудія пытки, причемъ прибавила: „Меня ужасаетъ, что нашъ вѣкъ стремится все къ старинѣ, къ этимъ среднимъ вѣкамъ, отъ которыхъ остались намъ такіе страшные остатки". Я отвѣчалъ ей на это: „Зачѣмъ же вы сейчасъ такъ горячо заступались за католицизмъ: вѣдь возвращеніе къ среднимъ вѣкамъ дѣлается во имя послѣдняго, и тюрьмы инквизиціи были самыя страшныя, а католицизмъ можетъ ли быть безъ инквизиціи?" Она замолчала.

Пріѣхавши въ Карлсбадъ, я пробылъ здѣсь недолгое время: Строгановы еще не пріѣзжали, и не было надежды, чтобы пріѣхали скоро, а потому я отправился въ Прагу. Теперь я отправлялся въ Прагу уже во второй разъ; прошлаго года я ѣздилъ туда на короткое время изъ Теплица, встрѣтилъ тамъ Попова, познакомился съ Ганкою, Палацкимъ, и только; Шафарика тогда не было въ городѣ; теперь, взявши еще въ Мюнхенѣ отъ русскихъ письма къ „властенцамъ" (патріотамъ), я рѣшился пробыть въ Прагѣ съ недѣлю и ближе присмотрѣлся къ славянскому движенію. Прежде всего, по письму я близко познакомился съ молодымъ человѣкомъ, Лиманомъ, горячимъ властенцемъ; онъ познакомилъ меня съ другими, себѣ подобными, ввелъ въ трактиръ, гдѣ они обыкновенно собирались. Что касается до властенцевъ, то это были люди превосходные, чистые, добродушные; не на одного меня, но на всѣхъ русскихъ производили они самое пріятное впечатлѣніе, такъ что каждый, сблизившись съ ними, уѣзжалъ изъ Праги съ тоскою. Какъ люди партіи, они жили одною мыслью, одною мечтою; горизонтъ ихъ вслѣдствіе этого сузился; они не видали своего положенія, не видали, что ихъ очень мало; что народъ равнодушенъ; кромѣ трактира, они ввели меня въ свои дома; я увидалъ простую жизнь, ибо все это были люди

недостаточные; познакомился съ нравами ихъ женщинъ, которыя меня удивили: чешки—настоящія польки, живыя, нецеремонныя; въ отношеніяхъ между двумя полами господствуетъ полная свобода; во время загородныхъ прогулокъ, напримѣръ, каждый мужчина беретъ себѣ даму (т.-е. дѣвушку) идетъ подъ-руку и говоритъ сладости. Въ одинъ прекрасный день, въ воскресенье, сговорившись, толпа властенцевъ и властенокъ, въ томъ числѣ и я, вышли чѣмъ свѣтъ на загородную прогулку къ св. Прокопу, въ монастырѣ котораго отправлялась нѣкогда славянское богослуженіе, почему память его и стала священною для властенцевъ. Прогулка была восхитительная, по горамъ; возвратились поздно вечеромъ; пѣснямъ властенскаго, разумѣется, содержанія, танцамъ—не было конца. Танцовалъ и я,—это было въ послѣдній разъ въ моей жизни. Возвратившись домой, я нашелъ въ карманѣ нѣсколько бѣлыхъ пряниковъ съ изображеніемъ льва: бѣлый левъ—гербъ Богеміи, котораго властенцы противопоставляютъ австрійскому орлу. Однажды я зашелъ къ одному властенцу-рытцу, т.-е. граверу; съ восторгомъ на лицѣ показалъ онъ мнѣ только-что оконченную работу свою: вырѣзанъ былъ орелъ, котораго зубами за шею хватилъ левъ. Что касается до знаменитостей чешскихъ, то Ганка имѣетъ чисто, русскую физіономію, напоминаетъ нашихъ плутоватыхъ управителей или ходатаевъ по дѣламъ; властенцы—либералы, и потому не любятъ Ганку за его пресмыканіе предъ русскимъ правительствомъ, за это благоговѣніе къ владимірскому ордену, который онъ имѣетъ. Дѣйствительно, Ганка вовсе не отличается безкорыстіемъ, какое я замѣтилъ въ властенцахъ. Видѣвшись со мною не болѣе трехъ, четырехъ разъ, онъ уже обратился ко мнѣ съ просьбою, не могу ли я черезъ министра Уварова (!!) выхлопотать ему мѣсто русскаго консула въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, гдѣ лѣтомъ бываетъ всегда такъ много русскихъ! Палацкій—очень ловкій, учтивый, пріятный человѣкъ въ обращеніи, съ пріятною наружностью—вотъ все, что я могъ замѣтить, посѣтивши его разъ. Шафарикъ—высокая, серьезная, протестантская фигура; онъ мнѣ напомнилъ схимниковъ въ нашихъ монастыряхъ, которые, какъ къ нимъ придетъ кто-нибудь, начинаютъ заученную душеспасительную бесѣду; такъ и Шафарикъ, узнавши, что я русскій, не

далъ мнѣ ни слова сказать, и началъ говорить длинную іеремiаду о плачевномъ состоянiи, въ какомъ находятся они, западные славяне, и окончилъ тѣмъ, что единственное сокровище, оставшееся у нихъ, это—языкъ: „Я твержу своимъ постоянно: сохраняйте языкъ—и съ нимъ все сохраните". Тѣмъ оканчивалась рѣчь, или лекцiя.

Подобно всѣмъ русскимъ, и я выѣхалъ изъ Праги съ тоскою. На дорогѣ развлекъ меня одинъ забавный случай. Ѣхалъ со мною вмѣстѣ какой-то французъ, началъ толковать о политикѣ и, узнавши, что я русскiй, толковать о стремленiи къ панславизму: „Вѣдь слiянiе довольно трудно,—говорилъ онъ,—потому что славянскiе народы не могутъ понимать другъ друга,—напримѣръ, вы, русскiе, не можете понимать чеха?". Мнѣ захотѣлось подшутить надъ французомъ: „Какъ?—отвѣчалъ я:—русскiй можетъ понимать чеха, и наоборотъ; вотъ вамъ доказательство: кучеръ у насъ чехъ; я буду говорить съ нимъ по-русски, а онъ будетъ мнѣ отвѣчать по-чешски", и, обратившись къ кучеру, я сказалъ ему что-то по-чешски, и тотъ мнѣ отвѣчалъ. Французъ, не понявши моей шутки, пришелъ въ ужасъ: „Когда такъ, то Австрiя, разумѣется, погибнетъ!"—сказалъ онъ.

XII.

Жизнь въ Карлсбадѣ и Теплицѣ (1844 г.) не представляла для меня ничего замѣчательнаго: днемъ—уроки, собственныя занятiя; вечеромъ—одинокiя прогулки по красивымъ окрестностямъ. По окончанiи водъ богемскихъ, Строгановы рѣшили, что графиня съ семействомъ поѣдетъ еще въ Ахенъ, на тамошнiя воды, а графъ изъ Дрездена отправится въ Петербургъ, гдѣ возьметъ старшаго сына Григорiя, выходящаго изъ пажескаго корпуса, и привезетъ его въ Ахенъ, на короткое свиданiе съ матерью, послѣ чего опять—въ Парижъ. Отъѣздъ графа опросталъ для меня мѣсто въ каретѣ, и я отправился въ Ахенъ вмѣстѣ со Строгановыми. Вся дорога была мнѣ хорошо извѣстна; Ахенъ я также подробно разсмотрѣлъ прошлаго года. Здѣсь жизнь моя была одинакова съ жизнью на богемскихъ водахъ; боль-

шой городъ представилъ мнѣ только то удобство, что я могъ записаться въ библіотеку для чтенія. Вздумалъ было я забраться въ театръ ахенскій будучи прельщенъ его красивостью. Давали комическую оперу —„Постильонъ де Лонгжюмо“, которая такъ прекрасно шла въ Парижѣ; явилась на сцену рыжая нѣмка; какъ она пѣла— я уже не помню; помню одно, что, пропѣвши что-то, она преспокойно предъ всею публикою тяжеловѣсно плюнула на полъ. Я бѣжалъ изъ театра и больше уже туда—ни ногой. Пріѣхалъ графъ съ сыномъ; послѣдній, очень похожій на мать, не имѣлъ въ себѣ ничего Строгановаго: живой, болтунъ, шумиха, крѣпко пустъ, съ кадетскимъ образованіемъ; красивъ, строенъ, но глаза ужасные, свинцовые, большіе: послѣ онъ сдѣлался знаменитымъ (это онъ былъ фаворитомъ, а послѣ негласнымъ мужемъ в. княгини Маріи Николаевны). Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ назадъ въ Россію, а мы поднялись въ Парижъ, я—особо. Жизнь моя эту зиму въ Парижѣ была совершенно сходна съ прошлогоднею, только скучнѣе, ибо по воскресеньямъ не было моего постояннаго сопутника, Сажина. Въ самый Свѣтлый день пріѣхалъ Поповъ и пробылъ нѣсколько недѣль. Весною (1845 г.) Строгановы начали толковать опять, что и слѣдующую зиму проведутъ въ Парижѣ; но я уже рѣшилъ возвратиться въ Россію: въ Парижѣ мнѣ рѣшительно нечего было болѣе дѣлать. Я написалъ два письма—одно къ московскому Строганову, гдѣ объяснялъ ему невозможность оставаться далѣе въ семействѣ его брата; другое—къ Погодину, въ которомъ объяснялъ ему мое положеніе и просилъ совѣта, думая, что онъ лучше другихъ можетъ сообщить мнѣ извѣстія о дѣлахъ университетскихъ. Строгановъ отвѣчалъ мнѣ, что нисколько не удерживаетъ меня въ Парижѣ, но желалъ бы, чтобы я провелъ нѣсколько времени въ славянскихъ странахъ, сблизился съ главными представителями славянской науки. Ясно было, что Строгановъ хотѣлъ, чтобы я занялъ каѳедру русской исторіи въ московскомъ университетѣ и знакомствомъ съ славянщиною на мѣстѣ пріобрѣлъ къ тому больше средствъ и правъ. Но я считалъ вовсе излишнимъ для русской исторіи оставаться долѣе въ славянскихъ странахъ и, вмѣсто чтенія ея источниковъ, услаждаться патріотическими жалобами

Шафарика и Ганки и возгласами молодыхъ властенцевъ; мнѣ нужно было спѣшить готовиться къ магистерскому экзамену, притомъ же у меня не было денежныхъ средствъ оставаться долѣе за-границею.—Письмо Погодина поразило меня своею странностью: оно начиналось и оканчивалось сильными выраженіями благодарности за довѣріе, которое я ему оказывалъ; чудакъ, не привыкшій, чтобъ ему оказывали довѣріе, счелъ за нужное благодарить молодого человѣка, который, по неопытности своей, никакъ не могъ понять, за что благодарятъ его. И тутъ же, двусмысленностью отвѣта, неумѣньемъ отплатить довѣренностью за довѣренность, Погодинъ давалъ мнѣ знать, что я дѣйствительно сдѣлалъ глупость, обратившись къ нему. Онъ писалъ, что оставилъ каѳедру, что хочетъ ѣхать въ Швецію—заниматься варяжскимъ періодомъ, въ южную Сибирь—для занятій монгольскимъ періодомъ; что мнѣ нужно было бы возвратиться въ Россію для занятій русскою исторіею, но и пожить подольше за-границею было бы также очень полезно; что во-всякомъ случаѣ мѣсто адъюнкта будетъ мнѣ готово. Если онъ вышелъ изъ университета, если каѳедра опросталась, и я долженъ занять ее, то я долженъ спѣшить для этого въ Россію, но какая же мнѣ польза оставаться за-границею, когда я уже пробылъ здѣсь два года? И что̀ значитъ, что мнѣ будетъ мѣсто *адъюнкта?*—Послѣ все объяснилось.

Понятно, что такое письмо только усилило во мнѣ желаніе выйти изъ темноты поспѣшнымъ возвращеніемъ въ Россію. Лѣто я хотѣлъ употребить на путешествіе по тѣмъ частямъ Германіи, гдѣ еще не былъ. Изъ Парижа отправился я въ дилижансѣ въ Мецъ, отсюда на пароходѣ по Мозелю и потомъ по Рейну въ Мангеймъ, изъ Мангейма по желѣзной дорогѣ въ Гейдельбергъ. Пріѣхавши сюда ночью на другой день отправился въ университетъ—узнать когда и гдѣ читаютъ три профессора, которыхъ мнѣ хотѣлось слышать—Крейцеръ, Рау и Шлоссеръ. Крейцеръ, по старости, читалъ у себя на дому; я отправился туда и отрекомендовался автору „Символики", дряхлому, очень невзрачному старику въ рыжемъ парикѣ; начали приходить студенты; Крейцеръ сталъ читать, и я сначала пораженъ былъ очень непріятно неуваженіемъ студентовъ къ профессору и къ

своему дѣлу: они шумѣли, смѣялись подъ носомъ у Крейцера. Старикъ читалъ о развитіи чувства изящнаго у грековъ—„tritum per tritum“; но когда дѣло дошло до знаменитаго мѣста въ Иліадѣ, гдѣ троянскіе старцы изумляются красотѣ Елены, старикъ Крейцеръ самъ превратился въ троянскаго старца, какъ будто бы увидалъ предъ собою Елену, и прочелъ мѣсто съ большимъ чувствомъ. Что касается до двухъ другихъ гейдельбергскихъ знаменитостей, Рау и Шлоссара, то первый читаетъ очень сухо и скучно, а второй, напротивъ очень живо, смѣшитъ студентовъ анекдотцами; онъ мнѣ показался еще очень свѣжимъ старичкомъ. На лекціи у Крейцера познакомился я съ русскимъ студентомъ Благовѣщенскимъ, воспитанникомъ предагогическаго института, бывшимъ потомъ профессоромъ въ Казани и Петербургѣ. Это былъ еще молоденькій красивенькій мальчикъ, не обѣщавшій многаго. Благовѣщенскій познакомилъ меня съ своимъ товарищемъ Мейеромъ, который и тутъ былъ тѣмъ же, чѣмъ послѣ, работалъ страшно много—и только; наконецъ третій русскій, котораго я встрѣтилъ здѣсь, былъ Вернадскій, присланный отъ кіевскаго университета. И этотъ явился предо мною здѣсь точно такимъ же, какимъ я зналъ его послѣ въ Москвѣ: человѣкъ живой, не безъ дарованій, безъ крѣпкихъ убѣжденій и невыносимо дерзкій; не имѣя способности крѣпко вдумываться во что бы то ни было, не находя большого интереса въ самихъ явленіяхъ безъ отношенія къ себѣ, онъ позволялъ себѣ очень часто высказывать нелѣпости, и если кто осмѣлится замѣтить, что это нелѣпость, и вступитъ въ споръ, то Вернадскій выходитъ изъ себя, кричитъ, громоздитъ нелѣпость на нелѣпость, и чтобы поддержать первую нелѣпость, говоритъ дерзость противнику. Вообще, это былъ одинъ изъ самыхъ непріятныхъ, самыхъ отталкивающихъ людей, какихъ только я встрѣчалъ.

Вторую половину лѣта провелъ я со Строгановыми на богемскихъ водахъ, въ Карлсбадѣ и Теплицѣ, въ Дрезденѣ простился съ ними и черезъ Берлинъ, гдѣ провелъ только одну ночь, отправился по желѣзной дорогѣ въ Свинемюнде, гдѣ сѣлъ на пароходъ и въ началѣ сентября пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь провелъ нѣсколько дней, чтобъ исполнить нѣкоторыя порученія Строгановыхъ, и въ дилижансѣ от-

правился въ Москву. Сергѣй Строгановъ встрѣтилъ меня, какъ нельзя лучше, сказалъ, что мѣсто для меня очищено выходомъ Погодина, чтобъ я приготовлялся къ магистерскому экзамену, успѣшное выдержаніе котораго дастъ мнѣ право на каѳедру, объявилъ мнѣ, что братъ его Александръ остался мною чрезвычайно доволенъ. Но это довольство скоро прекратилось—вотъ по какому случаю. Однажды, сидя со мною наединѣ въ комнатѣ, графъ вдругъ спросилъ меня: „Скажите, пожалуйста, справедливы ли слухи, которые носятся здѣсь, что графиня Наталья Викторовна приняла католицизмъ?“ Застигнутый врасплохъ, я началъ обходить рѣшительный ствѣтъ;—Строгановъ настаивалъ; что́ мнѣ было дѣлать? я видѣлъ передъ собою человѣка, котораго уже считалъ своимъ благодѣтелемъ, не имѣлъ никакой причины не желать добра и Александру, и рѣшился сказать все, что́ зналъ, именно все то, что́ изложено мною выше. Строгановъ все это написалъ брату, съ извѣщеніемъ быть осторожнѣе. Александръ, получивши это письмо, сильно разсердился на меня, какъ на человѣка, наябедничавшаго брату на него и на жену его; изъ его отвѣтнаго письма Сергѣй сказалъ мнѣ одно: „Братъ пишетъ, что вы ихъ не поняли“.—„Чего же тутъ не понять;—отвѣчалъ я ему:—развѣ я сказалъ вамъ больше того, что́ говорятъ другіе русскіе?“ Сергѣй-то очень хорошо зналъ, что я въ своемъ разсказѣ очень уменьшилъ разсказы, въ которыхъ ходили слухи относительно поведенія графини—религіознаго и нравственнаго, и потому принялъ мою сторону и сердился на брата, который не умѣлъ понять дѣла; но тотъ не переставалъ сердиться на меня, и, возвратившись въ Петербургъ, не упускалъ случая срывать свое сердце; вооружился противъ моей ученой репутаціи, кричалъ, что я человѣкъ недаровитый, и потому не могу оказать большихъ услугъ наукѣ; что я, находясь въ Парижѣ, занимался вовсе не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало; когда начала выходить моя „Исторія“,—находилъ удовольствіе писать брату длинныя письма, въ которыхъ ругалъ сочиненіе. Сергѣй обыкновенно объявлялъ мнѣ объ этомъ въ такихъ выраженіяхъ: „Вонъ какое длинное письмо написалъ братъ о вашей книгѣ! Онъ до васъ не охотникъ, но онъ не знаетъ настоящаго положенія науки, судитъ по старому“. Только послѣ выхода пя-

таго тома, Сергѣй сказалъ мнѣ: „Братъ пишетъ, что прочелъ вашъ пятый томъ, но не прибавляетъ никакого объ немъ сужденія“. Я началъ готовиться къ экзаменамъ, т.-е. сталъ писать диссертацію. Выбралъ тему: княженіе Іоанна III-го; прежде всего началъ заниматься Новгородомъ и увидалъ, что для пониманія послѣднихъ судебъ Новгорода, послѣднихъ отношеній его къ московскому государю необходимо представить полную исторію его отношеній къ великимъ князьямъ, и такимъ образомъ, вмѣсто диссертаціи объ Іоаннѣ III-мъ, вышла диссертація объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ. Что касается до экзамена, то я перечитывалъ выписки, сдѣланныя мною прежде изъ всего прочтеннаго, и этого было достаточно; изъ народнаго права приготовиться было легко по одной книжкѣ, по Клюберу, изъ древней географіи—также по Энциклопедіи, древностей Гофмана; изъ новой безпокоиться было нечего; экзаменовать долженъ былъ Ефремовъ, мой берлинскій знакомецъ, который получилъ въ это время званіе приватъ-доцента географіи при университетѣ; оставались политическая экономія и статистика; я рѣшился изъ этихъ предметовъ ограничиться старыми лекціями Чивилева и исторіею политической экономіи Бланки, а между тѣмъ отправился къ Чивилеву съ цѣлью представить ему, что мой магистерскій экзаменъ не можетъ быть обыкновеннымъ экзаменомъ, что моя цѣль показать способность свою занять каѳедру русской исторіи, для чего будетъ служить хорошая диссертація; а чтобы написать хорошую диссертацію, нужно употребить для нея все время, а не тратить его на предметы чуждые. Мнѣ хотѣлось побудить Чивилева опредѣлить мнѣ, изъ какихъ предметовъ именно онъ предложитъ мнѣ вопросы. Но Чивилевъ встрѣтилъ меня очень сухо, и когда я спросилъ, что мнѣ нужно приготовить для экзамена, то онъ отвѣчалъ, что если я прочту всѣ книги по политической экономіи и статистикѣ, которыя онъ рекомендовалъ намъ на лекціяхъ, то этого будетъ достаточно. Я зналъ и безъ него, что такъ должно было сдѣлать, но зналъ, что это невозможно и потому не прибавилъ ничего къ его лекціямъ по Бланки и продолжалъ попрежнему употреблять большую часть дня на диссертацію.

Причина нелюбезности Чивилева, не хотѣвшаго оказать

ни малѣйшаго вниманія къ моему положенію, заключалась въ томъ, что всѣ профессора такъ-называемой западной партіи были противъ меня: они были очень рады, что избавились отъ Погодина, и, считая меня его кліентомъ, вовсе не хотѣли обуваться изъ сапоговъ въ лапти, пускать къ себѣ другого, молодого славянофила; а что я не былъ славянофиломъ, они этого не знали, потому что я ни къ кому изъ нихъ не ходилъ, а статья моя о парижскомъ университетѣ, напечатанная въ „Москвитянинѣ", была въ славянофильскомъ духѣ: я уже, кажется, говорилъ, что въ университетѣ и за-границею я былъ дѣйствительно жаркій славянофилъ, и только пристальное занятіе русскою исторіею спасло меня отъ славянофильства и ввело мой патріотизмъ въ должные предѣлы.

Итакъ, противъ меня готовилось сильное сопротивленіе; на кого же я могъ опереться, въ комъ искать защиты противъ профессоровъ западной стороны, могущественныхъ своимъ единствомъ, достоинствами, силою у попечителя? На славянофиловъ?—но и съ ними я не былъ знакомъ, они меня вовсе не знали; притомъ въ университетѣ у нихъ былъ одинъ представитель—Шевыревъ, безсильный по одинокости и по неуваженію начальства и товарищей.

XIII.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1845 года начались мои экзамены. Первый былъ изъ всеобщей исторіи. Передъ началомъ экзамена, Грановскій подошелъ ко мнѣ съ упрекомъ, зачѣмъ я не пріѣхалъ къ нему и не переговорилъ насчетъ вопросовъ, и просилъ меня указать ему предметы, о которыхъ я желаю получить вопросы. Я отвѣчалъ, что выбралъ бы вопросы о реформаціи; на это Грановскій замѣтилъ, что предметъ—щекотливый, особенно неловко будетъ трактовать о немъ въ присутствіи Строганова; тогда я отвѣчалъ, что если нельзя отвѣчать о реформаціи, которою я въ недавнее время занимался, то пусть самъ назначитъ вопросы, ибо мнѣ все равно. Онъ мнѣ назначилъ первый вопросъ изъ исторіи Франціи о первыхъ Капетингахъ; второй—изъ исторіи Испаніи—позабылъ уже, что̀ именно; касательно же третьяго, Гранов-

скій предложилъ вопросъ о развитіи русской и западной лѣтописи; я замѣтилъ, что вопросъ мнѣ не нравился; но Грановскій настаивалъ—и я согласился. Причина такого настаиванія со стороны Грановскаго была та, что славянофилы, органомъ которыхъ въ это время былъ Шевыревъ, провозглашали, что русская лѣтопись выше западной, ибо въ послѣдней выходитъ наружу личность лѣтописца, тогда какъ въ русской этого вовсе нѣтъ; поэтому западнымъ очень хотѣлось знать, какъ я рѣшу этотъ вопросъ.

Моя начитанность въ исторіи, особенно во французской, дала мнѣ возможность, и не приготовившись, отвѣчать вполнѣ удовлетворительно; Грановскій не могъ не признать этого, и въ отмѣткѣ написалъ, что я обнаружилъ обширную начитанность, но прибавилъ, что я затрудняюсь въ изложеніи—намекъ, что у меня нѣтъ способности къ занятію профессорской каѳедры. Второй экзаменъ былъ изъ русской исторіи; положено было пригласить стараго профессора, Погодина; Погодинъ явился и, не сказавши мнѣ ни слова, задалъ вопросъ:—изложить исторію отношеній Россіи къ Польшѣ съ древнѣйшихъ до послѣднихъ временъ. Я не хочу думать, чтобъ вопросъ этотъ былъ заданъ злонамѣренно; гораздо вѣроятнѣе для меня, что вопросъ такой былъ выбранъ просто по научной безтактности, которою отличался Погодинъ. Прежде всего, разумѣется, я долженъ былъ отвѣтить кратко, ибо говорить подробно—для этого не достало бы цѣлаго дня, не только вечера; но, съ другой стороны, я долженъ былъ показать свои знанія въ подробностяхъ русской исторіи. Неприготовленный, не имѣя возможности, времени обдумать, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія, я началъ бросаться въ сторону, чтобъ показывать свое знаніе собственно въ русской исторіи, но Погодинъ не давалъ мнѣ этого дѣлать, сейчасъ же замѣчалъ, что я вдаюсь въ ненужныя подробности, не идущія прямо къ дѣлу; и такимъ образомъ я проболталъ цѣлый вечеръ, протягивая чрезъ девять вѣковъ отношенія Россіи къ Польшѣ. Да не забудется, что для сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса тогда не сдѣлано было ничего, что для этого сдѣлалъ я же вслѣдствіе почти двадцатилѣтнихъ трудовъ по неизвѣстнымъ архивскимъ источникамъ. Погодинъ объявилъ что

я отвѣчалъ удовлетворительно; но западники провозгласили,—разумѣется, не въ засѣданіи,—что вопросъ и отвѣтъ были гимназическіе, а не магистерскіе, и изъ отвѣта моего вовсе нельзя заключить о моей способности къ занятію профессорской каѳедры: заключеніе совершенно справедливое! Третій экзаменъ, особенно экзаменъ изъ статистики, былъ совершенно неудачный: Чивилевъ предложилъ мнѣ вопросъ, которымъ подробно я именно не успѣлъ заняться передъ этимъ—вопросъ о русской торговлѣ.

Эти неудачи мои заставили Погодина и Шевырева дѣйствовать рѣшительнѣе для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, т.-е. для введенія Погодина опять въ университетъ. Съ самаго пріѣзда моего изъ-за-границы, видясь съ Погодинымъ, я замѣчалъ, что онъ сильно жалѣетъ о своемъ выходѣ изъ университета, и сильно золъ на университетское начальство, зачѣмъ оно не просило его остаться: „Вотъ и Шафарикъ пишетъ, зачѣмъ я такъ рано оставилъ университетъ; вонъ и Антонскій говоритъ: „Рано, рано въ отставку!“—пѣлъ онъ мнѣ по вечерамъ, когда я къ нему пріѣзжалъ. Когда я ему сказалъ, что уже началъ писать диссертацію, именно объ Иванѣ III, то онъ мнѣ сказалъ на это: „А почему бы вамъ не заняться окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о варягахъ?“ Я отвѣчалъ, что считаю вопросъ рѣшеннымъ, и нахожу болѣе интереса въ позднѣйшихъ явленіяхъ. Потомъ онъ мнѣ однажды замѣтилъ: „Что́ же вы пишете диссертацію, и со мной объ ней никогда не поговорите, не посовѣтуетесь?“ Я отвѣчалъ: „Я не нахожу приличнымъ совѣтоваться, потому что хорошо ли, дурно ли напишу я диссертацію—она будетъ моя, а стану совѣтоваться съ вами и слѣдовать вашимъ совѣтамъ, то она не будетъ уже вполнѣ моя.—„Что̀ же за бѣда!—отвѣчалъ Погодинъ:—мы такъ и скажемъ, что диссертація написана подъ моимъ руководствомъ“. Я ничего не отвѣчалъ на это, но всякій пойметъ, что́ затаилось въ душѣ моей послѣ этого разговора. Передъ началомъ экзаменовъ я какъ-то зашелъ къ Давыдову, какъ декану. Давыдовъ съ нахмуреннымъ лицомъ вдругъ спросилъ меня: „Что́ же это значитъ? Михаилъ Петровичъ Погодинъ хочетъ опять войти въ университетъ: вѣдь мы имѣемъ васъ въ виду“. Озадаченный этими словами, я отвѣчалъ,

что ничего не знаю, что это—дѣло университета: какъ онъ рѣшилъ, такъ и будетъ. Давыдовъ, по природѣ своей, заподозрилъ слова мои въ неискренности, заподозрилъ, что у меня съ Погодинымъ стачка, и такъ какъ онъ не любилъ Погодина по соперничеству въ милостяхъ Уварова, и какъ не любилъ всѣхъ, кто былъ покрупнѣе, былъ очень доволенъ выходомъ его изъ университета, то началъ смотрѣть на меня какъ на Погодинскаго кліента, съ которымъ вмѣстѣ хочетъ войти и Погодинъ опять въ университетъ. Послѣ неудачнаго экзамена я пришелъ къ Строганову, не помню, самъ ли, или онъ меня позвалъ. Онъ встрѣтилъ меня жалобами на мой неудачный экзаменъ. Я разсказалъ ему прямо причины моей неудачи, прямо объявилъ, что, имѣя въ виду каѳедру русской исторіи, я счелъ нелѣпымъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить главнымъ, диссертаціей, которая должна показать мои права на каѳедру предъ всею ученою Россіею, заниматься статистическими подробностями; что же касается до нелѣпаго вопроса по русской исторіи, то, конечно, я въ немъ не виноватъ. „Экзаменъ прошелъ,—продолжалъ я;—остается диссертація, которую я подамъ немедленно,—она рѣшитъ все, а противъ интригъ я дѣйствовать не умѣю“.—„Противъ какихъ интригъ?“—возразилъ Строгановъ. „Считаю неприличнымъ,—отвѣчалъ я,—распространяться теперь объ этомъ; если ваше сіятельство еще ничего не знаетъ, то скоро все узнаете: у меня есть соперникъ—кто—объ этомъ я вамъ теперь не скажу“. Строгановъ, какъ видно, зналъ объ интригахъ Погодина и Шевырева, и очень былъ радъ услыхать отъ меня, что я смотрю на это дѣло, какъ на интригу, противъ меня направленную; изъ тона негодованія, досады, съ которыми я говорилъ ему объ этомъ, онъ понялъ, что я въ этой интригѣ участвовать не могу, не подставляю своихъ плечъ, чтобъ внести Погодина въ университетъ. Строгановъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ, сталъ меня ободрять, повторялъ, что главное—диссертація, а не экзаменъ, и мы разстались очень хорошо.

Я, дѣйствительно, скоро, какъ мнѣ помнится, въ началѣ великаго поста, подалъ диссертацію; Давыдовъ переслалъ ее къ Погодину, у котораго она и оставалась въ продолженіе всего поста и послѣ Святой недѣли. Въ это время

я попрежнему ни съ кѣмъ не видался. Въ четвергъ на Страстной недѣлѣ пошелъ я гулять, и на Арбатѣ встрѣтился съ Грановскимъ и Кавелинымъ, которые шли куда-то вмѣстѣ. Грановскій съ насмѣшливою улыбкою спросилъ у меня: „Что́ же ваша диссертація?“—„Давно подана“,—отвѣчалъ я; удивленный такимъ вопросомъ отъ секретаря факультета, которымъ былъ тогда Грановскій. „Какъ подана?—возразилъ Грановскій, не измѣняя насмѣшливой улыбки:—Никто въ факультетѣ объ ней не знаетъ“. Я отвѣчалъ, что Давыдовъ обѣщалъ отправить ее къ Погодину. „А! это дѣло другое“,—сказалъ Грановскій, и мы съ нимъ разстались.

Не помню, на какой недѣлѣ послѣ Пасхи я отправился къ Погодину и рѣшился сказать ему, чтобъ онъ возвратилъ, наконецъ, диссертацію. На эту просьбу мою Погодинъ отвѣчалъ такою рѣчью: „Я долго думалъ, какъ объявить вамъ мое мнѣніе о вашей диссертаціи, ибо я чувствую, какъ тяжело должно быть для васъ на первый разъ при первомъ опытѣ выслушать отзывъ нелестный: диссертація ваша, какъ магистерская диссертація, очень хороша, но какъ *профессорская*—вполнѣ неудовлетворительна; приступъ блестящій, правда, есть новое, чѣмъ я и самъ воспользуюсь, но въ изложеніи нѣтъ перспективы, точно такъ, какъ въ сочиненіяхъ Бѣляева; повторяю: трудъ прекрасный, какъ магистерская диссертація, но какъ профессорская—не годится“.—„Михайло Петровичъ,—отвѣчалъ я,—о профессорской диссертаціи тутъ и рѣчи быть не можетъ; моя цѣль—кончить поскорѣй съ магистерствомъ и ѣхать въ Петербургъ, искать мѣста. Если вы находите, что диссертація, какъ магистерская, удовлетворительна, то сдѣлайте одолженіе, напишите это, чтобъ послѣ факультетъ васъ уже болѣе не безпокоилъ“. Погодинъ сталъ отпѣкиваться, говорилъ, что подпишетъ просто—читалъ; но дѣло было для меня слишкомъ важно, и видѣлъ я очень ясно, съ какимъ человѣкомъ имѣю дѣло, а потому я настаивалъ: „Если вы говорите прямо, что диссертація удовлетворительна, то почему вы не хотите этого написать?“ Погодинъ уступилъ и написалъ на диссертаціи: „Читалъ и одобряю“. Чувство радости, что выручилъ наконецъ диссертацію, боролось во мнѣ съ чувствомъ негодованія, когда я вырвался отъ Погодина и шелъ по Дѣвичьему-

Полю домой (жилъ я тогда попрежнему у отца на Стоженкѣ, въ коммерческомъ училищѣ). Но гораздо болѣе должно было удивляться глупости этого человѣка, который не умѣлъ скрыть своей мысли, своего желанія: „Диссертація, какъ магистерская, хороша, а какъ профессорская—не годится"; это значило уже слишкомъ ясно: „магистромъ-то ты будь, пожалуй, а профессоромъ-то погоди,—я хочу самъ быть на этомъ мѣстѣ; а ты, если пойдешь ко мнѣ въ мальчики, то будешь адъюнктомъ". Повторять въ мысляхъ послѣднее я имѣлъ право: прежде какъ-то зашелъ у насъ разговоръ съ Погодинымъ объ адъюнктствѣ, и онъ прямо высказалъ мнѣ, что̀ подъ этимъ разумѣетъ: „Вотъ, еслибы я былъ опять профессоромъ, а вы у меня—адъюнктомъ, то мы бы устроили такъ: когда бы мнѣ не поздоровилось или такъ почему-нибудь я не былъ бы расположенъ читать, то я бы далъ вамъ знать, о чемъ слѣдуетъ читать, и вы бы эту лекцію прочли за меня". Зная характеръ Погодина, его громадное высокомѣріе, властолюбіе и отсутствіе деликатности въ обращеніи съ низшими, зависимыми людьми, я видѣлъ, какое страшное рабство предстояло мнѣ, и, разумѣется, никакъ не могъ согласиться на подобныя отношенія.

На другой день поутру я отвезъ диссертацію опять къ Давыдову, который передалъ ее Грановскому. Грановскій, не считая себя судьею въ дѣлѣ, передалъ ее Кавелину, чтобы тотъ сказалъ о ней свое мнѣніе. Кавелинъ прочелъ и, по впечатлительности своей, восплясалъ отъ радости, найдя въ ней совершенно противное славянофильскому образу мыслей. Онъ объявилъ Грановскому и всѣмъ своимъ то, что̀ послѣ объявилъ печатно въ „Отечественныхъ Запискахъ", а именно то, что диссертація моя составляетъ эпоху въ наукѣ, вслѣдствіе чего вся западная партія обратилась ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Когда я пріѣхалъ къ Грановскому за диссертаціею, то онъ встрѣтилъ меня комплиментами и прямо объявилъ, что свое сужденіе основываетъ на сужденіи Кавелина. „Ну, а что̀ Погодинъ говоритъ о диссертаціи?"—спросилъ меня Грановскій. Я передалъ ему знаменитыя слова объ отношеніи диссертаціи къ магистерству и профессорству.

Но если былъ радъ я такому обороту дѣла, то чуть ли

не больше былъ радъ ему Строгановъ; съ восторгомъ слушалъ онъ похвалы моему труду отъ тѣхъ людей, которые прежде отзывались обо мнѣ не очень привлекательно. Еще пріятнѣе было слышать ему, что диссертація моя не славянофильская и даже антиславянофильская, что Погодинъ интриговалъ, что можно дать щелчокъ этому антипатичному господину и замѣнить его въ университетѣ человѣкомъ достойнымъ. Когда я пришелъ къ нему, то онъ сказалъ, чтобъ я готовился къ лекціямъ, что̀ я, разумѣется, не преминулъ исполнить. Но при такомъ пріятномъ видѣ на будущее, которое мнѣ открывалось, отношенія къ Погодину меня страшно тяготили: я еще не успѣлъ на него тогда озлиться; успѣхъ дѣла, пріятное чувство, которое наполняло мою душу, выгоняло изъ нея злость; я не считалъ себя вправѣ вдругъ порвать всѣ сношенія съ человѣкомъ за то только, что онъ объявилъ мою диссертацію недостойною профессорской каѳедры. Но если не порвать, то тяжело съ нимъ видѣться: дѣло было ясно, что онъ хотѣлъ самъ получить обратно каѳедру, но что Строгановъ и западные противопоставляютъ меня ему, что я дѣлаюсь орудіемъ въ рукахъ его враговъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ смотрѣть на меня такъ. Чтобъ выйти, по крайней мѣрѣ на время, изъ такого непріятнаго положенія, я рѣшился дѣйствовать прямо и открыто: пошелъ къ Погодину и сказалъ ему, что я знаю, что онъ хочетъ занять опять каѳедру русской исторіи, но что Строгановъ велѣлъ мнѣ приготовляться къ лекціямъ, и потому пусть онъ, Погодинъ, принимаетъ свои мѣры. Погодинъ отвѣчалъ мнѣ: „Не знаю, чего хочетъ Строгановъ? Хочетъ ли онъ, чтобъ бы были при мнѣ адъюнктомъ, или при комъ-нибудь другомъ? Слышалъ я, что онъ думалъ о переводѣ сюда Иванова изъ Казани; можетъ быть, онъ хочетъ, чтобы вы при Ивановѣ были адъюнктомъ“. Это была новая гадость со стороны Погодина, которому хотѣлось колоть меня тѣмъ, что, во всякомъ случаѣ, съ нимъ ли, съ другимъ ли, но я могу быть только адъюнктомъ. Вообще, свиданіе было очень сухо; я видѣлъ ясно, что моя открытость не помогла, что добромъ не кончить съ этимъ человѣкомъ. Зашелъ я къ нему еще разъ—пріемъ еще суше. Между тѣмъ, іюль мѣсяцъ подходилъ къ концу: 29 іюля, въ пят-

ницу, Давыдовъ собралъ факультетъ и объявилъ, что въ немъ находятся двѣ вакантныя каѳедры, каѳедра философіи и каѳедра русской исторіи, и что попечитель предлагаетъ двоихъ кандидатовъ: для первой—Каткова, а для второй—Соловьева; какъ думаетъ факультетъ объ этихъ лицахъ? Относительно Каткова выборъ былъ единогласенъ; но когда дѣло дошло до меня, то Шевыревъ объявилъ, что странно будетъ факультету выбирать на такую важную каѳедру молодого, ничѣмъ неизвѣстнаго человѣка, когда знаменитый ученый М. П. Погодинъ, чувствуя, что его здоровье поправилось, желаетъ опять занять прежнюю каѳедру. Начался споръ; всѣ остальные члены факультета были за меня, и наконецъ порѣшили на томъ, что меня выбрать, а декану Давыдову поручить снестись съ Погодинымъ, на какихъ условіяхъ онъ хочетъ опять читать въ университетѣ. Давыдовъ, которому такъ не хотѣлось впустить Погодина опять въ университетъ, опираясь на несогласіе попечителя и факультета, предложилъ Погодину, что онъ можетъ читать въ университетѣ безъ всякаго вознагражденія и безъ всякаго оффиціальнаго значенія, какъ приватъ-доцентъ,—для желающихъ. Погодинъ отвѣчалъ на это предложеніе грубымъ письмомъ въ факультетъ, и тѣмъ дѣло кончилось.

Въ сентябрѣ 1845 года, я началъ лекціи. Читалъ я по три часа на третьемъ курсѣ словеснаго факультета и еще три часа на первомъ курсѣ юридическаго, повторяя тѣ же самыя лекціи. Первыя двѣ лекціи, заключавшія въ себѣ обзоръ всей русской исторіи, произвели благопріятное впечатлѣніе. Грановскій, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, сказалъ: „Мы всѣ вступили на каѳедры учениками, а Соловьевъ вступилъ уже мастеромъ своей науки“. Понятно, какое значеніе имѣли для меня на первыхъ порахъ эти слова; ими Грановскій привязалъ меня къ себѣ навсегда, на всю жизнь счелъ я себя ему обязаннымъ. Строгановъ, слыша одобренія, сказалъ: „Дай Богъ, чтобъ Погодинъ кончилъ такъ, какъ этотъ началъ“. Въ октябрѣ былъ мой диспутъ. Пріѣхалъ Погодинъ и учинилъ неслыханное дѣло: предложивши возраженія, онъ объявилъ, что отвѣтовъ моихъ на свои возраженія онъ не хочетъ и не обратитъ на нихъ никакого вниманія, что онъ пріѣхалъ не затѣмъ, чтобъ спорить

со мной, а только изложить свое мнѣніе насчетъ диссертаціи: приступъ блестящій, но главное положеніе о новомъ порядкѣ вещей на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія новыхъ городовъ надъ старыми—невѣрно. Давыдовъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ, что хотя Михаилъ Петровичъ и не хочетъ слушать моихъ отвѣтовъ, но, по порядку, заведенному на диспутахъ, я долженъ защищаться, и я началъ опровергать возраженіе Погодина, что̀ было мнѣ очень неудобно, ибо возраженіе это было предложено голословно; говоря, я обращался не къ Погодину, но ко всѣмъ присутствующимъ. Потомъ возражали: Грановскій, Бодянскій, Кавелинъ, Калачовъ, Давыдовъ, Шевыревъ. Грановскій возразилъ не помню что̀ что-то пустое, ибо онъ, несчастный, вовсе не зная русской исторіи, обязанъ былъ возражать какъ оффиціальный оппонентъ. Бодянскій, чтобъ насолить Погодину, съ которымъ онъ передъ тѣмъ поругался, превознесъ мою диссертацію до небесъ; Кавелинъ замѣтилъ что-то насчетъ судебнаго значенія вѣча; что̀ возражалъ Калачовъ—я не понялъ: это уже мое несчастіе—никогда не понимать Калачова; Давыдовъ спросилъ, зачѣмъ я не распространился о значеніи владыки въ Новгородѣ? Шевыревъ—зачѣмъ я не упомянулъ о Карамзинѣ, ибо сей великій историкъ, какъ выразился риторъ, усѣялъ свою исторію плодотворными мыслями, которыя намъ стоитъ только подбирать и развивать. Наконецъ, диспутъ кончился со славою для меня.

Въ академическій годъ 1845—1846 я успѣлъ прочесть только до смерти Ивана Грознаго; изъ этихъ лекцій я составилъ другую докторскую диссертацію подъ названіемъ: „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, которую на вакаціи 1846 года приготовилъ къ печати. Между тѣмъ, первая диссертація о Новгородѣ доставила мнѣ ученую извѣстность, оправдала выборъ университета; Кавелинъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ объявилъ, что она составляетъ эпоху въ русской исторической литературѣ. Были недовольные моимъ успѣхомъ, но еще молчали; молчалъ Погодинъ печатно, но дѣйствовалъ министръ Уваровъ: ему досадно было, что его кліентъ Погодинъ обойденъ, и Строгановъ помѣстилъ своего, да что̀ еще хуже—порядочнаго человѣка, который дѣлаетъ честь его выбору. Мел-

кодушіе Уварова обнаружилось тотчасъ же: по окончаніи моего диспута, Строгановъ представилъ меня и Каткова въ адъюнкты, какъ магистровъ: Уваровъ утвердилъ Каткова адъюнктомъ, а меня—исправляющимъ должность адъюнкта, ибо Катковъ не былъ Строгановскій, подобно мнѣ, и вступалъ въ университетъ, не отстраняя никого Уваровскаго. Мнѣ было очень досадно; такъ же досадно, какъ неполученіе перваго кандидатства; это была первая неудача по службѣ, начало держанія меня въ черномъ тѣлѣ, непризнаніе моихъ трудовъ, что̀ преслѣдуетъ меня до сихъ поръ. Но, „Господи; Ты сохраниши мя и соблюдеши отъ рода сего и до вѣкъ“! Въ моей досадѣ я много утѣшился; когда, вслѣдствіе утвержденія моего, въ декабрѣ мѣсяцѣ я получилъ жалованье за четыре мѣсяца съ начала курса,—первое жалованье, и какъ оно было мнѣ нужно! Изъ-за границы я привезъ съ собою нѣсколько денегъ, которыя употребилъ на заведеніе маленькой, необходимой для меня библіотеки по русской исторіи; но надобно было жить цѣлый годъ безъ жалованья; я взялъ одинъ урокъ, только одинъ, чтобъ не развлекаться; но къ осени именно, когда нужно было начинать лекціи, печатать диссертацію, шить мундирный фракъ, денегъ у меня не было, ибо урокъ прекратился вступленіемъ моего воспитанника въ университетъ. Я принужденъ былъ идти къ Строганову и занять у него 300 рублей ассигнаціями, на что и была напечатана диссертація. Строгановъ, увидѣвъ изъ этого, что я нуждаюсь, предложилъ мнѣ давать уроки изъ русской исторіи его сыну, приготовлявшемуся въ университетъ. Этимъ я жилъ до декабря, то-есть, на это я покупалъ книги, имѣя квартиру и столъ даромъ у отца; полученіе жалованья въ декабрѣ особенно обрадовало меня, потому что я могъ отдать долгъ Строганову.

Въ концѣ года (1845) я отправился къ Погодину, у котораго не былъ съ сентября, когда отвезъ ему два экземпляра моей диссертаціи. И самому мнѣ было тяжело ѣхать къ нему послѣ поступка его на диспутѣ, да и ему хотѣлъ я дать время уходиться. Пріѣхалъ, былъ принятъ ласково, сидѣлъ довольно долго; потомъ пріѣхалъ въ другой разъ, былъ принятъ почти такъ же; въ это самое время принесли ему съ почты пакетъ, заключавшій его похвальное слово Ка-

рамзину, допущенное наконецъ, послѣ долгаго разсматриванія и вычеркиванія въ Петербургѣ, къ печати. Погодинъ очень обрадовался и вдругъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „Ну, теперь сердце мое полно, и я пользуюсь случаемъ объясниться съ вами. Ваши два пріѣзда ко мнѣ произвели на меня пріятное впечатлѣніе; я подумалъ: молодой человѣкъ еще не огрубѣлъ, но, скажите, развѣ хорошо вы со мною поступили?"—„Вы прежде скажите мнѣ, что̀ дурного сдѣлалъ я въ отношеніи къ вамъ?"—отвѣчалъ я, и думалъ, что онъ войдетъ въ объясненія относительно своего отстраненія отъ каѳедры; но какія же обвиненія я вдругъ услышалъ: „Вы мнѣ привезли экземпляръ своей диссертаціи безъ всякой надписи, тогда какъ я видѣлъ, что другимъ вы надписали,—какому-нибудь Ефремову, и тому надписали".—„Но видѣли ли вы экземпляры моей диссертаціи у членовъ факультета?—спросилъ я:—ни у одного изъ нихъ вы не найдете съ надписью, ибо надписывать я имѣлъ право только тѣмъ, кому дарилъ, кому могъ и не дать, тогда какъ лицамъ оффиціальнымъ, каковы члены факультета, я обязанъ былъ дать экземпляръ; они получили экземпляры, такъ сказать, казенные, а не отъ меня въ даръ; васъ я причисляю также къ лицамъ оффиціальнымъ, ибо вы были экзаменаторомъ; но скажу прямо: конечно, вы получили бы экземпляръ съ надписью очень для васъ лестною, еслибы не такъ поступили со мной, еслибы черная кошка между насъ не пробѣжала".—„А это хорошо съ вашей стороны,—продолжалъ Погодинъ:—начать первую лекцію и не сказать ни слова обо мнѣ, вашемъ предшественникѣ?"—„Рѣшительно въ голову не пришло", отвѣчалъ я. Дѣйствительно, въ голову не пришло, а еслибы пришло, то я очутился бы въ крайнемъ затрудненіи: что̀ я могъ сказать хорошаго о Погодинѣ какъ о профессорѣ? Такіе пустяки выставилъ противъ меня Погодинъ; относительно же перваго дѣла, именно столкновенія по каѳедрѣ, онъ не вдавался въ подробности, сказалъ только: „Отецъ у васъ священникъ: онъ долженъ былъ бы показать вамъ, какъ дурно вы со мною поступили".—„О, что касается до моего отца,—отвѣчалъ я,—то, конечно, онъ сердился на васъ гораздо больше, чѣмъ я самъ: старикъ дождался единственнаго сына изъ-за-границы, от-

крылась возможность, чтобъ этотъ сынъ остался при немъ въ Москвѣ, на почетномъ и обезпечивающемъ мѣстѣ, и вдругъ онъ слышитъ—вы, старый и не нуждающійся больше ни въ какомъ мѣстѣ человѣкъ, перебиваете мѣсто у его сына!? Покричавши такимъ образомъ нѣсколько времени, мы разстались, впрочемъ, безъ горечи, и я продолжалъ иногда бывать у него.

Лѣтомъ я нанялъ дачу въ Давыдковѣ, чтобъ быть поближе къ Кунцову, гдѣ жилъ Строгановъ, сыну котораго я продолжалъ давать уроки. Лѣто провелъ я тихо, хорошо; обрабатывалъ окончательно докторскую диссертацію, будущее улыбалось, но въ концѣ дачной жизни, въ августѣ, непріятно поразила меня знаменитая Крыловская исторія.

XIV.

Я упоминалъ о Крыловѣ. Это былъ человѣкъ съ большими способностями, съ головою необыкновенно свѣтлою, съ блистательнымъ даромъ изложенія, художественнаго, пластичнаго, съ оригинальностью, странностью въ рѣчи, которая нисколько не вредила, однако, благопріятному впечатлѣнію, ею производимому. Но Крыловъ служилъ яснымъ доказательствомъ тому, какъ мало значатъ, какъ безплодны умственныя способности безъ основы нравственной. Это былъ человѣкъ чистый отъ всякихъ убѣжденій, нравственныхъ и научныхъ, ибо способность имѣть послѣднія показываетъ также нравственныя требованія въ человѣкѣ, вступившемъ въ ученое сословіе. Какъ человѣку съ блестящими способностями—школьная наука, разумѣется, далась ему; какъ отличный ученикъ духовной академіи, онъ былъ отправленъ къ Сперанскому во II-е отдѣленіе, потомъ за-границу, помѣщенъ профессоромъ въ Москву совершенно безъ спроса съ внутреннимъ призваніемъ; да еслибъ спросъ и былъ сдѣланъ, то отвѣта не послѣдовало бы, ибо ни къ чему призванія не было. Крыловъ былъ сдѣланъ профессоромъ римскаго права, очаровалъ слушателей блестящимъ изложеніемъ писаннаго разума, но, не имѣя никакого влеченія къ наукѣ, онъ за нею не слѣдилъ, чѣмъ объясняются

тѣ грубыя ошибки, которыя онъ позволилъ себѣ позже, въ 1857 г., когда ученая Немезида устремила его на литературное поприще. Странно было слушать этого человѣка: какая-то великолѣпная логическая машина, мысль съ мыслью цѣпляются, излагаются въ блестящей формѣ, но жизни, духа, внутренней, теплой связи нѣтъ,—цѣпляются мысли другъ съ другомъ чисто внѣшнимъ образомъ; впечатлѣніе, производимое разговаривающимъ Крыловымъ, было совершенно тождественно съ впечатлѣніемъ, производимымъ музыкальною машиною, разыгрывающею произведенія великихъ мастеровъ; хорошо, а жизни нѣтъ; неодушевленныя существа играютъ. Но, разумѣется, подмѣтить скоро этотъ характеръ рѣчи Крылова было нелегко, и потому Крыловъ очаровалъ своихъ товарищей, которые вмѣстѣ съ нимъ помѣстились въ московскомъ университетѣ, очаровалъ Строганова. Когда я пріѣхалъ въ университетъ и опредѣлился въ немъ, Крыловъ былъ деканомъ юридическаго факультета, слылъ за самаго умнаго, распорядительнаго профессора, былъ вмѣстѣ съ Грановскимъ столпомъ западной партіи въ университетѣ, особенно по смерти Крюкова, послѣдовавшей весною 1845 года. Не имѣя никакой нравственной основы, Крыловъ, разумѣется, способенъ былъ на всякое безнравственное дѣло. Такъ, сдѣлавшись деканомъ, пользуясь огромнымъ авторитетомъ, Крыловъ началъ брать взятки, о чемъ понесся слухъ по Москвѣ; пріятели его, члены одного кружка, были такъ пристрастны, что не повѣрили или притворились неповѣрившими. Такъ, когда я пріѣхалъ въ Москву изъ-за-границы и свидѣлся съ госпожею Благовою, у которой я прежде училъ сына и, по пріѣздѣ, сталъ доканчивать приготовленіе его въ университетъ, то она прямо сказала мнѣ, что для безпрепятственнаго помѣщенія ея сына въ студенты надобно дать взятку, именно, декану Крылову; я началъ возражать ей съ сердцемъ, что этого быть не можетъ въ университетѣ, но она отвѣчала мнѣ, что дѣло слишкомъ хорошо извѣстно. Вступивши въ университетъ, я пришелъ какъ-то къ Грановскому, посовѣтоваться съ нимъ о разныхъ дѣлахъ. Грановскій сказалъ мнѣ: „Я бы посовѣтовалъ вамъ съѣздить къ Крылову“— „Тимоѳей Николаевичъ, — отвѣчалъ я, — о немъ идутъ

дурные слухи: говорятъ, что онъ взяточникъ".—„Это вздоръ", сказалъ мнѣ Грановскій, и я обрадовался этому возраженію, и поѣхалъ къ Крылову, и ѣздилъ къ нему въ продолженіе зимы довольно часто; кажется, по средамъ каждую недѣлю, у него бывали вечера, на которыхъ было довольно весело. Крыловъ, года два передъ тѣмъ, женился на прехорошенькой женщинѣ, одной изъ многихъ дѣвицъ Коршъ. Семейство это было еврейскаго происхожденія, что̀ сильно отражалось въ чертахъ лица мужчинъ и женщинъ; на младшей сестрѣ женился Кавелинъ, на третьей ловили меня, но на мое счастье эта третья была хуже всѣхъ сестеръ, глупа, съ претензіями и заика,—очаровать, слѣдовательно, меня было нечѣмъ. Изъ многихъ братьевъ этихъ многихъ сестрицъ Коршъ самый замѣчательный былъ Евгеній: редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" въ описываемое время, человѣкъ необыкновенно остроумный, съ громадною начитанностью, пресимпатичная натура, хотя лѣнивая, черезчуръ мягкая, какъ улитка, скрывающаяся въ свою раковину при всякомъ столкновеніи, требующемъ хотя сколько-нибудь энергіи, твердости; онъ былъ пріятель Грановскому, одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ въ западномъ кружкѣ. И вотъ Крыловъ женился на его сестрѣ; между Вулканомъ и Венерой, конечно, не было большей противоположности, чѣмъ у Крылова съ его супругою: она, какъ я уже сказалъ, прехорошенькая, даже красавица, съ глазами восхитительными, онъ—маленькій человѣкъ, съ самыми непріятными, отталкивающими чертами лица, съ глазами, обыкновенно имѣющими какое-то ядовитое, хищное выраженіе. Но одно наружное безобразіе—это бы еще ничего, иногда женщины не обращаютъ на него вниманія; но Крыловъ, опять вслѣдствіе отсутствія всякаго нравственнаго начала, несмотря на свой умъ и на то гуманное общество, въ которомъ находился, не умѣлъ стереть съ себя нѣсколько деревенской и семинарской грязи, являлся олицетворенною грубостью, грязью, особенно тамъ, гдѣ ему не нужно было себя сдерживать внѣшними отношеніями, т.-е. дома, когда онъ былъ въ халатѣ,—внутренняго же стыда передъ женою, какъ передъ женщиною, онъ не зналъ; ласки его были возмутительны, а когда онъ былъ не въ духѣ, то цинизмъ въ присутствіи

жены доходилъ до невообразимой степени,—онъ не удерживался отъ площадной брани, отъ самыхъ неделикатныхъ упрековъ. Молодая женщина долго терпѣла; наконецъ, въ августѣ 1846 года, на дачѣ въ Ивановкѣ произошла сцена, которая переполнила чашу: при содѣйствіи младшаго брата своего, студента Валентина Корша, она бѣжала отъ мужа къ сестрѣ своей, Кавелиной, и объявила родственникамъ и пріятелямъ о поведеніи Крылова относительно ея, представила несомнѣнныя доказательства его взяточничества. Кавелинъ, Коршъ, Грановскій, Рѣдкинъ и весь западный кружокъ вооружились и объявили, что если Крыловъ останется въ университетѣ, то они выйдутъ изъ службы, ибо со взяточникомъ, позорящимъ профессорское званіе, они служить не хотятъ.

Попечителя Строганова въ это время не было въ Москвѣ; пріѣхавши въ Москву и узнавши дѣло, онъ сильно разсердился: скандалъ въ московскомъ университетѣ, гадкая исторія между людьми, которыхъ онъ уважалъ, которыми онъ гордился, хвастался, торжество ненавидимыхъ славянофиловъ, которые возликовали отъ скандала между западниками,—все это его очень раздосадовало, и онъ прежде всего высказалъ свою досаду противъ Кавелина съ товарищами, приписывая имъ, по крайней мѣрѣ, необдуманность, ребячество, ибо самолюбіе заставляло его сначала не вѣрить тому, что они говорили противъ Крылова, котораго онъ облекъ полною своею довѣренностью. Но потомъ, благодаря особенно помощнику своему Голохвастову, который зналъ все очень хорошо, онъ убѣдился въ справедливости обвиненій на Крылова во взяточничествѣ, и повернулся къ нему спиною; но все это дѣло продолжалось цѣлый годъ, до самаго выхода Строганова въ ноябрѣ 1847 года. Что же дѣлалъ въ это время Крыловъ? Онъ выказалъ всю мелочность и грязность своей души: сначала былъ ошеломленъ, впалъ въ отчаяніе, пересталъ ходить на лекціи; потомъ началъ подличать, доносить на своихъ товарищей, что они безбожники, развратники и прочее, разсказывать то же самое про свою жену и ея братьевъ; ѣздилъ съ этими доносами къ Филарету, перекинулся къ Погодину, притворился православнымъ русскимъ человѣкомъ; здѣсь уже было положено на-

чало его славянофильству, т.-е. сближенію съ славянофилами, хотя въ это время онъ сблизился собственно только съ Погодинымъ, ибо другіе славянофилы, ходившіе тогда еще въ бѣлыхъ перчаткахъ, отворачивались отъ него вслѣдствіе обвиненій во взяточничествѣ; тутъ же повернулъ къ востоку и Лешковъ. Лешковъ, воспитанникъ педагогическаго института и посланный за-границу, назначенъ былъ въ московскій университетъ по каѳедрѣ народнаго права и пріѣхалъ позднѣе, чѣмъ первая партія за-граничныхъ, т.-е. Крыловъ, Рѣдкинъ, Крюковъ и другіе. Это былъ человѣкъ трудолюбивый, но бездарный и тупой. Онъ прицѣпился къ кругу заграничниковъ, западниковъ, отдался въ услуженіе Крылову, который за вѣрную службу сталъ двигать его впередъ, смѣясь, впрочемъ, въ глаза и за глаза надъ его тупоуміемъ; онъ, благодаря могуществу своей партіи и Строганову, очень скоро выдвинулъ его въ ординарные профессоры, съ нарушеніемъ права другихъ. Лешковъ остался ему за это благодаренъ, и когда случилась описанная исторія, то онъ одинъ изъ профессоровъ юридическаго факультета принялъ явно его сторону; изъ другихъ факультетовъ сторону Крылова взяли: изъ математическаго Спасскій, изъ медицинскаго—Иноземцевъ, Варвинскій, Глѣбовъ, всѣ, кромѣ послѣдняго, люди ограниченные; хотя Иноземцевъ и Варвинскій, не знаю какъ, были звѣздами первой величины на медицинскомъ небѣ.

Такъ ознаменовался 1846—1847 академическій годъ для университета распаденіемъ западной партіи профессоровъ. Мнѣ и Чивилеву, съ которымъ я въ это время очень сблизился, было это крайне непріятно. До сихъ поръ западная партія въ университетѣ, т.-е. партія профессоровъ, получившихъ воспитаніе въ западныхъ университетахъ, была господствующею. Партія была обширна, въ ней было много оттѣнковъ, поэтому въ ней было широко и привольно; я, Чивилевъ, Грановскій, Кавелинъ—принадлежали къ одной партіи, несмотря на то, что между нами была большая разница: я, напримѣръ, былъ человѣкъ религіозный, съ христіанскими убѣжденіями; Грановскій остановился въ раздумьи относительно религіознаго вопроса; Чивилевъ былъ очень остороженъ,—только послѣ я узналъ, что онъ не вѣрилъ ни

во что; Кавелинъ—также, и не скрывалъ этого; по политическимъ убѣжденіямъ Грановскій былъ очень близокъ ко мнѣ, т.-е. очень умѣренъ, такъ что пріятели менѣе умѣренные называли его приверженцемъ прусской ученой монархіи; Кавелинъ же, какъ человѣкъ страшно увлекающійся, не робѣлъ ни передъ какою крайностью въ соціальныхъ преобразованіяхъ, ни передъ самымъ даже коммунизмомъ, подобно пріятелю ихъ общему, знаменитому Герцену. Съ послѣднимъ я не былъ знакомъ по домамъ, но видался съ нимъ у Грановскаго и въ другихъ собраніяхъ; я любилъ его слушать, ибо остроуміе у этого человѣка было блестящее и неистощимое; но меня постоянно отталкивала отъ него эта рѣзкость въ высказываніи собственныхъ убѣжденій, неделикатность относительно чужихъ убѣжденій; такъ, напримѣръ, онъ очень хорошо зналъ о моихъ религіозно-христіанскихъ убѣжденіяхъ и, несмотря на то, не только не удерживался при мнѣ отъ кощунствъ, но иногда и прямо обращался съ ними ко мнѣ; нетерпимость была страшная въ этомъ человѣкѣ. Противоположность въ этомъ отношеніи представлялъ Грановскій, въ высшей степени деликатный относительно религіозныхъ убѣжденій: онъ не только никогда не отзывался рѣзко при мнѣ о христіанствѣ, но, оставаясь со мною наединѣ, особенно впослѣдствіи, любилъ заводить со мною разговоры о христіанствѣ, высказывая къ нему самую сильную симпатію, проговаривался о зависти, которую чувствовалъ къ людямъ вѣрующимъ. Кавелинъ также не церемонился со мною относительно выходокъ противъ религіи; но у Кавелина это меня не оскорбляло по короткости нашихъ отношеній; мы съ нимъ спорили въ потасовку и потомъ упивались развитіемъ нашихъ сходныхъ научныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ, въ такъ называемой западной профессорской партіи было много оттѣнковъ, но эти оттѣнки уживались въ ней мирно, единство преобладало, всѣ стояли другъ за друга горой. Но послѣ Крыловской исторіи отношенія перемѣнились; вражда, нарушивъ единство, вывела наружу оттѣнки, рѣзко опредѣлила ихъ внутри и внѣ. Если, какъ я уже сказалъ, Кавелинъ, Грановскій, Рѣдкинъ, Коршъ называли Крылова взяточникомъ, то Крыловъ съ товарищами не щадилъ для нихъ названій безбож-

никовъ, коммунистовъ. Наше положеніе было крайне затруднительное.

Между тѣмъ, въ концѣ 1846 года, я сблизился съ славянофилами. Я уже упоминалъ, что во время моего студенчества и въ первый годъ пребыванія за-границею я былъ жаркимъ славянофиломъ; но потомъ все больше и больше занятія исторіею, и особенно русскою, дали мнѣ возможность пріобрѣсти правильный взглядъ на отношенія между древнею и новою Россіею; благодаря наукѣ и умѣренности моего характера, я не увлекся: признавъ необходимость Петровскаго періода, признавъ его законность, правильность истеченія его изъ предшествовавшихъ условій русскаго общества, я сохранилъ отъ прежнихъ моихъ любимыхъ занятій древнею русскою исторіею, отъ прежняго славянофильства, всю теплую симпатію къ древней Руси, къ ея лучшимъ людямъ. Эта теплота высказывалась въ моихъ лекціяхъ, въ моихъ статьяхъ, чего славянофилы не могли не замѣтить, особенно въ противоположность съ выходками Кавелина и другихъ западниковъ противъ древней Россіи. По пріѣздѣ моемъ изъ-за-границы, я видался съ тремя славянофилами — Александромъ Поповымъ, Пановымъ и Валуевымъ. Съ первымъ, какъ уже было сказано, я познакомился въ Берлинѣ, потомъ встрѣчалъ въ Мюнхенѣ и Парижѣ. По возвращеніи, я нашелъ его въ Москвѣ въ одинаковомъ со мною положеніи, т.-е. добивающимся каѳедры въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету. Это былъ человѣкъ съ большими способностями, преимущественно на словахъ, бойкій, смѣлый, иногда дерзкій говорунъ, мало способный къ труду; отсюда, блестящій на словахъ, онъ оказывался чрезвычайно слабымъ на дѣлѣ: слушая его, всякій долженъ былъ сказать: какія блестящія способности у этого человѣка! А прочтя его статью, всякій долженъ былъ пожать плечами. Юридическій факультетъ, сплошно составленный тогда изъ западниковъ, никакъ не хотѣлъ пускать къ себѣ Попова—и имѣлъ на то полное основаніе, хотя славянофилы и провозглашали, что это— великій философъ. По выслушаніи его пробной лекціи, факультетъ объявилъ, что лекція слаба; Поповъ напечаталъ ее въ „Москвитянинѣ“; критика согласилась съ факуль-

тетомъ Тогда Хомяковъ чрезъ Веневитинова рекомендовалъ его Блудову, который и помѣстилъ его во II-мъ отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. И здѣсь Поповъ оказался такимъ же, какимъ былъ извѣстенъ и въ Москвѣ.

Пановъ былъ совершенная противоположность Попову. Это былъ человѣкъ умный, распорядительный, нисколько не даровитый, до крайности неказистый, вялый, насилу вытаскивающій слова изо рта, но святой человѣкъ: окруженный самолюбцами, онъ отличался отсутствіемъ самолюбія, скромностью необыкновенною, но гдѣ приходилось работать, работалъ за всѣхъ.

Валуева я зналъ еще во время студенчества: онъ былъ курсомъ старше меня: живой, красивенькій мальчикъ, безъ устали бѣгавшій по лекціямъ не только своего, но и юридическаго факультета, нахватывающій отовсюду знаній, съ подозрительнымъ румянцемъ на щекахъ; потомъ я встрѣтился съ нимъ мелькомъ въ Парижѣ; когда же я возвратился въ Москву, то чахотка уже разрушала его; несмотря на то, онъ работалъ надъ изданіемъ памятниковъ древней русской исторіи и особенно надъ разработкою мѣстничества; плодомъ этого труда былъ „Симбирскій Сборникъ"; вскорѣ отправили его вторично за-границу, но онъ въ Новгородѣ умеръ. Валуевъ и Пановъ (который также скоро умеръ въ 1849 или 1850-мъ году) были лучшіе изъ славянофиловъ въ нравственномъ отношеніи. Обращусь къ другимъ, которые остались жить и дѣйствовать. Хомяковъ—низенькій, сутуловатый, черный человѣчекъ, съ длинными черными косматыми волосами, съ цыганскою физіономіею; съ дарованіями блестящими, самоучка, способный говорить безъ умолку съ утра до вечера и въ спорѣ не робѣвшій ни передъ какою увертокою, ни передъ какою ложью: выдумать фактъ, процитировать мѣсто писателя, котораго никогда не бывало—Хомяковъ и на это былъ готовъ; скалозубъ прежде всего по природѣ, онъ готовъ былъ всегда подшутить надъ собственными убѣжденіями, надъ убѣжденіями пріятелей. Понятно, что въ нашемъ зеленомъ обществѣ, не имѣвшемъ средствъ оцѣнить истиннаго знанія, добросовѣстности и скромности, съ послѣднимъ неразлучныхъ, Хомяковъ прослылъ геніемъ; это вздуло его самолюбіе, сдѣлало раздражительнымъ, не-

уступчивымъ, завистливымъ, злымъ. Послѣ Хомякова самое видное мѣсто въ славянофильскомъ кружкѣ занимали Аксаковы. Старикъ Сергѣй Тимоѳеевичъ—въ молодости театралъ, игрокъ, клубистъ, легонькій литераторъ, переводчикъ, стихоплетъ; въ старости, когда я съ нимъ познакомился, человѣкъ больной, никуда уже не выѣзжавшій, умный, практическій, хитрый, съ убѣжденіями ультра-западными, чего при случаѣ и не скрывалъ, а между тѣмъ очень легко прилаживался къ славянофильскому кружку, гдѣ ему было очищено почетное мѣсто, первый готовый подтрунить надъ сыновьями, надъ ихъ славянофильствомъ, и въ то же время считавшій славянофильство своимъ роднымъ фамильнымъ дѣломъ, дѣломъ священнымъ и неприкосновеннымъ. Жена его, Ольга Семеновна, старуха добрая до тѣхъ поръ, пока дѣло не шло о ея сыновьяхъ, о ихъ мнѣніяхъ, о ихъ кружкѣ: но еслибы кто вздумалъ задѣть ихъ, Ольга Семеновна превращалась въ фурію, и только окрикъ мужа, наслѣдника „Багровщины", заставлялъ ее умѣрять свои неумѣстные порывы. Старшій сынъ этой четы, Константинъ, достойный прозвища Багрова, человѣкъ, могущій играть большую роль при народныхъ движеніяхъ и въ гостиныхъ зеленаго русскаго общества, со львиною физіономіею, силачъ, горланъ, открытый, добродушный, не безъ дарованій, но тупоумный; послѣднее можно было бы легко сносить за открытость, добродушіе, наивность, но что̀ дѣлало его нестерпимымъ, такъ это крайнее самолюбіе и упорство въ мнѣніяхъ, для поддержанія которыхъ онъ средствъ не разбиралъ. Въ Хомяковѣ эта неразборчивость смягчалась шутливостью, которая мѣшала противнику его раздражаться; но спорить съ Аксаковымъ было глупо и вредно для здоровья; правда, Аксаковъ не позволялъ себѣ выдумывать фактовъ, но зато никакая самая чудовищная натяжка его не останавливала, и это, разумѣется, раздражало гораздо больше, чѣмъ всякая выдумка, ибо противъ послѣдней легкое средство—сказать и доказать, что нѣтъ ничего подобнаго, но противъ способности перевернуть всякое слово и событіе въ свою пользу—гдѣ средство? К. Аксаковъ когда-то хорошо учился въ московскомъ университетѣ, когда именно нечему было въ немъ учиться, и ученикъ, т.-е. студентъ, кончилъ курсъ универ-

ситетскій лѣтъ шестнадцати; онъ считалъ себя знатокомъ русской исторіи, потому что прочелъ Румянцевское собраніе грамотъ и нѣсколько томовъ изданій Археографической Комиссіи; для подкрѣпленія своихъ любимыхъ мыслей онъ бралъ наскокомъ въ древней русской исторіи нѣсколько явленій, но у него никогда не доставало ни времени, ни духу прослѣдить русскую исторію хотя бы и не по источникамъ; Карамзина онъ не читалъ, изъ моей исторіи прочелъ первый томъ, когда писалъ свою статью противъ родового быта, а потомъ началъ читать съ VI-го тома, когда въ славянскомъ совѣтѣ ему поручено было написать разборъ моей исторіи для „Русской Бесѣды“: это онъ мнѣ самъ сказалъ откровенно; о новой русской исторіи съ XVIII-го вѣка не имѣлъ никакого понятія, объ исторіи западныхъ и славянскихъ народовъ— также. Считалъ онъ себя и филологомъ, но филологи отзывались объ его знаніяхъ очень неудовлетворительно. Что̀ же дѣлалъ этотъ человѣкъ всю свою жизнь? Лѣтомъ въ деревнѣ сидѣлъ у пруда съ удочкой; зимой въ Москвѣ съ утра до вечера разъѣзжалъ по гостямъ или принималъ у себя гостей: Аксаковъ жилъ очень открыто, хлѣбосольно, всегда можно было у нихъ застать кого-нибудь, всегда кто-нибудь обѣдалъ. Второй сынъ Аксаковыхъ, Григорій, служилъ въ губерніи, не былъ ничѣмъ замѣчателенъ; третій, Иванъ, воспитанникъ училища правовѣдѣнія—человѣкъ съ поэтическимъ дарованіемъ, умнѣе брата, но никакъ не ученѣе. Сначала могло казаться, что изъ него будетъ путь, что онъ успѣетъ избѣжать крайностей своей партіи. Но онъ скоро бросилъ службу, и отсутствіе крѣпкаго научнаго образованія, съ одной стороны, и практической дѣятельности, съ другой, выставили и его на жертву этимъ крайностямъ.

Товарищъ К. Аксакова по университету и пріятель его, Юрій Самаринъ, человѣкъ замѣчательно умный, но холодный, несимпатичный господинъ, сдѣлался сначала славянофиломъ, по недостатку ученаго образованія, особенно въ исторіи, потомъ укрѣпился въ славянофильствѣ по самолюбію; онъ имѣлъ на это нѣкоторое право: въ началѣ службы своей у лифляндскаго г.-губернатора Суворова онъ перенесъ свои убѣжденія на практическую почву, сталъ держать

оппозицію Суворову за преданность послѣдняго нѣмецкимъ интересамъ, написалъ и распустилъ противъ Суворова письмо, за что былъ посаженъ въ крѣпость, потомъ посланъ въ Кіевъ на службу и тутъ кончилъ свое служебное поприще; понятно, что онъ озлобился, и, когда послѣ другіе члены его кружка освѣжались надеждою на лучшее будущее, Самаринъ оставался пессимистомъ. Наконецъ, въ славянофильскомъ кружкѣ изрѣдка появлялись два человѣка, которые считались также коноводами: это два брата Кирѣевскіе—Петръ и Иванъ. Петръ—доброе, кроткое, симпатичное существо—напоминалъ мнѣ добродушныхъ чешскихъ властенцевъ: онъ былъ очень трудолюбивъ, много читалъ, но не былъ даровитъ, не былъ уменъ, не имѣлъ никакого характера; нравственная слабость, неспособность двинуться, сдѣлать что-нибудь,—порокъ, которымъ страдали всѣ эти люди вообще,—въ Петрѣ Кирѣевскомъ доходилъ до неимовѣрныхъ размѣровъ; вобрать въ себя, начитаться, наслушаться, наглядѣться—это было его дѣло; но самому что-нибудь написать, сдѣлать—для этого нужны были усилія необычайныя.

Братъ его, Иванъ Кирѣевскій—человѣкъ даровитый, крайній западникъ вначалѣ, потомъ круто повернувшій въ противную сторону, вслѣдствіе перемѣны религіозныхъ убѣжденій. Его славянофильство ограничивалось сферою философскою и религіозною. Какъ прозелитъ относительно христіанскихъ убѣжденій, онъ враждебно сталъ смотрѣть на нерелигіозное движеніе мысли въ просвѣщенномъ человѣчествѣ, вывелъ, что такое движеніе коренится въ свойствѣ западныхъ народовъ, въ ихъ церковныхъ условіяхъ, и что соглашеніе мысли съ чувствомъ должно произойти у народовъ, къ восточной церкви принадлежащихъ; какъ это должно произойти, этого уяснить для себя онъ не могъ, и потому долженъ былъ ограничиться одною скудною отрицательною дѣятельностью, вооружаться противъ западной философіи, толковать о возможности православной философіи.

Къ этимъ—не скажу мыслителямъ, но мечтателямъ, поэтамъ и дилетантамъ науки, изъ которыхъ по большей части слагался славянофильскій кружокъ,—присоединялся человѣкъ съ противоположною натурою, человѣкъ практи-

ческій, мастеръ обсуживать предметы осязательные, но становившійся совершеннымъ дуракомъ, когда предметъ поднимался въ высшую сферу: то былъ К—въ. К—въ благую часть избра въ мірскомъ, земномъ смыслѣ: отказался отъ служебнаго движенія, отъ служебныхъ почестей, чтобы пріобрѣсти состояніе, и пріобрѣлъ большое посредствомъ откуповъ и еще кое-какихъ сдѣлокъ, какъ говорятъ, вовсе нечистыхъ; разсказывали, что въ одну непрекрасную ночь онъ подбѣгалъ безпрестанно къ зеркалу, чтобъ смотрѣть, не посѣдѣлъ ли онъ отъ мучительнаго безпокойства, ибо дѣла по откупамъ пошли такъ дурно, что грозило разоренье круглое; наконецъ, онъ рѣшился на дѣло нечистое, на смѣшеніе воды съ виномъ, что-ли, и этимъ спасъ себя; разсказывали также, что онъ выгодно купилъ большое имѣніе, подкупивши управителя, который доносилъ барину, что имѣніе никуда не годится, что его слѣдуетъ продать, хотя и за безцѣнокъ. Разумѣется, все это разсказывалось не въ славянофильскомъ кружкѣ. Наживши большое состояніе, надворный совѣтникъ К—въ, полный еще силъ, мужикъ и горланъ, захотѣлъ играть роль передового человѣка въ обществѣ; онъ бросился въ оппозицію, примкнулъ къ славянофиламъ и сталъ для нихъ чрезвычайно полезенъ денежными средствами. Обращеніе его въ славянофилы происходило постепенно на моихъ глазахъ. Сначала онъ хотѣлъ играть роль примирителя, срединнаго человѣка, приглашалъ къ себѣ на богатые обѣды и ужины людей изъ обѣихъ партій— Грановскаго и Аксакова—и разсаживалъ ихъ по концамъ стола, самъ садился по срединѣ и подлѣ себя сажалъ меня и другихъ среднихъ, умѣренныхъ, къ которымъ думалъ принадлежать; но недолго продержался онъ на серединѣ и хватилъ въ самую сильную крайность,—началъ строго соблюдать посты, съ одной стороны, съ другой отростилъ бороду и надѣлъ армякъ, нарядилъ въ какой-то шутовской, будто бы старинный русскій, костюмъ и жену свою.

XV.

Вотъ и всѣ дѣйствующіе или дѣйствительные славянофилы, не перечисляя страдательныхъ, которыхъ обязан-

ность состояла—съѣзжаться на собранія кружка, слушать и восхищаться Хомяковымъ съ товарищи. Я въ этомъ кругу не бывалъ, какъ сказано уже, до конца 1846 года, несмотря на знакомство съ отдѣльными его членами, Поповымъ, Валуевымъ, Пановымъ. Впервые я увидѣлъ кругъ въ сборѣ на вечерахъ у Свербеевыхъ. Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ, служившій когда-то по дипломатической части, но давно въ отставкѣ, человѣкъ богатый, очень неглупый и образованный, любившій оригинальничать тѣмъ, что становился въ оппозицію противъ порывовъ нашего зеленаго общества, такъ склоннаго къ порывамъ и способнаго доходить въ нихъ до смѣшного,—оппозицію, со стороны Свербеева законную и почтенную, еслибъ онъ сумѣлъ не пересаливать; такъ, напримѣръ, оппозиція была законна и почтенна, когда она направлялась дѣйствительно противъ смѣшныхъ и болѣе чѣмъ смѣшныхъ порывовъ; но Свербеевъ позволялъ себѣ вооружаться и противъ такихъ порывовъ, которые были вполнѣ законны. Вообще, Свербеевъ былъ человѣкъ почтенный, очень мнѣ нравившійся по умѣренности, сдержанности, столь рѣдкой въ нашемъ обществѣ, хотя, какъ сказано, онъ изъ этой умѣренности любилъ дѣлать парадъ. Жена его—въ молодости очень привлекательная лицомъ, женщина, крайне самолюбивая, любившая играть роль, окружать себя избраннымъ обществомъ, особенно мужскимъ; вотъ почему всякій сколько-нибудь замѣчательный человѣкъ приглашался къ Свербеевымъ на вечера, которые поэтому въ описываемое время были очень оживлены и пріятны,—это была нейтральная почва для западниковъ и славянофиловъ. Тутъ увидалъ я послѣднихъ во всей ихъ красѣ, и выводилъ ихъ изъ терпѣнія тѣмъ, что упорно молчалъ, когда они задирали меня, начиная споры о предметахъ близкихъ мнѣ по занятіямъ. Я слылъ сначала западникомъ. Сближеніе мое со славянофилами произошло такимъ образомъ: К. Аксаковъ писалъ тогда драму „Освобожденіе Москвы въ 1612 году“; по обычаю, господствовавшему у славянофиловъ, она передъ окончаніемъ и напечатаніемъ читалась въ разныхъ кружкахъ; автору очень хотѣлось узнать мнѣніе спеціалиста, и онъ затащилъ меня къ себѣ; сочиненіе его, не удавшееся на сценѣ, было очень эф-

фектно въ чтеніи; я не могъ не выразить сочувствія къ сценамъ драмы, — это, разумѣется, очень понравилось. Нѣсколько дней спустя, по какому-то, не помню, случаю, я долженъ былъ писать къ Аксакову, и для шутки, написалъ записку старымъ русскимъ языкомъ XVII вѣка, никакъ не предполагая, чтобы шутка эта произвела такое впечатлѣніе: Аксаковъ просто сошелъ съ ума отъ восторга, перенесшись моею запискою въ древнюю Русь, и привязался ко мнѣ страстно; не хотѣлъ слушать, когда ему замѣчали, что я—западникъ; познакомилъ меня со своимъ семействомъ. Умный старикъ мнѣ понравился, и я сталъ бывать у нихъ очень часто, ибо у нихъ всегда было очень весело. Константинъ началъ ходить ко мнѣ на лекціи, а я, какъ нарочно, читалъ тогда спеціальный курсъ исторіи смутнаго времени; самая живая эпоха въ древней Руси читалась живо, съ сочувствіемъ, и это еще болѣе воспламенило Аксакова. Весною 1847 года, въ великій постъ, Аксаковъ защищалъ диссертацію свою о Ломоносовѣ; много было смѣху, когда я, возражая ему, началъ его упрекать въ нелюбви къ древней Руси; много было смѣху, когда въ тотъ же день, послѣ пира, даннаго новымъ магистромъ, я прочелъ написанное мною языкомъ лѣтописи сказаніе о томъ, какъ славяне, т.-е. славянофилы, ѣздили жениться, по поводу помолвки Панова; черезъ нѣсколько дней явился новый источникъ смѣха: я написалъ также языкомъ лѣтописи сказаніе о томъ, какъ Аксаковъ писалъ и защищалъ свою диссертацію. Жилось мнѣ тогда весело; съ обѣихъ сторонъ, и съ востока, и съ запада, меня уважали, ласкали; ѳиміамъ, который мнѣ воскуряли со всѣхъ сторонъ, мнѣ очень нравился. Въ это время, именно великимъ же постомъ, я окончилъ печатаніе моей докторской диссертаціи—„Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома“, и съ субботы Ѳоминой недѣли начались мои экзамены, которые были совсѣмъ непохожи на магистерскіе; они были форменные; мнѣ стоило только сказать экзаменаторомъ, близкимъ теперь людямъ, пріятелямъ, на какіе вопросы я хочу отвѣчать. Строгановъ былъ опять въ восторгѣ, ибо Голохвастовъ сказалъ ему о моей книгѣ: „Это такая книга, что, по прочтеніи каждой страницы, я мысленно съ почтеніемъ кланяюсь автору“. Въ это же время Погодинъ

вдругъ разослалъ повѣстки по своимъ многочисленнымъ знакомымъ, мужчинамъ и дамамъ, что онъ хочетъ прочесть предъ публикою первыя главы своей „Русской исторіи“; я получилъ также приглашеніе и нашелъ огромное стеченіе народа; авторъ прочелъ предъ внимательнымъ собраніемъ напечатанныя послѣ въ „Москвитянинѣ“ статьи объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ и Владимірѣ. Публика встала съ своихъ мѣстъ, какъ говорится, „несолоно хлебавши“; самые преданные автору люди едва выпускали изо рта обычные комплименты. Нѣкоторые имѣли неделикатность подходить ко мнѣ и спрашивать моего мнѣнія; я имъ ничего не отвѣчалъ и былъ въ крайне затруднительномъ положеніи: ни хвалить, ни бранить я не могъ. Погодинъ раза два подходилъ ко мнѣ со странными словами: „Пожалуйста, будьте хозяиномъ, распорядитесь насчетъ гостей!“ Это еще болѣе меня затруднило, и я ему не нашелся ничего отвѣчать,— должно быть, представлялъ въ его глазахъ странную фигуру, ибо онъ смотрѣлъ на меня внимательно, подозрительно и угрюмо. Я скоро уѣхалъ. Понятно, что Погодинъ былъ раздраженъ, не могъ не замѣтить холодности публики, былъ обманутъ въ своемъ ожиданіи, ибо ждалъ взрывовъ восторга. Мое смущеніе и скорый отъѣздъ должны были раздражать его; мое молчаніе, нежеланіе сказать ему ничего пріятнаго, могло показаться ему крайне недоброжелательнымъ; можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ поступилъ невеликодушно; можетъ быть, мнѣ въ самомъ дѣлѣ нужно было переломить себя и сказать ему что-нибудь утѣшительное, быть съ нимъ помягче, потеплѣе...

Не оправдываю себя, ибо не могу скрыть, что въ душѣ моей было недоброжелательство къ этому человѣку. Никакъ не припомню, когда прежде или послѣ этого несчастнаго чтенія былъ я у Погодина и отвезъ ему свою докторскую диссертацію, взглянувъ на которую, онъ сказалъ: „Вишь, какой блинъ испекъ!“ По окончаніи студенческихъ экзаменовъ, въ началѣ іюня 1847 года я защищалъ докторскую диссертацію такъ же славно и съ честью, какъ прежнюю, магистерскую. Погодинъ не былъ на диспутѣ; Кавелинъ опять погремѣлъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ хвалу моей книгѣ, а подробный разборъ помѣстилъ послѣ въ

„Современникѣ“. Но это были уже послѣднія улыбки людского расположенія ко мнѣ; начинались времена испытаній. Я жилъ тогда на дачѣ, на дорогѣ, ведущей изъ Петровскаго-Парка въ Петровское-Разумовское. 1-го іюля, съ праздника, который обыкновенно бывалъ въ этотъ день въ паркѣ, заѣхалъ ко мнѣ Аполлонъ Григорьевъ и объявилъ, что въ „Петербургскихъ Вѣдомствахъ“ Ксенофонтъ Полевой написалъ бранный разборъ моей книги: это была первая журнальная мнѣ брань (если не считать бранчивой выходки Савельева-Ростиславича за мою рецензію Венелинской „Скандинавоманіи“, напечатанной въ „Москвитянинѣ“ Погодинымъ въ мое отсутствіе за-границу); Савельевъ назвалъ меня тутъ *пигмеемъ* въ сравненіи съ Венелинымъ. Я не читалъ статейки Полевого, не изъ презрѣнія, ибо я еще тогда не былъ такъ равнодушенъ къ журнальной брани, какъ послѣ, когда она сыпалась на меня въ преизрядномъ количествѣ, но потому, что все вниманіе мое было поглощено выходкою Погодина, о которой я узналъ 6-го іюля вечеромъ отъ Ефимова. Я немедленно поѣхалъ съ дачи въ Москву, подписался на „Москвитянинъ“ и написалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отвѣтъ Погодину. Что̀ заставило послѣдняго сдѣлать противъ меня выходку—пусть это онъ самъ объяснитъ въ своихъ запискахъ; я не хочу здѣсь (т.-е. въ запискахъ моихъ) съ нимъ судиться, тѣмъ болѣе, что публика произнесла свой судъ, конечно, не въ его пользу, хотя сначала и нашлись люди, которые взяли его сторону противъ меня: вдругъ выросшій изъ земли авторитетъ мой, хвалебные взгляды журналовъ—возбудили неудовольствіе въ нѣкоторыхъ господахъ, менѣе счастливыхъ въ своей ученой карьерѣ; знаменитый Мстиславскій (см. „Москвитянинъ“, 1847 года) выступилъ противъ меня печатно; были и другіе Мстиславскіе, которые не печатались, но сильно голосили противъ меня, минуя правду моихъ научныхъ мнѣній, толковали, что не годилось мнѣ вооружаться противъ *учителя*, что это неблагодарно съ моей стороны; самъ Погодинъ голосилъ на всѣ стороны о моей неблагодарности!!

Такимъ образомъ, я началъ новый академическій годъ съ новымъ до тѣхъ поръ для меня чувствомъ,—чувствомъ оскорбленнаго авторскаго самолюбія. Въ октябрѣ я былъ

обрадованъ утвержденіемъ меня экстраординарнымъ профессоромъ, но эта радость была непродолжительна. 24-го ноября, въ Екатерининъ день, я провелъ вечеръ въ домѣ будущей моей жены, мать которой была именинница; это было въ понедѣльникъ,—на другой день, во вторникъ, послѣ лекціи подошелъ ко мнѣ молодой графъ Строгановъ, студентъ (Григорій) и сказалъ мнѣ, что отецъ его проситъ меня зайти къ нему. Старикъ-графъ встрѣтилъ меня словами: „Вы укоренились въ университетѣ, больше не нуждаетесь въ моей помощи; я вышелъ въ отставку". Ударъ былъ такъ неожиданъ, что отнялъ у меня способность почувствовать всю его силу. Вошелъ Поповъ, инспекторъ 1-й гимназіи (извѣстный читателямъ записокъ, какъ мой учитель): „Какъ, ваше сіятельство! Неужели правда, что вы оставляете насъ?"— „Правда, правда—отвѣчалъ Строгановъ.—Теперь я уже вамъ не начальникъ,—продолжалъ онъ,—но не могу не замѣтить, что вы сдѣлали нехорошо, введши золотую медаль и давши ее В.: что̀ это за различія, отличія?" Поповъ сталъ оправдываться, но Строгановъ съ нимъ не согласился, и былъ вполнѣ правъ: золотая медаль сдѣлана была для аристократика В., котораго всѣми средствами тащили за уши и дотащили до перваго мѣста.—Выпроводивши Попова, Строгановъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „Оффиціальныя отношенія теперь между нами кончились, должны начаться болѣе тѣсныя отношенія". Сердце у меня начинало разрываться...

Служебныя испытанія мои начались: я лишился начальника, котораго любилъ, въ привязанности котораго ко мнѣ былъ увѣренъ, слѣдовательно, былъ вполнѣ обезпеченъ съ этой стороны. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, что былъ первый, падалъ на меня, неопытнаго, довѣрчиваго къ жизни молодого человѣка; это было сиротство, горькое сиротство. Ударъ былъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ неожиданнѣе; хотя давно уже носились слухи объ усиливавшейся борьбѣ между Уваровымъ и Строгановымъ, которая легко можетъ повести къ отставкѣ послѣдняго, но это были только слухи; неопытный, непривыкшій еще ждать отъ жизни больше дурного, чѣмъ хорошаго, я не вѣрилъ имъ, ибо не вѣришь тому, чему не хочется вѣрить. Усиленію борьбы между министромъ и попечителемъ способствовалъ Давыдовъ, который окончилъ

свою службу въ университетѣ и былъ переведенъ Уваровымъ въ Петербургъ, на мѣсто директора педагогическаго института. Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ угодничествъ, какое могъ оказать Давыдовъ Уварову, это—ругать Строганова, и Давыдовъ не щадилъ этого угодничества тѣмъ болѣе, что ненавидѣлъ Строганова; послѣдній, получая изъ министерства непріятности въ усиленномъ пріемѣ, не выдержалъ, послалъ требованіе—или дать ему возможность дѣйствовать независимо отъ Уварова, чтобъ принести всю пользу, или отпустить въ отставку. Царь не соглашался ни на то, ни на другое, Строгановъ настоялъ на второмъ. Уваровъ и Давыдовъ торжествовали; въ Москвѣ все, что при Строгановѣ было въ черномъ тѣлѣ, т.-е. все черное, подняло головы; поднялъ голову Погодинъ, Перевощиковъ, Крыловъ съ толпою своихъ бездарныхъ сателлитовъ, Лешковымъ, Спасскимъ. Перевощиковъ, узнавъ объ отставкѣ Строганова, напился пьянъ и перепоилъ своихъ сыновей; потомъ всѣ эти господа на пиру у Иноземцева, съ бокалами въ рукахъ, кричали „pereat" Строганову: они прежде этого не кричали, когда Строгановъ былъ въ силѣ. Рѣдкинъ, Кавелинъ, Грановскій и Коршъ—подали въ отставку. Рѣдкинъ, Кавелинъ и Коршъ получили ее и перебрались въ Петербургъ. Грановскій былъ задержанъ на томъ основаніи, что еще не выслужилъ срока за свою заграничную поѣздку на казенный счетъ. Попечителемъ былъ назначенъ Голохвастовъ, скоро оказавшійся вполнѣ неспособнымъ по мнительности, медленности: онъ только и дѣлалъ, что разсуждалъ и ничего не разрѣшалъ; дѣла самыя необходимыя по хозяйству останавливались. Приближались и ректорскіе выборы, ибо Альфонскій, заступившій мѣсто Каченовскаго въ 1842 году, оканчивалъ срокъ профессорской, а слѣдовательно, и ректорской службы. Что касается лично до меня, то вначалѣ назначеніе Голохвастова меня успокаивало, ибо я зналъ, что Голохвастовъ имѣетъ ко мнѣ слабость за мои сочиненія; къ тому же Строгановъ сохранилъ надъ нимъ сильное вліяніе. Съ другой стороны, въ концѣ 1847 и началѣ 1848 года я имѣлъ сильное развлеченіе: 11 февраля 1848 года я женился. Но и медовый мѣсяцъ былъ потревоженъ: не помню, котораго числа послѣ обѣда, тесть мой, въ домѣ котораго я жилъ послѣ

свадьбы, принесъ журналъ съ извѣстіями о февральской революціи; прочитавши извѣстія, я сказалъ: „Намъ, русскимъ ученымъ, достанется за эту революцію!“—Сердце мое сжалось чернымъ предчувствіемъ.

XVI.

Пророчество мое слишкомъ оправдалось. Чтобъ показать, почему оно оправдалось, нужно мнѣ разсказать состояніе русскаго общества подъ державою Николая I-го и характеръ сего державца. Извѣстно, что добрый и благонамѣренный Александръ I-й подписалъ самодержавное: „*Быть по сему*“ подъ манифестомъ, въ которомъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ приказывалось всѣмъ народамъ, кромѣ русскаго, быть свободными и счастливыми. Благословенный ждалъ благословеній за свой подвигъ и сильно оскорбился, когда увидалъ, что народы, вмѣсто того, чтобъ довольствоваться манифестомъ, начали хлопотать объ опредѣленіи формъ, подъ которыми они должны быть свободны и счастливы, и начали хлопотать объ этомъ, не спросясь манифестодателей. Извѣстно, въ какомъ колеблющемся положеніи находилась Европа во время смерти Александровой; извѣстно, какимъ несчастнымъ событіемъ въ Россіи сопровождалось восшествіе на престолъ преемника Александрова. Это событіе—великой важности, ибо оно объясняетъ многое въ жизни русскаго общества. Крайне небольшое число образованныхъ, и то большею частью поверхностно, съ постояннымъ обращеніемъ вниманія на Западъ, на чужое; все сочувствіе—туда, къ Западу, ибо тамъ—жизнь, тамъ—движеніе, тамъ—дѣятельность; но это сочувствіе и должно было оставаться сочувствіемъ только, единственнымъ выраженіемъ котораго было *слово*, и то не публичное, а домашнее, кабинетная или гостинная болтовня; у себя въ Россіи нѣтъ ничего, гдѣ бы можно было дѣйствовать тою дѣйствительностью, которую привыкли видѣть на Западѣ, о которой привыкли читать и разсуждать. Отсюда—отрицательное отношеніе къ своему, привычка къ безплодному порицанію, къ безплодному протесту, къ безплодной насмѣшкѣ. Вотъ откуда насмѣшливость,

сатирическое направленіе русскаго человѣка, — жалкое, страшное настроеніе! Отсюда же этимъ образованнымъ, мыслящимъ русскимъ людямъ Россія представляла „tabulam rasam“, на которой можно было начертать все что́ угодно, начертать обдуманное или даже еще необдуманное въ кабинетѣ, въ кружкѣ, послѣ обѣда или ужина. Движеніе въ пользу народностей, происшедшее вслѣдствіе высокаго развитія западно-европейскихъ обществъ и вызванное внѣшнимъ матеріальнымъ сжатіемъ Наполеоновской системы,— это движеніе не могло не отозваться и у насъ, русскихъ, и у славянъ вообще, и обнаружилось сначала, разумѣется, младенческимъ лепетомъ еще и у декабристовъ: но это былъ именно только младенческій лепетъ; славянскаго у декабристовъ было только незрѣлость, распущенность, рознь. Да не сочтетъ кто-либо словъ моихъ словами укора: сохрани Боже! Грустный опытъ, грустный взглядъ на настоящее не позволяетъ мнѣ укорять моихъ несчастныхъ предшественниковъ; прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ ихъ попытки, и мы находимся (въ 1856 г.) въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и они. Ихъ участь поразительно сходна съ участью послѣднихъ изъ римлянъ; еслибъ имъ удалось ихъ начальное дѣло, какъ удалось оно Бруту и Кассію, то слѣдствія были бы одни и тѣ же; будемъ утѣшать себя тою мыслью, что дѣло римскихъ заговорщиковъ было произведеніемъ обветшалости римскаго общества, дѣло же нашихъ декабристовъ было произведеніемъ незрѣлости русскаго общества. Попытки не удались въ самомъ началѣ; Цезарь восторжествовалъ, Бруты и Кассіи погибли позорною смертью. Но кто же былъ этотъ Цезарь? Это была воплощенная реакція всему, что шевелилось въ Европѣ съ конца прошлаго вѣка: на лицѣ Николая всякій легко могъ прочесть страшные „*мани, факелъ, фаресъ*“: „остановись, плѣснѣй, разрушайся!“ Эта колоссальная фигура Николая олицетворяла въ себѣ ту бездну матеріализма, которая нынѣ давитъ духовное развитіе Россіи въ его царствованіе. Деспотъ по природѣ, имѣя инстинктивное отвращеніе отъ всякаго движенія, отъ всякаго выраженія индивидуальной свободы и самостоятельности, Николай любилъ только бездушное движеніе войсковыхъ массъ по командѣ. Это былъ страш-

ный нивеллировщикъ: всѣ люди были передъ нимъ равны, и онъ одинъ имѣлъ право раздавать имъ по произволу способности, знанія, опытность въ дѣлахъ — на это не нужды нѣтъ, что въ этомъ нечестивомъ посягновеніи на права Бога онъ безпрестанно ошибался: онъ не отставалъ до конца отъ своего взгляда и направленія, до конца не переставалъ ненавидѣть и гнать людей, выдававшихся изъ общаго уровня по милости Божіей, до конца не переставалъ окружать себя посредственностями и совершенными бездарностями, произведенными въ великіе люди по волѣ начальства, по милости императора. Не знаю, у какого другого деспота въ такой степени выражалась ненависть къ личнымъ достоинствамъ, природнымъ и трудомъ пріобрѣтеннымъ, какъ у Николая; онъ не желалъ, подобно извѣстному безумному императору, чтобъ народъ имѣлъ одну голову, которую можно было бы отрубить однимъ ударомъ; онъ хотѣлъ бы другого—возможности однимъ ударомъ отрубить всѣ головы, которыя поднимались надъ общимъ уровнемъ.—Пріѣзжаетъ онъ въ одну губернію, кажется, рязанскую; на представленіи всѣхъ губернскихъ властей предсѣдатель казенной палаты (Княжевичъ,, если не ошибаюсь), выполняя инструкцію, выдвигается и подаетъ распортъ о финансахъ губерніи; въ отвѣтъ получаетъ гнѣвный, громовой взглядъ и выговоръ: какъ смѣлъ это сдѣлать! Какъ смѣлъ выдвинуться, выказаться, нарушить порядокъ, т.-е. безжизненность, молчаніе! Несчастный предсѣдатель, за точное исполненіе инструкціи, ссылается въ одну изъ отдаленнѣйшихъ губерній. Посѣщаетъ императоръ одно военное училище; директоръ представляетъ ему воспитанника, оказывающаго необыкновенныя способности, слѣдящаго за современною войною, по своимъ соображеніемъ вѣрно предсказывающаго исходъ событій; что же отвѣчаетъ императоръ?—Радуется, осыпаетъ ласками даровитаго молодого человѣка, будущаго слугу отечества? Нисколько: нахмурившись, отвѣчаетъ Николай: „Мнѣ такихъ не нужно, безъ него есть кому думать и заниматься этимъ; мнѣ нужны вотъ какіе!“ Съ этими словами онъ беретъ за руку и выдвигаетъ изъ толпы дюжаго малаго, огромный кусъ мяса, безъ всякой жизни и мысли на лицѣ и послѣдняго по успѣхамъ. С.-Симонъ, мастерски изображая въ сво-

ихъ запискахъ Людовика XIV, напоминаетъ намъ нашего Николая. С.-Симонъ разсказываетъ, между прочимъ, какъ Людовикъ XIV питалъ отвращеніе къ вельможамъ и умнымъ людямъ, за то, что они не отъ него получили свои права на отличія, но дѣлалъ исключеніе для одного герцога и умнаго свѣдущаго человѣка вмѣстѣ; почему же дѣлалось такое исключеніе? Потому что король замѣчалъ въ герцогѣ, когда тотъ подходилъ къ нему, трепетъ; этотъ страхъ нравился деспоту и заслужилъ его расположеніе. Подобное же можно разсказать и о нашемъ Николаѣ. Однажды передъ дверями его кабинета собрались министры съ портфелями, военный министръ Чернышевъ и министръ финансовъ Вронченко. Никакъ не думая, чтобъ императоръ самъ вышелъ изъ дверей кабинета, и дожидаясь, пока ихъ позовутъ, министры разговаривали, и Вронченко вынулъ табакерку; вдругъ отворяется дверь кабинета, и *Самъ* является предъ изумленными взорами вѣрныхъ слугъ своихъ; Вронченко въ испугѣ роняетъ изъ рукъ табакерку и представляетъ пресмѣшную фигуру; Чернышевъ, какъ слуга болѣе близкій и знатный, осмѣливается улыбнуться при видѣ, какъ испугался слуга болѣе мелкій; но господинъ замѣчаетъ эту улыбку и обращаетъ къ Чернышеву грозную рѣчь: „Чему тутъ улыбаться; это очень естественно!—Графъ Вронченко, войдите въ кабинетъ!“ Послѣднія слова были знакомъ милости къ Вронченку и опалы на Чернышева, потому что послѣдній, по своей службѣ, какъ военный министръ, всегда входилъ первый.

Въ такомъ-то господинѣ воплотилась реакція тому движенію, которое знаменуетъ русскую исторію во все продолженіе XVIII, вѣка и въ первую четверть XIX вѣка. Начиная съ Петра до Николая, *просвѣщеніе* народа было цѣлью правительства, всѣ государи сознательно и безсознательно высказывали это; вѣкъ съ четвертью толковали только о благодѣтельныхъ плодахъ просвѣщенія, указывали на вредныя слѣдствія невѣжества въ суевѣріяхъ. Самодержцы и самодержицы, разумѣется, смотрѣли односторонне на дѣло, именно смотрѣли на него съ одной матеріальной стороны: имъ нужно было просвѣщеніе для матеріальныхъ успѣховъ, для матеріальной силы; они покровительствовали просвѣщенію, заводили академіи и университеты, ласкали ученыхъ и

поэтовъ, давали права образованнымъ молодымъ людямъ, преслѣдовали невѣжество, ибо представителями послѣдняго былъ для нихъ буйный, строптивый раскольникъ, смотрящій на ихъ гербъ, какъ на печать антихристову; представителемъ же просвѣщенія былъ профессоръ, говорящій на актахъ похвальныя слова имъ, или поэтъ, подносящій торжественную оду. Такъ, нѣкоторые родители очень довольны просвѣщеніемъ и не жалѣютъ денегъ для образованія дѣтей своихъ, когда эти дѣти ловко танцуютъ и возбуждаютъ удивленіе родныхъ и знакомыхъ, лепечутъ на иностранныхъ языкахъ и въ день именинъ подносятъ папашѣ и мамашѣ сочиненіе въ стихахъ и прозѣ, гдѣ величаютъ ихъ виновниками своего блаженства и прочее. Но, вотъ, эти милыя дѣти выростаютъ, и для пожилыхъ родителей начинается горькое разочарованіе: милыя дѣти начинаютъ считать себя образованнѣе, умнѣе родителей, не хотятъ сообразоваться съ ихъ желаніями и обычаями, которые называютъ дикими, устарѣлыми, требуютъ себѣ самостоятельности, средствъ къ свободной жизни; тутъ-то папаша и мамаша начинаютъ горькія жалобы на просвѣщеніе, на молодыхъ учителей-развратителей: воспитали, выучили дѣтушекъ на свою голову, а теперь яйца и начали учить куръ! То же самое случилось и съ русскими благочестивѣйшими и самодержавнѣйшими папашами и мамашами. Уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала такія прекрасныя правила для воспитанія *гражданъ*, на старости лѣтъ замѣтила вредныя слѣдствія своихъ уроковъ и сильно гнѣвалась на непокорныхъ дѣтей, заразившихся правилами такъ любимыхъ ею прежде учителей. Благодушный Александръ I-й всю свою жизнь тосковалъ и жаловался на непокорность и неблагодарность дѣтей, о благѣ которыхъ онъ такъ заботился и даже хотѣлъ ихъ выпустить на волю — подъ надзоръ Аракчеева. Но Николай I-й не имѣлъ такого благодушія. Онъ инстинктивно ненавидѣлъ просвѣщеніе, какъ поднимающее голову людямъ, дающее имъ возможность думать и судить, тогда какъ онъ былъ воплощенное: *„не разсуждать!“*. При самомъ вступленіи его на престолъ враждебно встрѣтили его на площади люди, и эти люди принадлежали къ самымъ

просвѣщеннымъ и даровитымъ, они всѣ думали, разсуждали, критиковали, и слѣдствіемъ этого было 14-ое декабря.

По воцареніи Николая, просвѣщеніе перестало быть заслугою, стало преступленіемъ въ глазахъ правительства; университеты подверглись опалѣ; Россія предана была въ жертву преторіанцамъ; военный человѣкъ, какъ палка, какъ привыкшій не разсуждать, но исполнять и способный пріучить другихъ къ исполненію безъ разсужденій, считался лучшимъ, самымъ способнымъ начальникомъ вездѣ; имѣлъ ли онъ какія-нибудь способности, умъ, все, что́ мы называемъ дарами Божіими; обращалось никакого вниманія. Фрунтовики возсѣли на всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, и съ ними воцарилось невѣжество, произволъ, грабительство, всевозможные безпорядки. Смотръ сталъ цѣлью общественной и государственной жизни. Все дѣлалось напоказъ, для того, чтобъ державный пріѣхалъ, взглянулъ и сказалъ: — Хорошо! все въ порядкѣ! — Отсюда все потянулось напоказъ, во внѣшность, и внутреннее развитіе остановилось. Начальники выставляли Россію, передъ императоромъ на смотръ на большихъ дорогахъ — и здѣсь было все хорошо, все въ порядкѣ; а что было дальше, туда никто не заглядывалъ, тамъ былъ черный дворъ. Учебныя заведенія также смотрѣлись, все было чисто, вылощено, опрятно, воспитанники стояли по росту и дружно кричали: „Здравія желаемъ В. И. В.!“ Больше ничего не спрашивалось. Теріѣлись эти заведенія, скрѣпя сердце, для формы, напоказъ, чтобы-де иностранцы видѣли, что и у насъ есть училища, что и мы—народъ образованный. Впрочемъ, до послѣдняго времени, до 1848 года, явнаго гоненія на просвѣщеніе не было. Тяжелая рука лежала на немъ, враждебное начало проводилось въ системѣ государственнаго управленія, всѣ чувствовали, понимали, что государь до просвѣщенія не охотникъ, но онъ ограничивался еще только отрицательными дѣйствіями. Николай Павловичъ даже покровительство изволилъ оказывать просвѣщенію: но какою цѣною было куплено это покровительство! Министръ Уваровъ имѣлъ способность увѣрять его, что воспитывается новое поколѣніе монархически мыслящихъ людей, которые

посредствомъ науки доходятъ до убѣжденія въ необходимости и превосходствѣ порядка вещей, желаемаго Его Величествомъ; что великое царствованіе Его служитъ новою эпохою въ исторіи человѣческаго и русскаго просвѣщенія, въ основаніи котораго легли православіе, самодержавіе и народность. Лесть ловкаго, умнаго слуги нравилась барину. отчего же къ славѣ великаго законодателя, политика, правителя не присоединить и славу покровителя просвѣщенія, просвѣщенія истиннаго, могущаго упрочить *спокойствіе* народа! И вотъ слуга ловкою лестью выманивалъ отъ времени до времени разныя льготы и хорошія вещи,—какъ, напримѣръ, археографическую комиссію. Къ этому же времени принадлежитъ и попечительство Строганова въ московскомъ округѣ съ сильнымъ развитіемъ серьезнаго, научнаго движенія. Но свистнулъ свистокъ на Западѣ, и декорація перемѣнилась на Востокѣ: февральская революція отозвалась совсѣмъ печальнымъ образомъ на Россіи. Петербургское правительство перепугалось, перепугалось самымъ глупымъ образомъ, какъ только оно одно могло перепугаться. Думали, что и у насъ сейчасъ же вспыхнетъ революція. Разсказывали, что императрица, возвратившись съ прогулки по петербургскимъ улицамъ, съ удовольствіемъ говорила, „Кланяются! кланяются!“ Она думала, что петербургскіе чиновники, вслѣдствіе изгнанія Людовика-Филиппа, перестанутъ снимать шляпы предъ особами императорской фамиліи. Но Петербурга еще не такъ боялись, боялись особенно Москвы; съ часу на часъ ждали извѣстій о московской революціи. Но все было тихо; опомнились, посмѣялись надъ своимъ страхомъ и поблагодарили русскій народъ довѣренностью за преданность и усердіе? Ничуть не бывало! Тутъ-то Николай и его креатуры показали всю мелочность и гадость своей натуры; они озлобились, начали мстить за свой страхъ, обрадовались, что въ событіяхъ Запада нашли предлогъ явно преслѣдовать ненавистное имъ просвѣщеніе. ненавистное духовное развитіе, духовное превосходство, которое кололо имъ глаза. Николай не сталъ скрывать своей ненависти къ профессорамъ, этимъ товарищамъ-соумышленникамъ членовъ французскаго собранія: „А *эти*—хорошо себя ведутъ? Спрашивалъ онъ у харьковскаго попечителя,

указывая на профессоровъ, при представленіи университета in corpore. Братъ его, Михаилъ, воспользовался случаемъ, чтобъ излить всю свою ненависть къ просвѣщенію; редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскій былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ корпусѣ, слѣдовательно подъ начальствомъ Михаила; Краевскій былъ смѣненъ, но этого мало: Михаилъ призвалъ его къ себѣ, чтобъ объявить, что онъ его выгоняетъ, выгоняетъ какъ литератора, какъ редактора журнала, и сказалъ ему, что онъ глубоко презираетъ литературу и литераторовъ. Это былъ стрѣлецкій бунтъ своего рода; грубое солдатство упивалось своимъ торжествомъ и не щадило противниковъ, слабыхъ, безоружныхъ. Время съ 48-го по 55-ый годъ было похоже на первыя времена римской имперіи, когда безумные цезари, опираясь на преторіанцевъ и чернь, давили все лучшее, все духовно развитое въ Римѣ. Начали прямо развращать молодыхъ людей, отвлекать ихъ отъ серьезныхъ занятій, внушать, чтобъ они поменьше думали, побольше развлекались, побольше наслаждались жизнью: такія внушенія дѣлались воспитанникамъ училища правовѣдѣнія; то же толковалось въ университетахъ. Принялись за литературу; начались цензурныя оргіи, разсказамъ о которыхъ не повѣрятъ не пережившіе это постыдное время; говорю—постыдное, ибо оно показало вполнѣ, какіе слабые результаты имѣла дѣйствительность XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка, какъ слабо было просвѣщеніе въ Россіи; стоило только Николаю съ товарищи немножко потереть лоскъ съ русскихъ людей—и сейчасъ же оказались татары. Цензуру отняли у профессоровъ и отдали въ руки шайки людей, занявшихся направленіемъ литературы изъ-за хорошаго жалованья, котораго они лишались, если пропускали что-нибудь, могущее быть заподозрѣно, и оставались покойны, если марали. И вотъ на судъ невѣжды поступаетъ книга или статья, въ которой онъ ничего не смыслитъ; читаетъ онъ, спѣша на обѣдъ или на карты, и все, что́ кажется ему подозрительнымъ, мараетъ безотвѣтственно; кажется ему подозрительными, недозволенными факты, давно уже извѣстные изъ учебниковъ, и онъ мараетъ ихъ, ибо давно уже позабылъ учебникъ, если когда-либо и держалъ его въ ру-

кахъ,—мараетъ или даже еще передѣлываетъ самъ, выдумываетъ небывальщину; въ романахъ и повѣстяхъ нельзя было выставлять лицъ такъ называемыхъ высшихъ сословій. Что́ же было слѣдствіемъ? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвѣщеніе, которое еще надобно было продолжать возращать въ теплицахъ, вынесенное на морозъ, свернулось. Лѣнь, стремленіе получать какъ можно больше, дѣлая какъ можно меньше, стремленіе дѣлать все кое-какъ, на шерамыгу,—всѣ эти стремленія, такъ свойственныя нашему народу вслѣдствіе неразвитости его, начали усваиваться, поощряемыя развращающимъ правительствомъ; гимназіи упали; университеты упали вслѣдствіе паденія гимназій, ибо въ нихъ начали поступать вмѣсто студентовъ всѣ недоученные школьники, отученные въ гимназіяхъ отъ серьезнаго труда, стремящіеся хватать вершки и заноситься, ищущіе на профессорской лекціи легкаго развлеченія, а не умственной пищи, для переваренія которой нужно собственное большое усиліе. Такимъ образомъ, невѣжественное правительство, считая просвѣщеніе опаснымъ и сжимая его, испортило цѣлое поколѣніе, сдѣлало изъ него не покорныхъ слугъ себѣ, но вздорную толпу лѣнивцевъ, неспособныхъ къ серьезному, усиленному занятію ничѣмъ, совершенно неспособныхъ къ зиждительной дѣятельности и, слѣдовательно, способныхъ къ дѣятельности отрицательной, какъ самой легкой. Мальчикъ, отученный еще въ гимназіи отъ серьезнаго труда, чрезъ это вовсе не становился на точку зрѣнія правительства; онъ сохранилъ и развилъ въ себѣ всѣ либеральныя замашки; онъ только привыкъ отрицательно относиться ко всему и, прежде всего, разумѣется, къ правительству. Развратъ состоялъ въ томъ, что всякая правительственная дисциплина исчезла; мальчикъ, повинуясь внѣшнимъ образомъ, привыкалъ презирать и смѣяться надъ начальниками своими, въ которыхъ не могъ не видѣть людей, совершенно неспособныхъ быть начальниками учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, уваженіе къ лучшимъ, просвѣщеннѣйшимъ людямъ не могло исчезнуть, а эти люди, вслѣдствіе обращенія правительства къ нимъ спиною, естественно стали въ оппозицію, начали роптать,—и вотъ во всѣхъ кругахъ, въ которыхъ еще оставался пите-

ресъ къ общественнымъ вопросамъ, только и слышались съ утра до вечера жалобы, порицанія, насмѣшки надъ мѣрами, дѣйствіями правительства; а молодое поколѣніе, прикосновенное къ этимъ кружкамъ, привыкало къ такому прекрасному занятію; образовались люди—не думая, ругать все правительственное. Правительство, по безумію и невѣжеству своему, сдѣлало страшную ошибку: если оно считало себя вправѣ заподозрить профессоровъ, то оно должно было прогнать ихъ всѣхъ и набрать новыхъ, которымъ вѣрило, или, если не могло этого сдѣлать, то должно было оказывать профессорамъ полное довѣріе, поддерживать ихъ, осыпать милостями; вмѣсто того, что́ же оно сдѣлало?—Оно наложило на нихъ опалу, подвергло глупому, ни къ чему не ведущему полицейскому надзору, сжало ихъ литературную дѣятельность, раздражило, сдѣлало ихъ заклятыми своими врагами и оставило ихъ на мѣстахъ, на которыхъ они, несмотря на всѣ глупыя, мелкія полицейскія мѣры, могли вполнѣ высказывать свою враждебность къ правительству и воспитывать въ ней молодое поколѣніе:—„Вотъ тебѣ наставникъ!—говорило правительство молодому человѣку:—записывай и заучивай его уроки, но это человѣкъ опасный и мнѣ противный, я ему не вѣрю, за нимъ наблюдаютъ ректоръ и деканъ, чтобъ онъ не сказалъ тебѣ чего-нибудь дурного про меня". Какъ будто бы ректоръ или деканъ могли усмотрѣть за мастеромъ науки, чтобъ онъ не провелъ передъ слушателями своего взгляда; и еслибы даже они могли воспрепятствовать ему въ этомъ на лекціи, то какъ могли воспрепятствовать ему дома, въ кабинетной бесѣдѣ со студентами? Между молодыми людьми укоренилось мнѣніе, что университетъ пропитанъ либеральнымъ духомъ, что надобно либеральничать, чтобы понравиться профессорамъ; молодежь съ любопытствомъ, ей врожденнымъ, стремилась въ университетъ, чтобы вкусить запрещеннаго плода, послушать свободныхъ мнѣній; умъ ихъ былъ такъ настроенъ, что они въ самой обыкновенной фразѣ профессора старались видѣть какой-нибудь намекъ. „Какое множество у васъ слушателей!—сказалъ я однажды Каткову, выходившему съ лекціи.—Пріятно видѣть такое сочувствіе къ философскимъ лекціямъ".—„Что́ тутъ пріятнаго?—отвѣчалъ мнѣ съ сердцемъ Катковъ:—

вся эта толпа ничего не понимаетъ изъ моихъ лекцій, а ждетъ, не ругну ли я Бога".

Таковы были общія явленія въ народной нравственной жизни въ несчастную эпоху отъ 1848 до 1855 года. Обращусь къ явленіямъ частнымъ, мнѣ близкимъ.

XVII

Первою непріятностью для насъ въ университетѣ была перемѣна ректора. Прежній ректоръ дослужилъ (въ 1847 г.) свой срокъ, и вотъ анти-Строгановская, черная партія, которая стала называть себя Уваровскою, начала выдвигать своего кандидата, Перевощикова, человѣка чернаго, грубаго... Строгановъ не терпѣлъ его за его черноту, но держалъ, какъ хорошаго профессора; видя нерасположеніе Строганова, Перевощиковъ, вмѣстѣ съ Давыдовымъ, Погодинымъ и Шевыревымъ, подлѣзъ къ Уварову; теперь онъ торжествовалъ съ выходомъ Строганова и стремился въ ректоры. Мы, разумѣется, противились избранію Перевощикова всѣми силами, но насъ было мало; мы опирались на то, что Перевощикова нельзя выбирать, ему остается до заслуженнаго профессора гораздо менѣе четырехъ лѣтъ, на которыя выбирается ректоръ; но большинство выбрало Перевощикова; относительно же незаконности выбора, написали въ протоколѣ, что совѣтъ проситъ министра утвердить избраннаго и мимо законности; но совѣтъ никогда не думалъ просить, и мы протестовали противъ этой статьи въ протоколѣ. Уваровъ утвердилъ Перевощикова, какъ своего, но понятно, что въ новомъ ректорѣ мы получили злого врага, который сталъ хлопотать, какъ бы выжить молодыхъ Строгановскихъ, которые покрупнѣе, а другихъ скрутить. Онъ сталъ провозглашать, что мы—опасные либералы, что насъ нельзя терпѣть; дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ у Уварова, у новаго генералъ-губернатора Закревскаго (какъ утверждали,—я самъ, разумѣется, не слыхалъ его докладовъ); мнѣ лично сдѣлалъ онъ гадость осенью же 1848 года, убѣдивъ Уварова взять назадъ данное мнѣ позволеніе читать публичныя лекціи. Это было мнѣ крайне тяжело въ томъ

отношеніи, что я крайне тогда нуждался, женившись и обзаводясь хозяйствомъ въ тяжелый голодный годъ, когда все было очень дорого; потомъ, въ генварѣ 1849 года, онъ уговорилъ Уварова взять назадъ утвержденіе мое ординарнымъ профессоромъ, придирался къ моимъ лекціямъ, сказалъ декану Шевыреву (выбранному вмѣсто Давыдова, перешедшаго въ директоры педагогическаго института), что я на первыхъ лекціяхъ, читая обзоръ русской исторической литературы, бранилъ всѣхъ писателей, бывшихъ до меня, и такимъ образомъ старался, будто бы, показать, что до меня не было сдѣлано ничего по русской исторіи. Справедливо ли это было, мнѣ не нужно говорить, ибо эти лекціи напечатаны въ „Архивѣ Калачова",—всякій, слѣдовательно, можетъ видѣть, какъ обруганы мною Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ и Платонъ. Говорятъ, что нѣсколько разъ пытался онъ представить Уварову необходимость меня выжить, но Уваровъ всякій разъ отмалчивался: я уже выдавался впередъ, обо мнѣ много кричали, а придраться было не къ чему; пострадалъ менѣе извѣстный, менѣе видный, Бодянскій, какъ жертва гнуснаго мщенія Уварова Строганову. Въ „Обществѣ Исторіи и Древностей", гдѣ Строгановъ остался предсѣдателемъ, а Бодянскій секретаремъ, напечатали въ „Чтеніяхъ" переводъ Флетчера. Уваровъ сдѣлалъ изъ этого исторію, донесъ царю, что это сочиненіе страшно антицензурное, и вотъ что дѣлаетъ Строгановъ! Я не знаю, какъ отписался Строгановъ, но Уваровъ спѣшилъ нанести ему самый чувствительный ударъ: онъ велѣлъ Бодянскаго перевести изъ Москвы въ Казань, а на его мѣсто—тамошняго профессора славянскихъ нарѣчій, Григоровича, въ Москву. Бодянскій, поддержанный Строгановымъ, не поѣхалъ, вышелъ въ отставку, и какъ только Уваровъ вышелъ изъ министерства, Строгановъ настоялъ у новаго министра Ширинскаго-Шихматова, чтобъ тотъ отмѣнилъ приговоръ предшественника своего; Бодянскій опять получилъ свою каѳедру въ московскомъ университетѣ, а Григоровичъ былъ поворочень назадъ въ Казань.

Въ это время, когда подъ прикрытіемъ правительственнаго направленія черная Уваровская партія въ университетѣ торжествовала надъ Строгановскою, мы представляли

гонимую церковь; но и въ этомъ печальномъ состояніи было не безъ утѣшеній. Мы всѣ молодые профессора, опредѣлили сблизиться тѣсно, ничего не дѣлать безъ взаимнаго совѣта, собираться у каждаго по очереди на вечера и толковать. Кто же составлялъ это общество? Катковъ, я, Шестаковъ и пріѣхавшіе изъ-за границы Кудрявцевъ, Леонтьевъ и Пеховскій; послѣ уже примкнулъ къ намъ Грановскій и еще нѣсколько молодыхъ. Грановскій не былъ отпущенъ министерствомъ въ отставку подъ предлогомъ, что еще не дослужилъ казеннаго срока, но Кавелинъ и Рѣдкинъ вышли. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о членахъ нашего кружка, о которыхъ еще не было рѣчи. Катковъ, какъ уже было упомянуто, былъ выбранъ въ одинъ день со мною въ профессора и получилъ каѳедру философіи. У этого человѣка была престранная природа. Это былъ человѣкъ чрезвычайно даровитый, съ блестящимъ талантомъ публициста; талантъ его обнаруживался во время движенія, спора; чтобъ выжать у него этотъ талантъ, надобно было задѣть его колоссальное самолюбіе,—иначе этотъ человѣкъ предавался совершенному бездѣйствію, просиживалъ дни и ночи на диванѣ въ халатѣ, почесывая голую грудь, или расхаживая по комнатѣ. Онъ вступилъ въ университетъ по филологическому факультету, блистательно кончилъ курсъ, съѣздилъ за границу, прожилъ года два въ Берлинѣ, слушалъ Шеллинга, потомъ возвратился, написалъ прекрасную филологическую диссертацію и былъ выбранъ въ профессора философіи,—а почему, до сихъ поръ остается это для меня темнымъ; вѣроятнѣе всего потому, что не было другой каѳедры свободной. Каѳедра была не по немъ, какъ и вообще всякая каѳедра была бы не по немъ. Какъ даровитый человѣкъ, разумѣется, онъ не могъ читать дурно; лекціи исторіи философіи возбуждали сочувствіе въ слушателяхъ, но лекціи логики и психологіи совершенно пропадали: ни одинъ студентъ ничего не понималъ въ нихъ, и вина была не на одной сторонѣ студентовъ. Эта обязанность читать предметъ, къ которому не имѣлъ большого сочувствія, предметъ, котораго не понимали слушатели, вообще противная природѣ его обязанность потрудиться срочно надъ составленіемъ лекцій, и лекцій неблагодарныхъ, эта обязанность была страшно тяжела для Каткова;

другіе имѣли блестящій успѣхъ, о другихъ кричали, другіе выставлялись на первый планъ, а онъ былъ въ тѣни, о немъ не говорили или отзывались неблагосклонно, какъ о человѣкѣ, неспособномъ къ своему дѣлу, не приготовленномъ по крайней мѣрѣ. Каково же это было для такого громаднаго самолюбія! И вотъ Катковъ поникъ, изнемогъ, по цѣлымъ полугодіямъ сказывался больнымъ, и велъ ужасную жизнь,—сидѣлъ взаперти въ своей комнатѣ, ничего не дѣлая, и не будучи боленъ физически; напротивъ, у него была прекрасная натура, ибо кто другой могъ бы вынести такое положеніе, не разрушившись физически или не сойдя съ ума? Къ послѣднему, впрочемъ, онъ нѣкогда былъ близокъ: однажды вечеромъ ко мнѣ пріѣзжаетъ братъ его и съ встревоженнымъ видомъ проситъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нимъ, поговорилъ, разговорилъ брата его Михайлу; я отправился, нашелъ философа въ сильной хандрѣ, говорилъ, что умѣлъ, въ такомъ затруднительномъ положеніи, но могъ ли я помочь ему! Помогла благодѣтельная судьба. Уваровъ, при всемъ своемъ лакействѣ, не могъ оставаться министромъ, при учащенныхъ ударахъ, наносимыхъ просвѣщенію, вышелъ въ отставку; министромъ былъ назначенъ товарищъ его, князь Ширинскій-Шихматовъ. Много терпѣла древняя Россія, Московское государство, отъ нашествія татаръ, предводимыхъ его предками—князьями Ширинскими, самыми свирѣпыми изъ степныхъ наѣздниковъ; но память объ ихъ губительныхъ опустошеніяхъ исчезла; а вотъ во второй половинѣ XIX-го вѣка новый Тамерланъ наслалъ степного витязя, достойнаго потомка Ширинскихъ князей, на русское просвѣщеніе. Человѣкъ ограниченный, безъ образованія; писатель, т.-е. фразеръ, бездарный, Ширинскій славился своимъ благочестіемъ, набожностью. Дѣйствительно, онъ былъ исполненъ страха предъ Богомъ и предъ помазанникомъ Его, исполненъ страха предъ архіереями, особенно же исполненъ страха предъ діаволомъ и „ангелы“ его, исполненъ страха до того, что по ночамъ обкладывалъ себя дровами, дабы не стать добычею домового. Ставши министромъ просвѣщенія, онъ началъ прежде всего дѣйствовать противъ духа невѣрія: для этого представилъ императору о необходимости уничтожить каѳедру философіи въ университетахъ,

поручивъ чтеніе логики и психологіи священникамъ-профессорамъ богословія, не позаботясь прежде о томъ, чтобы эти профессора богословія были порядочные люди, могшіе прилично являться на каѳедрѣ предъ слушателями, съ научнымъ образованіемъ, съ даровитостью и теплотою, быть проповѣдниками Евангелія, а не диктовальщиками сухихъ параграфовъ такъ называемаго догматическаго и нравственнаго богословія. И вотъ этимъ-то людямъ дали теперь еще читать философію. Нашъ бездарный, сухой, но умный и добросовѣстный Терновскій со слезами отмаливался отъ новой каѳедры, выставлялъ свою совершенную неприготовленность къ ней; ему выставили высочайшее повелѣніе, и старикъ долженъ былъ приниматься за логику и психологію. Катковъ такимъ образомъ потерялъ каѳедру философіи. Для вознагражденія этихъ профессоровъ философіи, потерявшихъ свои каѳедры, Ширинскій создалъ новую каѳедру педагогіи. Какъ будто люди, вредные на каѳедрѣ философіи, могли быть невредны, преподавая педагогію? Но Катковъ не получилъ и каѳедры педагогіи, какъ увидимъ впослѣдствіи.

О Шестаковѣ (Сергѣѣ Дмитріевичѣ) мнѣ сказать нечего, ибо я не знаю случая, въ которомъ бы онъ могъ рѣзко выставиться, и я съ нимъ тѣсно не сближался; считался онъ человѣкомъ умнымъ, хорошимъ, былъ образованъ, трудолюбивъ, но большихъ способностей не имѣлъ. Онъ былъ курсомъ старше меня, занимался древними языками, по окончаніи курса отличился, какъ учитель латинскаго языка, и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ университетъ.

Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ—высокій, худощавый, плѣшивый, съ болѣзненнымъ, грустнымъ, привлекательнымъ лицомъ, тихимъ, пріятнымъ голосомъ; онъ былъ изъ числа даровитыхъ, съ высшими стремленіями людей, надорванныхъ нравственно семинаріею. Всѣ выходцы изъ духовныхъ училищъ въ свѣтскія дѣлились на три класса: одни, натуры, спокойныя, не очень даровитыя, оставляли духовное поприще или случайно, или по разсчету, выходили въ медики, служили по учебной, ученой, судебной и административной части, дослуживались, наживались, не относясь, враждебно къ мѣстамъ прежняго своего воспитанія, къ духовнымъ училищамъ, а скорѣе съ сочувствіемъ, благодарностью; другіе,

люди съ сильными и безпокойными натурами, вырывались изъ семинарій и академій, люди даровитые, но шумные, крикуны, относившіеся обыкновенно враждебно къ своему прошлому и отличавшіеся противоположными церковному стремленіями, впадавшіе въ другія крайности; наконецъ, третьи, натуры мягкія, впечатлительныя, они чувствовали сильнѣе другихъ всю черную сторону семинарщины, но скрадывали все это въ себѣ, и если имъ удавалось выбраться на просторъ въ свѣтское званіе, то они очень враждебно относились къ своему прошлому, но не высказывали этого, по крайней мѣрѣ очень рѣдко и не рѣзко: Кудрявцевъ принадлежалъ къ третьему изъ этихъ разрядовъ. Мягкая и болѣзненная его природа сильно оскорблена грязью и жесткостью семинарскаго быта; онъ былъ сынъ московскаго (кладбищенскаго) священника; это дало ему большія, сравнительно, удобства для того, чтобъ почаще выглядывать изъ оконъ своей темницы на широкій міръ; онъ почитывалъ, почувствовалъ въ себѣ дарованіе, началъ писать повѣсти, сблизился съ Бѣлинскимъ и, разумѣется, легко пошелъ по покатой дорогѣ отрицанія ненавистнаго прошлаго; но самая мягкость, нѣжность и болѣзненность природы не допустили его до крайности, или, по крайней мѣрѣ, до рѣзкаго выраженія этихъ крайностей. Кудрявцевъ перешелъ въ университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ не могъ, разумѣется, не прильнуть къ самому симпатичному изъ профессоровъ, Грановскому; тотъ, въ свою очередь, не могъ не отмѣтить симпатичнаго, даровитаго и трудолюбиваго, начитаннаго Кудрявцева, и представилъ его къ отсылкѣ за границу по каѳедрѣ исторіи. Въ университетѣ, во время студенчества, я видалъ Кудрявцева мелькомъ: онъ былъ курсами двумя старше меня, и сблизился съ нимъ только тогда, когда онъ возвратился изъ-за границы и поступилъ преподавателевъ въ университетъ. Я сказалъ, что Кудрявцевъ былъ даровитъ, но талантъ его былъ легкаго свойства; въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ онъ не отличался ни силою и самостоятельностью мысли, ни художественностью изложенія (какъ Грановскій); вялость, натянутость и обиліе иностранныхъ словъ бросались въ глаза; особенно непріятно поражало послѣднее и обличало отсутствіе силы, способности вполнѣ

овладѣть предметомъ, сдѣлать его совершенно своимъ. Но какъ человѣкъ, какъ товарищъ, Кудрявцевъ былъ чрезвычайно привлекателенъ: въ немъ было что-то святое, и это святое было самаго мягкаго, снисходительнаго свойства, въ немъ видѣлось отсутствіе страстей, но безъ холодности, напротивъ—какая-то очень пріятная, ласкающая теплота. Сильно привязывались всѣ къ Грановскому, но при немъ, какъ при человѣкѣ крупномъ, все же, несмотря на его гуманность, должны были держать руки по швамъ въ извѣстномъ отношеніи; при Кудрявцевѣ этого было не нужно, и его очень любили близкіе къ нему люди.

Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ—маленькая, двугорбая фигура съ четвероугольнымъ матово-блѣднымъ лицомъ, густыми русыми волосами, карими, холодными, не проницательными, но внимательными, старающимися проникнуть, и потому очень непріятными, глазами. Первое, что́ поражало въ Леонтьевѣ внимательнаго человѣка, это—напряженное вниманіе, съ какимъ онъ обращался ко всему, желаніе проникнуть, изучить человѣка, дѣло, отношеніе. Все это было бы прекрасно въ человѣкѣ даровитомъ, съ благородными, чистыми, свѣтлыми стремленіями; но въ Леонтьевѣ этого ничего не было. Онъ былъ способенъ заниматься пустяками безъ устали, при чемъ ему помогали необычная медленность въ словахъ и дѣлѣ. Начнетъ говорить—тянетъ, тянетъ и утомляетъ слушателя, но самъ не утомляется; студенты смѣялись, что на лекціяхъ онъ дѣлалъ обыкновенно движенія руками, какъ бы загребалъ ими, помогая этимъ выходу изо рта словъ, которыя шли чрезвычайно медленно, съ крайнимъ затрудненіемъ. Заговорившись, т.-е. затянувшись, а не заболтавшись онъ опаздывалъ со всѣмъ, во всемъ: онъ постоянно опаздывалъ на лекціи, на желѣзныя дороги, во время экзаменовъ всегда нужно было посылать за нимъ солдата. Цѣпкость была отличительнымъ качествомъ Леонтьева: вцѣпится во что-нибудь—не отстанетъ; „собака“ (репейникъ) есть лучшее для него подобіе. Эта цѣпкость въ каждомъ дѣлѣ была драгоцѣннымъ его качествомъ для Каткова, когда они вмѣстѣ издавали журналъ, газету, завели лицей: нетерпѣливый, впечатлительный, Катковъ приходилъ въ отчаяніе отъ каждой неудачи,

отъ каждой ошибки, отъ каждаго препятствія; но Леонтьевъ вцѣпился крѣпко въ дѣло, и ничѣмъ нельзя было его отцѣпить; всякую бѣду онъ надѣется переждать, всякое препятствіе преодолѣть, всякую ошибку поправить; онъ вездѣ ровенъ, выдержливъ; бѣшеный Катковъ опрокинется на него съ упреками; Леонтьевъ выдержитъ спокойно и успокоитъ. Та же цѣпкость—въ привязанности и во враждѣ. Хвалили его привязанность къ роднымъ; привязанность его къ Каткову и семейству послѣдняго была изумительна; и вовсе не нужно объяснять ее чѣмъ-нибудь корыстнымъ. Но, какъ сказано, Леонтьевъ былъ цѣпокъ во враждѣ, и здѣсь онъ былъ отвратителенъ по мелкости взгляда, по стремленію копаться въ отхожихъ мѣстахъ натуры человѣческой, обходя мѣста чистыя,—это былъ художникъ клеветы; всякій совершенно случайный поступокъ непріятнаго ему человѣка онъ перетолковывалъ въ дурную сторону и тутъ не робѣлъ ни передъ чѣмъ; наглость, до какой онъ могъ доходить въ клеветѣ, ошеломляла; честный человѣкъ поникалъ, окончательно падалъ духомъ на первое время; тутъ Леонтьевъ являлся совершенно адскимъ существомъ, ибо заставлялъ вѣрить въ силу зла. Интрига—было первое и послѣднее слово Леонтьева; все, по его мнѣнію, интриговало, ничто не дѣлалось просто; каждое движеніе, каждое слово искусно подводилось подъ извѣстную интригу, каждый камешекъ искусно обтачивался и служилъ для мозаической работы. Но когда Леонтьевъ появился среди насъ, то эти качества его вовсе не высказывались; мы приняли его, какъ умнаго, честнаго и знающаго свое дѣло человѣка, видѣли въ немъ хорошаго товарища. Онъ жилъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ и Шестаковымъ; и тотъ, и другой, какъ мы всѣ, имѣли о немъ самое выгодное мнѣніе; только жена Кудрявцева, женщина очень умная и привлекательная (не наружно, потому что была дурна собою), позволяла себѣ въ дамскомъ обществѣ отзываться не очень хорошо о Леонтьевѣ по отношенію къ его не физическимъ, а нравственнымъ горбамъ. Острое чутье женскаго существа, живущаго болѣе чувствомъ, чѣмъ головою!..

Дружескій кружокъ и молодость, еще полная надеждъ, помогли намъ пережить то тяжелое время. Что мы были отданы подъ надзоръ полиціи—это насъ не безпокоило и не

мѣшало нашимъ дружескимъ собраніямъ. Грановскій, тѣснѣе сблизившійся съ нами вслѣдствіе отъѣзда Герцена за границу, естественно по своему значенію, какъ общій учитель, сталъ душою кружка; къ нашему же кружку примыкалъ человѣкъ, о которомъ нельзя не отозваться съ благодарностью за тѣ минуты чистаго, молодого и трезваго веселья, которыми онъ насъ дарилъ въ нашихъ собраніяхъ,—минуты драгоцѣнныя особенно потому, что дарились въ тяжелое, безотрадное время: то былъ Сергѣй Петровичъ Полуденскій, старше меня курсомъ по университету. Несмотря на свои связи, которыя могли бы доставить ему сильное служебное движеніе, онъ взялъ скромное мѣсто университетскаго библіотекаря; его тянуло къ высшимъ интересамъ, которыми жили лучшіе представители науки. Этотъ человѣкъ обладалъ неистощимымъ запасомъ веселости и остроумія; въ послѣднемъ онъ уступалъ развѣ Герцену, но зато у Полуденскаго не было Герценовской колючести, нетерпимости и односторонности; онъ былъ неподражаемъ въ придумываніи сценъ, въ которыхъ дѣйствовали очень знакомые всѣмъ люди, вносившіе каждый комическую сторону своего характера и быта. Кромѣ урочныхъ собраній, бывало, послѣ лекціи идешь въ библіотеку, и тамъ въ отдаленной комнатѣ найдешь милаго библіотекаря и съ нимъ одного или двухъ изъ нашихъ: тутъ узнаешь всѣ новости, и отдохнешь въ умномъ, серьезномъ разговорѣ, и посмѣешся вдоволь отъ комическихъ разговоровъ и остротъ Полуденскаго. И этотъ человѣкъ, виновникъ нашей веселости, долженъ былъ готовиться къ скорой смерти: всѣ братья его одинъ за другимъ умирали чахоткою, и доходила уже очередь и до нашего Сергѣя Петровича. Нашъ кружокъ расширялся, благодаря Грановскому, который дѣлалъ иногда обѣды, вечера и, приглашая насъ, приглашалъ и людей изъ другого своего кружка, который чувствительно опустѣлъ, лишившись Герцена; приглашались и молодые подростки, будущіе ученые дѣятели, профессора Бабстъ, Чичеринъ и другіе. Изъ этого кружка, сводимаго съ нашимъ у Грановскаго, виднѣе или собственно слышнѣе всѣхъ былъ Кетчеръ. Студентъ московской медико-хирургической академіи, Кетчеръ до глубокой старости сохранилъ студенческій образъ жизни; добрый малый, отличный

товарищъ, готовый на услугу, крикунъ, буянъ, вовсе не пьяница, но, дорвавшись до шампанскаго, перепьетъ всѣхъ, неряшливый, беззаботный—вотъ Кетчеръ при поверхностномъ знакомствѣ. Будучи медикомъ и служа по медицинской части, онъ не былъ практическимъ врачемъ, и вмѣсто медицинской практики сталъ заниматься литературою, вслѣдствіе чего сблизился съ литераторами и вообще съ людьми, имѣвшими сферу пошире; онъ былъ извѣстенъ какъ переводчикъ Шекспира, котораго, по его собственному выраженію, онъ не переводилъ, а *перетиралъ;* онъ слѣдилъ за легкою литературою, особенно за театромъ, и при тогдашнихъ небольшихъ требованіяхъ получилъ въ кружкѣ людей, занимавшихся литературою, почтенное мѣсто и сильный голосъ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ слабомъ обществѣ, разступающемся передъ силою, сталъ мужикомъ-горланомъ. Я нашелъ Кетчера уже совершенно сформировавшимся. Собирается общество разсуждать о чемъ-нибудь, спорятъ тихо; вдругъ изъ передней раздается трескучій голосъ и является человѣкъ довольно высокаго роста, съ круглою, гладко обстриженною головою, очень некрасивымъ, но замѣчательнымъ лицомъ, въ истертомъ сюртукѣ, безъ бѣлья, лѣтомъ въ бѣлыхъ панталонахъ безъ подштанниковъ. „Что, о чемъ идетъ дѣло?“ Ему говорятъ—о чемъ.—„А,—кричитъ Кетчеръ,—это ты (тотъ или другой изъ собесѣдниковъ) все толкуешь объ этой дряни!“ (книга, пьеса или человѣкъ)—и дѣлается стремительное нападеніе, сопровождаемое насмѣшками и остротами, иногда порядочными, возбуждающими общій хохотъ, иногда тупыми; но насмѣшки пересыпались и безцеремонною бранью, напримѣръ: „вѣдь, это отъ того, что ты глупъ, ничего не понимаешь!“ или: „такъ говорятъ только такіе дураки, какъ ты!“ Обыкновенно Кетчеръ выбиралъ себѣ жертву, кого-нибудь изъ присутствующихъ, и цѣлый обѣдъ или вечеръ, по поводу какого-нибудь событія или слова, издѣвался надъ несчастнымъ на потѣху публикѣ; я уже сказалъ, что было принято на Кетчера не сердиться, крикомъ и бранью его не оскорбляться. Увидѣвши разъ человѣка, Кетчеръ при другимъ свиданіи говорилъ уже ему *ты* и считалъ себя вправѣ выбирать его себѣ жертвою на обѣдъ или ужинъ.

XVIII.

Такъ мы проживали самое тяжелое время конца Николаевскаго царствованія. Бѣда, общій гнетъ—сближаютъ людей, и это сближеніе, соединеніе силъ даютъ имъ возможность легче переносить горе. Литературный интересъ былъ силенъ. Несмотря на то, что мысль была въ опалѣ, скована цензурою, книжки журналовъ ожидались съ нетерпѣніемъ и прочитывались съ жадностью; но мнѣ эти журналы часто приносили и горе. Съ самаго вступленія на каѳедру я предался сильнѣе литературной дѣятельности по страсти къ предмету, по любопытству, съѣдавшему меня съ дѣтскихъ лѣтъ, по крайней необработанности предмета моего преподаванія. Разумѣется, я могъ бы ограничиться чтеніемъ, выписываніемъ, составленіемъ хорошихъ лекцій; но, кромѣ общаго людямъ стремленія заявлять свою умственную дѣятельность, у меня были еще и другія побужденія печататься какъ можно скорѣе и какъ можно больше. Во-первыхъ, отличительною чертою моего характера была торопливость; я спѣшилъ во всемъ — скоро ѣлъ, скоро ходилъ, всегда являлся первый; называли это акуратностью, но это была торопливость; мнѣ не сидѣлось дома, я не могъ ничѣмъ заняться, когда нужно было куда-нибудь ѣхать; понятно, что я точно такъ же торопился писать и издавать. Во-вторыхъ, и безъ этой врожденной торопливости я побуждался какъ можно больше и скорѣе издавать: я добылъ себѣ мѣсто съ бою и долженъ былъ его удерживать боемъ, долженъ былъ въ короткое время сдѣлать столько, чтобъ не смѣли сказать, что университетъ проигралъ, замѣнивши стараго профессора Погодина новымъ. Наконецъ, къ сильному труду побуждали меня семейныя обстоятельства: я женился въ началѣ 1848 года, и каждый годъ у меня пошли дѣти: профессорскаго жалованья было мало. Съ самаго начала моей литературной дѣятельности два первые журнала-соперника—„Современникъ“ и „Отечественныя Записки“ просили моего сотрудничества, и я сталъ участвовать въ нихъ обоихъ: въ „Современникъ“ сталъ давать статьи подписанныя: обзоръ смутнаго времени, царствованія

Михаилъ Ѳедоровича; въ „Отечественныя Записки", кромѣ статей, подписанныхъ съ осени 1847 года, я взялся писать рецензіи о книгахъ и изданіяхъ по русской исторіи, и эти статьи являлись безъ подписи. Помню, что съ особенною злостью я разбиралъ исторію русской церкви Филарета за его односторонне-славянофильскій и клерикальный взглядъ. Но эта-то журнальная дѣятельность и причиняла мнѣ часто горе. Являлся нумеръ журнала, гдѣ помѣщена моя статья; по моему разсчету должно выйти столько-то печатныхъ листовъ—смотрю, выходитъ меньше: цензоръ вымаралъ! Оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что смолоду я обращался съ наукою уважительно, не позволялъ себѣ тенденціи, передавалъ факты, связывая и освѣщая ихъ; передавалъ факты, почерпая ихъ изъ источниковъ печатныхъ, самимъ же правительствомъ большею частію изданныхъ. И тутъ невѣжественный и желающій непремѣнно что-нибудь вычеркнуть цензоръ вычеркивалъ! Однажды онъ вычеркнулъ изъ моей статьи донесеніе Годуновскаго шпіона, что Филаретъ Никитичъ жилъ со своимъ слугою душа въ душу, и поэтому отъ вѣрнаго слуги нельзя ничего вывѣдать. Я справился черезъ редакцію, зачѣмъ выключена такая прекрасная черта изъ жизни родоначальника Романовыхъ. Цензоръ объяснилъ, что вычеркнулъ изъ опасенія, чтобъ не подумали, будто между Филаретомъ и слугою была противоестественная связь. Съ 1848 года я началъ заниматься „Исторіею Россіи". Дѣло сначала шло медленно, лекціи не были еще всѣ приготовлены, много надобно было писать постороннихъ статей изъ-за куска хлѣба; кромѣ того, задерживали нелюбимыя мною изслѣдованія о начальныхъ временахъ, такъ что первый томъ могъ выйти только въ августѣ 1851 года.

А между тѣмъ въ университетѣ произошли важныя перемѣны. На мѣсто Голохвастова, явившагося совершенно неспособнымъ къ управленію, вслѣдствіе своей медленности, нерѣшительности, привычки много говорить и не дѣлать, назначенъ былъ генералъ Назимовъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императора и еще большимъ—наслѣдника. Назимовъ былъ человѣкъ добрый, простой, необразованный, со всѣми привычками тогдашняго *генерала:* при первомъ удобномъ случаѣ любилъ нашумѣть, распечь подчиненнаго,

но послѣдній не долженъ былъ этимъ оскорбляться, потому что его превосходительство, распекши, потомъ и обласкаетъ его. Самая дурная привычка въ немъ—это была привычка къ казнокрадству, которую оправдывали всегдашнею нуждою, бѣдностью. Но, несмотря на это, я, какъ всегда говорилъ, такъ и напишу, что назначеніе Назимова было благодѣяніемъ для университета въ то время гоненія. Его главное правило, общее генеральское правило, состояло въ томъ: „Будьте покойны, в. в., у меня все покойно и хорошо". Его послали попечителемъ, чтобъ онъ по военному скрутилъ университетъ, согнулъ въ бараній рогъ профессоровъ, этихъ злонамѣренныхъ либераловъ, бунтовщиковъ. Но вмѣсто бунтовщиковъ генералъ нашелъ людей очень скромныхъ, почтительныхъ, робкихъ. Генералъ изумился: „Все наврали,—сказалъ онъ,—никакого бунта нѣтъ въ университетѣ!" Тщетно ему внушали, чтобъ онъ не смотрѣлъ на наружность, что эти тихони содержатъ въ себѣ скрытый ядъ, обманываютъ начальство. „Что же это такое,—отвѣчалъ Назимовъ на эти внушенія:—все подлецы да подлецы, гдѣ же честные-то люди?" Наша судьба, судьба опальныхъ профессоровъ, быстро перемѣнилась къ лучшему при Назимовѣ. Новый попечитель искалъ въ университетѣ человѣка, котораго совѣтами могъ бы пользоваться въ совершенно новой для него сферѣ. Этотъ довѣренный человѣкъ, разумѣется, не могъ быть изъ профессоровъ, какъ людей, съ которыми Назимову было все же неловко, какъ неловко бы было съ какимъ-нибудь иностраннымъ путешественникомъ; довѣренный человѣкъ долженъ былъ быть изъ своихъ, изъ военныхъ. Такого онъ нашелъ въ инспекторѣ студентовъ изъ моряковъ, Ив. Абр. Шпейерѣ, человѣкѣ очень ловкомъ, готовымъ служить доброму начальнику, даже насчетъ казеннаго имущества, особенно во время построекъ, къ которымъ Шпейеръ былъ большой охотникъ и считался знатокомъ, почему и носилъ названіе „Ивана Строителя". Въ университетѣ былъ обычай, что инспектора студентовъ, зависѣвшіе, по старому уставу, прямо отъ попечителя, враждовали съ ректоромъ, по пословицѣ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, и дѣйствительно вина была на уставѣ, который сажалъ двоихъ медвѣдей въ одну берлогу. Шпейеръ сейчасъ

же сталъ во враждебныя отношенія къ Перевощикову, и естественно сталъ ухаживать за нами, какъ находившимися въ оппозиціи ректору. Мы отвѣчали любезностью за любезность, ибо ничего не знали о строительныхъ наклонностяхъ Ивана Абрамовича, а видѣли въ немъ добраго, честнаго моряка, который сближается съ нами по сочувствію къ людямъ, напрасно гонимымъ. Отсюда—дружба между молодыми профессорами и Шпейеромъ. Ко мнѣ онъ былъ особенно расположенъ по знакомству съ тестемъ моимъ, также морякомъ. Послѣ назначенія Назимова попечителемъ, я какъ-то сдѣлалъ визитъ генеральшѣ Тимоѳеевой, женѣ начальника военнаго корпуса, у котораго Назимовъ былъ начальникомъ штаба. Разговоръ пошелъ о назначеніи Назимова; генеральша говорила, что Назимовъ очень добрый человѣкъ, въ университетѣ будутъ имъ довольны; но, по совершенной неприготовленности къ дѣлу, попечитель нуждается въ человѣкѣ благонамѣренномъ, который бы познакомилъ его съ порядками новаго мѣста, далъ ему понятіе о людяхъ и прочее. Я отвѣчалъ, что такой человѣкъ есть, именно инспекторъ Шпейеръ. Мое указаніе принято было къ свѣдѣнію, и Шпейеръ сталъ довѣреннымъ человѣкомъ у Назимова. Благодаря ему, Назимовъ утвердился въ мысли, что все было наврано на молодыхъ профессоровъ, которые вовсе не бунтовщики, а ректоръ Перевощиковъ—негодяй, который гонитъ достойныхъ людей. Когда кто-то сказалъ ему про меня, что ходятъ слухи о моей неблагонамѣренности, то онъ отвѣчалъ: „Пустяки! Я знаю его тестя, прекрасный человѣкъ!“ Въ этомъ отвѣтѣ Назимовъ высказался вполнѣ; но дѣло извѣстное, что „Dei providentia et hominum confusione Ruthenia ducitur“, и мы были выведены изъ опаснаго и тяжелаго положенія „спараломъ“ Назимовымъ, вѣрнѣйшимъ слугою императора Николая. Императоръ, съ цѣлью подтянуть университетъ и держать въ рукахъ бунтовщиковъ-профессоровъ, уничтожилъ выборныхъ ректоровъ и сдѣлалъ коронныхъ; но это распоряженіе послужило, по крайней мѣрѣ нашему университету, во благо, ибо удалило Перевощикова: Назимовъ, предупрежденный противъ него разсказами Шпейера и находясь въ первое время подъ вліяніемъ Строганова, слышать не хотѣлъ о Перевощиковѣ, какъ

постоянномъ коронномъ ректорѣ, и представилъ на это мѣсто прежняго ректора, Альфонскаго. Это было, разумѣется, наше торжество, ибо Перевощиковъ былъ нашъ врагъ, а за Альфонскаго мы стояли въ пользу его противъ Перевощикова. Альфонскій, дѣйствительно, оказался на это время прекраснымъ короннымъ ректоромъ: холодный, апатичный, любившій прежде всего спокойствіе и гранъ-пасьянсъ, онъ, чтобъ не нарушить собственнаго спокойствія, никогда не рѣшался нарушить спокойствіе другихъ, если только соблюдался внѣшній порядокъ, оказывалось внѣшнее уваженіе къ его превосходительству. „И прекрасно!"— была его любимая фраза. Удаленіе Уварова изъ министерства, врага Строганова, покровителя Давыдова, Погодина, Перевощикова, Шевырева, не могло опечалить меня, равно какъ и всѣхъ Строгановскихъ. Но и преемникъ его Ширинскій не замедлилъ показать намъ свое татарство. Въ 1850 году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ явился въ Москву и прежде всего, разумѣется, сталъ осматривать университетъ, ходить по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ; лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи, утверждалъ ея достовѣрность, опровергалъ скептиковъ, но закончилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, при чемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно. Что же? На другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ самый начальническій выговоръ за мое скептическое направленіе, что я слѣдую Каченовскому: „Правительство этого не хочетъ! Правительство этого не хочетъ!"—кричалъ разъяренный татаринъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодинъ могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался недолго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Димитрія-царевича,— слѣдовательно, волею-неволею нужно было утверждать, что Димитрій убитъ Годуновымъ; точно также запрещено было подвергать критикѣ вопросъ о годѣ основанія русскаго государства, ибо-де 862-й годъ назначенъ *преподобнымъ* Несторомъ; запрещено произносить греческія слова по Эразму, ибо ново-греческое произношеніе утверждено православною

церковью введеніемъ въ духовныя училища. Понятно, какъ должна была вести себя цензура, подчиненная такому министру. Бывало, съ трепетомъ ждешь нумера журнала, гдѣ помѣщена моя статья; сколько-то выпущено цензурою? И всегда найдешь выпуски и недоумѣваешь, что́ могло бы заставить выпустить то или другое мѣсто, тотъ или другой отрывокъ изъ акта, уже напечатаннаго въ правительственномъ изданіи. Но какъ догадаться о побужденіяхъ невѣжды, который, спѣша играть въ карты, мараетъ, что́ ему угодно, ибо знаетъ, что за вымаранное не подвергается отвѣтственности. А у несчастнаго автора разстраивается здоровье отъ этого, ибо, кромѣ разбойничьяго похищенія умственной собственности, искаженія литературнаго произведенія, отнималось и матеріальное имущество, отнимался кусокъ хлѣба у семейства.

Я уже упоминалъ объ уничтоженіи философскихъ каѳедръ Ширинскимъ. Катковъ остался безъ каѳедры; ему слѣдовало получить каѳедру педагогіи; но въ это время подбился къ Назимову Шевыревъ и получилъ сильное вліяніе, какъ *преподаватель христіанскій*. Въ это время Шевыревъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на мѣсто Давыдова, переведеннаго Уваровымъ еще въ директоры педагогическаго института. Шевыреву возмнилось, что педагогія должна быть главнымъ руководящимъ предметомъ въ факультетѣ, и потому ее нельзя отдать какому-нибудь Каткову, надобно взять себѣ. Онъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Назимова, тотъ успѣлъ убѣдить въ этомъ Ширинскаго, и каѳедра педагогіи отдана была Шевыреву, который оставилъ за собою каѳедру словесности, самъ получилъ двѣ каѳедры, а Катковъ остался безъ мѣста.

Эта продѣлка Шевырева возбудила къ нему страшную ненависть въ нашемъ кружкѣ, и, когда подошли деканскіе выборы, то Шевыревъ былъ забаллотированъ, и въ деканы выбранъ Грановскій. Но Шевыревъ не хотѣлъ снести такого пораженія, и Назимовъ съ Ширинскимъ рѣшили, что Грановскій—человѣкъ подозрительный, либералъ извѣстный, и потому не можетъ быть деканомъ, вслѣдствіе чего наши выборы были кассированы, и Шевыревъ былъ назначенъ отъ министра деканомъ. Ненависть къ *казенному* декану стала еще сильнѣе.

XIX.

Между тѣмъ я началъ „Исторію Россіи". Давно, еще до полученія каѳедры, у меня возникла мысль написать исторію Россіи; послѣ полученія каѳедры дѣло представлялось возможнымъ и необходимымъ. Пособій не было; Карамзинъ устарѣлъ въ глазахъ всѣхъ; надобно было, для составленія хорошаго курса, заниматься по источникамъ; но почему же этотъ самый курсъ, обработанный по источникамъ, не можетъ быть переданъ публикѣ, жаждущей имѣть русскую исторію полную и написанную, какъ писались исторіи государствъ въ Западной Европѣ? Сначала мнѣ казалось что исторія Россіи будетъ обработанный университетскій курсъ; но когда я приступилъ къ дѣлу, то нашелъ, что хорошій курсъ можетъ быть только слѣдствіемъ подробной обработки, которой надобно посвятить всю жизнь. Я рѣшился на такой трудъ и началъ съ начала, ибо, какъ уже сказано, предшествовавшіе труды не удовлетворяли. Къ веснѣ 1851 года я приготовилъ первый томъ и отдалъ его въ цензуру. Когда вѣсть объ этомъ распространилась, попечитель Назимовъ, встрѣтивъ меня не помню гдѣ, спросилъ меня, почему я не хочу посвятить своей книги императору, а если не хочу посвятить императору, то посвятилъ бы наслѣднику. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ бы ничего противъ посвященія императору, но не считаю себя вправѣ ходатайствовать объ этомъ,—дѣло трудное; притомъ же, пожалуй, отдадутъ мою книгу въ академію наукъ для оцѣнки, достойна ли она чести посвященія, академикъ же Устряловъ уже обнаружилъ ко мнѣ свое нерасположеніе, объявивъ, что моя докторская диссертація не стоитъ Демидовской преміи, на которую я ее представилъ; еслибъ я былъ увѣренъ, что дѣло обойдется безъ академіи?.. „Вы ординарный профессоръ университета,—сказалъ Назимовъ,—вы имѣете полное право просить о посвященіи; напишите мнѣ письмо, я ѣду въ Петербургъ и попрошу министра, чтобъ онъ прямо доложилъ государю". Я поблагодарилъ добраго „генарала" и написалъ ему письмо, которое онъ и повезъ въ Петербургъ. Когда онъ возвратился, я отправился къ нему, и по лицу

его сейчасъ увидалъ, что добрякъ не успѣлъ оказать мнѣ услугу. „Министръ,—сказалъ онъ,—никакъ не согласился доложить государю о посвященіи: нельзя, говоритъ онъ, посвящать первый томъ; неизвѣстно, успѣетъ ли онъ кончить; когда кончитъ сочиненіе, тогда я доложу". Послѣ не разъ со смѣхомъ вспоминалъ я объ этомъ обѣщаніи доложить: когда умеръ Ширинскій, умеръ Николай I, перемѣнилось много министровъ просвѣщенія,—а „Исторія Россіи" все не оканчивалась,выходя каждый годъ. Съ радостью вспоминаю я и о томъ, что книга не была посвящена Николаю. Впрочемъ, дѣло этимъ не кончилось. Первый томъ оканчивался печатаніемъ къ августу 1851 года. Въ это время Москва находилась въ сильномъ движеніи; ждали пріѣзда императора, который хотѣлъ въ первопрестольной столицѣ праздновать двадцатипятилѣтіе своего царствованія. Назимовъ опять говоритъ мнѣ: „Хотя посвященіе и не дозволено, но приготовьте подносные экземпляры: я поднесу ихъ императору и всѣмъ членамъ царской фамиліи, которые пріѣдутъ въ Москву". Я приготовилъ экземпляры и отвезъ попечителю. Императоръ пріѣзжаетъ, и скоро разносится слухъ, что онъ мраченъ, недоволенъ: онъ ждалъ болѣе торжественнаго пріема, ждалъ поднесенія титуловъ за двадцатипятилѣтнее славное царствованіе, и ничего не было. Какое вліяніе это неудовольствіе монарха имѣло на судьбу моей книги, я не знаю; знаю, что Назимовъ передалъ мнѣ письменную благодарность наслѣдника (впослѣдствіи государя Александра II), устную благодарность другихъ членовъ фамиліи, а объ экземплярѣ для императора сказалъ, что ген.-губернаторъ гр. Закревскій взялъ его у него для поднесенія императору; но что́ сталось съ этимъ экземпляромъ—мнѣ неизвѣстно: побоялся ли Закревскій подносить профессорскую книгу, швырнулъ ли ее раздраженный царь—ничего не знаю; знаю одно, что Назимовъ въ присутствіи приближенныхъ людей горевалъ, что я не получилъ подарка за поднесенный экземпляръ.

Но дѣло и этимъ не кончилось. Весною 1852 года выходилъ изъ печати второй томъ „Исторіи Россіи". Я спрашиваю Назимова, приготовлять ли подносные экземпляры; тотъ отвѣчаетъ, что приготовлять: „Я,—говоритъ онъ,—

отошлю ихъ для поднесенія министру, съ увѣдомленіемъ, что первый томъ поднесенъ". Экземпляры приготовлены, отправлены въ Петербургъ. Какія же слѣдствія? Не помню, въ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ меня требуютъ въ канцелярію попечителя, останавливаютъ у загородки, отдѣлявшей столы чиновниковъ отъ мѣста, гдѣ должны были стоять просители, и правитель канцеляріи читаетъ мнѣ бумагу министра, гласящую, чтобъ я не смѣлъ безпокоить его сіятельство присылкою подносныхъ экземпляровъ моей „Исторіи", что они подносимы быть не могутъ до окончанія сочиненія, присланные же экземпляры будутъ до этого времени храниться въ министерствѣ. Рѣшительно не понимаю, чтó заставило Назимова, котораго не перестану называть добрымъ человѣкомъ, сдѣлать мнѣ такой аффронтъ: развѣ онъ не могъ показать мнѣ бумагу у себя дома, или переслать ко мнѣ копію? Но среди такихъ любезностей одно мнѣ нѣсколько польстило. Изъ членовъ царской фамиліи въ 1851 году не было великаго князя Константина Николаевича. Вскорѣ послѣ отъѣзда царскаго изъ Москвы я получаю письмо отъ секретаря великаго князя, Головнина, въ которомъ онъ пишетъ, что ген. Муравьевъ указалъ великому князю на мою книгу, великій князь прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ и проситъ присылать къ нему слѣдующіе томы, даже за границу, куда великій князь отправляется.

До сихъ поръ написаніе русской исторіи считалось у насъ, какъ нѣкогда составленіе лѣтописей, дѣломъ государственнымъ. При изъявленіи намѣренія оказывались всевозможныя пособія. Карамзину данъ былъ титулъ исторіографа вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ употреблялся на Западѣ, но данъ былъ для того, чтобъ написанію и древней русской исторіи дать значеніе труда государственнаго. Устряловъ точно также принялся за написаніе исторіи Петра Великаго съ богатыми субсидіями отъ правительства. Полевой сдѣлалъ свой наѣздъ на русскую исторію не на счетъ государства, а на счетъ общества. Я предпринялъ свой трудъ съ чисто-научною цѣлью выучиться самому, чтобъ быть въ состояніи читать сколько-нибудь достойный университета курсъ русской исторіи и дать средство другимъ знать основательно свою исторію, а не толковать

вкось и вкривь о ней, и чтобъ отнять занятіе у людей-охотниковъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Но при этомъ я не либеральничалъ, и когда правительственное лицо предложило мнѣ отдать мой трудъ подъ покровъ государя, посвятивъ императору, хотя и антипатичному мнѣ, я согласился. Посвященіе и даже поднесеніе книги было отвергнуто, государство отказалось отъ моего труда; какъ же отнеслось къ нему общество?

Сначала появленіе книги было принято очень радушно; 1.200 экземпляровъ перваго изданія разошлись быстро; книгопродавецъ Саласвъ купилъ у меня большинство экземпляровъ и послѣ самъ мнѣ признавался, что покупка была для него очень выгодна. Но скоро ополчился легіонъ, съ тѣмъ, чтобъ стереть съ лица земли дерзкаго профессоришку, осмѣлившагося стать на высоту Карамзина. Это мое выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ будетъ понятно молодымъ поколѣніямъ. Въ литературахъ сильныхъ, развитыхъ, гдѣ много обширныхъ и важныхъ историческихъ сочиненій, начало обширнаго и важнаго историческаго труда встрѣчается сочувственно, не нарушая правъ другихъ знаменитостей, правъ законно пріобрѣтенныхъ. Въ нашей литературной степи было не такъ. Послѣ ставшаго неудобоваримымъ Щербатова, внутренними и внѣшними средствами поднялась знаменитость—Карамзинъ. Явленіе не прошло безъ завистливыхъ протестовъ со стороны ученой братіи и со стороны шумливыхъ и невѣжественныхъ либераловъ, этой язвы нашего земскаго общества, убивающей въ немъ всякое правильное движеніе къ свободѣ. Карамзинъ свысока, аристократически равнодушно взглянулъ на чернорабочихъ копотуновъ, да и нельзя было иначе, когда они, выругавшись, протягивали къ нему руку за милостынею, какъ Ходаковскій; но шумливый протестъ либераловъ затронулъ исторіографа, тѣмъ болѣе, что съ крикунами надобно было встрѣчаться въ великосвѣтскихъ салонахъ; чтобъ помирить ихъ со своею исторіею, онъ бросилъ имъ искаженный, разсѣченный пополамъ трупъ Ивана Грознаго; но умилостивительная жертва не помогла; либераламъ нужно было пожертвованіе не случайностью, не лицомъ, а принципомъ. Впрочемъ, Карамзинъ понапрасну тревожился, прикрытый щитами кружка, силь-

наго дарованіями чиновъ, ихъ общественнымъ и государственнымъ положеніемъ, прикрытый и отношеніями къ императору. По смерти Карамзина, кружокъ сдѣлалъ изъ него полубога, и горе дерзкому, который бы осмѣлился поставить свой алтарь подлѣ божества. Неудавшаяся попытка Полевого еще болѣе утвердила кружокъ въ томъ мнѣніи, что идолъ его останется навсегда на недосягаемой высотѣ и блескомъ своихъ лучей будетъ освѣщать ихъ и давать имъ значеніе. Легко теперь понять, съ какимъ чувствомъ Блудовъ и Вяземскій встрѣтили появленіе перваго тома „Исторіи Россіи", тѣмъ болѣе, что они имѣли основаніе опасаться успѣха: трудъ ученый, являющійся черезъ двадцать-пять лѣтъ послѣ Карамзина; авторъ могъ воспользоваться всѣми успѣхами исторической науки и далъ уже въ прежнихъ трудахъ своихъ задатокъ, что способенъ ими воспользоваться, способенъ удовлетворить настоящимъ потребностямъ образованныхъ русскихъ людей, — такой трудъ могъ отдалить „Исторію государства россійскаго" на второй планъ не по значенію его въ исторіи русской литературы, а для настоящихъ потребностей публики, и этого опасенія уже было очень достаточно для жрецовъ Карамзина. Блудовъ, человѣкъ вообще очень привѣтливый, хорошаго тона, рѣшился сказать мнѣ въ лицо, что мое предпріятіе очень смѣло — писать русскую исторію послѣ Карамзина; другое дѣло, еслибъ я издалъ лекціи о русской исторіи, которыя я читаю въ университетѣ. Я отвѣчалъ, что заглавіе лекцій было бы странно для труда, который грозитъ быть очень обширнымъ, многотомнымъ. Это еще болѣе озлило Блудова, и онъ сказалъ нелѣпость, показавшую все его невѣжество. „Да,—сказалъ онъ,—и въ Англіи пробовали писать многотомныя исторіи, а до Юма-то не досягнули". Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Блудовѣ, ибо онъ представляетъ явленіе, возможное только въ русскомъ обществѣ второй половины XIX вѣка. Вездѣ такъ называемое счастіе играетъ важную роль, но нигдѣ оно не играетъ такой громадной и такой безобразной роли, какъ у насъ на Руси (о, Русь! о, rus!), и Блудовъ представляетъ баловня этого безобразнаго счастія. Небогатый, незнатный, непригожій, недаровитый, онъ достигъ высшей степени чести, до

какой только можно достигнуть подданному; человѣкъ съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ, которое впослѣдствіи стерлось вслѣдствіе общей нашимъ знатнымъ людямъ привычки не читать, по недостатку времени, тратящагося на множество пустяковъ, Блудовъ до самаго конца слылъ самымъ образованнымъ человѣкомъ, что̀ объявлялось на весь свѣтъ въ императорскихъ рескриптахъ. Эта репутація происходила отъ того, что онъ сначала принадлежалъ къ литературному кружку, имѣвшему значеніе наверху, терся около Кармазина, Жуковскаго, Вяземскаго, Пушкина, и потомъ, поднявшись по служебной лѣстницѣ, сталъ меценатствовать. Но, какъ уже сказано, изъ этого покровительства исключался несчастный московскій профессоръ, осмѣлившійся писать „Исторію Россіи". Блудовъ, который, конечно, не прочелъ ни одной страницы этой исторіи, пользовался своимъ значеніемъ, чтобы топтать ее, а легко понять, какое значеніе имѣли публичные презрительные отзывы о моей книгѣ въ устахъ государственнаго мужа и образованнѣйшаго человѣка. Другой жрецъ Карамзина, кн. Вяземскій, также счелъ своею обязанностью вооружиться за монополію своего культа: его отношенія ко мнѣ видны всего лучше изъ того, что когда, впослѣдствіи, я былъ приглашенъ преподавать цесаревичу, то Вяземскій счелъ своею обязанностью протестовать у императрицы, выставляя, что я буду держаться взглядовъ противоположныхъ Карамзину, взгляды котораго по русской исторіи одни суть истинные и достойные внушенія царственному отроку. Строганову стоило труда настоять на своемъ; но затруднительное положеніе Строганова высказалось: съ необыкновеннымъ въ немъ волненіемъ началъ онъ мнѣ вдругъ говорить, чтобъ я ни подъ какимъ видомъ не говорилъ наслѣднику ничего противъ Кармазина. Когда я посмотрѣлъ на него изумленными глазами, то онъ принялъ это изумленіе за несогласіе и съ новымъ жаромъ началъ настаивать; тогда я разсердился и сказалъ, что напрасно онъ такъ безпокоится, у меня нѣтъ никакого побужденія и нѣтъ времени занимать Наслѣдника критикою „Исторіи Государства Россійскаго".

Легко понять, какъ эти жрецы полубога Карамзина обрадовались, когда узнали, что все, что̀ претендовало на

какое-нибудь занятіе русскою исторіею, съ ожесточеніемъ накинулось на „Исторію Россіи“. Этимъ господамъ было легко до сихъ поръ: на безрыбьи всѣ раки были рыбы, привыкли къ равенству при отсутствіи авторитетовъ; мертвый Карамзинъ не стѣснялъ; живые Погодинъ и Устряловъ— также, ибо всякій мальчуганъ считалъ для себя позволеннымъ пройтись на ихъ счетъ съ насмѣшкою, при очень небольшомъ уваженіи къ нимъ въ обществѣ. Успѣхъ двухъ моихъ диссертацій смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, но все не было дружнаго ожесточеннаго нападенія; молодой профессоръ написалъ двѣ диссертаціи, пописываетъ въ журналахъ—этимъ, пожалуй, все и кончится, и вдругъ дерзкій выдаетъ „Исторію Россіи“—первый томъ, значитъ, будутъ и другіе томы,—дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Это нельзя было перенести равнодушно. Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погодинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на каѳедрѣ, пріобрѣлъ авторитетъ перваго знатока Русской Исторіи, и на повѣрку что̀ сдѣлалъ?—Написалъ двѣ диссертаціи о варягахъ и Несторѣ. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертаціи и теперь приступилъ къ изданію обширной исторіи, хочетъ быть Карамзинымъ. Что̀ же ему, Погодину, въ гробъ, что ли ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ стушеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ рухнула „Исторія Русскаго народа“ Полевого; но надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ пѣною у рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина, и походъ объявленъ. „Москвитянинъ“ открылъ свои страницы ругательными статьями противъ меня. Выступилъ какой-то Мстиславцевъ—но кто его знаетъ и помнитъ? Выступилъ Бѣляевъ, которому я до тѣхъ поръ доставлялъ уроки, но который теперь нашелъ гораздо пріятнѣе и выгоднѣе для себя пристать къ кружку, могущему много сдѣ-

лать для него, благодаря покровительству Блудова; Бѣляевъ, дѣйствительно, награжденъ былъ щедро по архиву юстиціи, гдѣ служилъ, и потомъ, по настоянію Погодина и Шевырева предъ Назимовымъ, попалъ въ профессора московскаго университета по каѳедрѣ исторіи русскаго права. Бѣляевъ, по своей способности борзописанія, взялъ на себя задачу по косточкамъ разбирать „Исторію Россіи", не оставить ни одной строки безъ возраженія. Камни возопили; Калачовъ написалъ нѣчто; Погодинъ и дружина его могли разсчитывать на успѣхъ: постояннымъ ругательствомъ, исходящимъ отъ людей, считающихся спеціалистами, ошеломить русскую зеленую публику, остановить успѣхъ книги, ходъ ея, раздражить и утомить автора, который, видя себя окруженнымъ врагами и не видя ни откуда помощи, откажется отъ безполезной борьбы. Дѣйствительно, я пережилъ тяжелое время зимою 1851—52 года; я счелъ нужнымъ отписываться и отъ Бѣляева, и отъ Калачова,—трудъ страшно непріятный; трудъ защиты и трудъ одинокій. Но сила Божія въ немощи совершается; никогда не приходила мнѣ въ голову мысль отказаться отъ своего труда, и въ это печальное для меня время я приготовилъ и напечаталъ 2-й томъ „Исторіи Россіи", который вышелъ весною 1852 года. Какъ видно, я защищался удачно не полемическими статьями, но именно томами исторіи, постоянно ежегодно выходившими; 3-й и 4-й томы не опоздали. Книга шла, несмотря на продолжавшуюся руготню въ „Москвитянинѣ". Своею твердостью—я выигрывалъ дѣло въ глазахъ публики, а Погодинъ проигрывалъ—усиленіемъ ругательствъ, такъ что пріятели его сочли нужнымъ внушить ему, чтобъ онъ остановилъ ругательства, сильно ему вредившія.

XX.

Въ 1853 году, раннею весною, я поѣхалъ въ Петербургъ въ первый разъ, для сбора матеріаловъ въ Публичной Библіотекѣ, и былъ очень доволенъ, особенно напавши на тверскую лѣтопись. По пріѣздѣ, сдѣлалъ визитъ министру просвѣщенія; швейцаръ отвѣчалъ: „Князь у насъ

очень боленъ, никого не принимаетъ". Чрезъ нѣсколько дней я узналъ о кончинѣ сего князя Ширинскаго. Передъ отъѣздомъ я отправился съ визитомъ къ его преемнику, Норову, отъ котораго пахнуло на меня сейчасъ же сильною оттепелью. Норовъ поразилъ меня своею противоположностью покойному министру. Прекрасное, симпатичное лицо съ грустнымъ оттѣнкомъ, добродушная привѣтливость, отсутствіе всего казарменнаго и департаментскаго—вотъ черты, которыя пріятно поражали въ Норовѣ. Но съ первыхъ же словъ поразило меня въ Норовѣ и неумѣнье избѣжать крайностей, характеризующее всѣхъ нашихъ господъ, наверху стоящихъ, и въ Норовѣ, по мягкости его натуры, видное болѣе, чѣмъ въ комъ-либо.—„А, чай, какъ вы насъ, Сергѣй Михайловичъ, ругаете, ругаете!"—обратился вдругъ ко мнѣ Абрамъ Сергѣевичъ. — „За что, в. п-ство?"—спросилъ я съ удивленіемъ.—„Да за цензуру-то; но вѣдь вы не знаете, съ какими препятствіями мы должны бороться", и прочее. Удивительное дѣло! Защитники Николая толковали и толкуютъ, что цензурныя безобразія не отъ него происходили, что онъ не зналъ о нихъ, и еслибъ зналъ, то не позволилъ бы. Но почему же императоръ о нихъ не зналъ? Почему люди, близкіе къ нему и привязанные къ нему, не дали ему знать о нихъ, какъ о явленіяхъ, противныхъ его славѣ и пользѣ народа, почему позабыли свою присягу? Дѣло въ томъ, что Николай стоялъ спиной къ литературѣ; это знали и подлаживались изъ подлости къ положенію господина, не имѣя никакого сочувствія къ литературѣ,—провались эта дрянь, а понадобится что-нибудь прочесть отъ скуки, прочтемъ и французскую книжку; а другіе, немногіе, которые не такъ смотрѣли на дѣло, не смѣли подступиться къ деспоту съ непріятными для него представленіями, изъ робости,—слѣдовательно, тоже изъ подлости. Но понятно, что эти люди, замерзѣлые въ подлости, привыкшіе преклоняться предъ силою, привыкшіе не смѣть своего сужденія имѣть, при перемѣнѣ правленія, при появленіи новыхъ силъ, будутъ не въ состояніи вести дѣло систематически, правильно, разумно, станутъ трусить и подличать предъ новою силою, и такъ какъ старая сила еще оставалась, то будутъ двувѣрниками, представлять яв-

леніе постыднаго служенія и нашимъ, и вашимъ, рабство во дворцѣ, исканіе всѣми средствами милости владыки и въ то же время либеральничанья, заискиванія у литературныхъ и всякихъ демагоговъ.

Время, въ которое должны были обнаруживаться эти печальныя явленія, приближалось. Надвигалась страшная туча надъ Николаемъ и его дѣломъ, туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ палки, за полную остановку именно того, что̀ нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовили наша исторія,—именно самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ самый геніальный и благонамѣренный остается безполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ: „Тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной, военной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны, Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся". И это утѣшеніе было отнято въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство, что сила и матерія—не одно и то же.

Въ то самое время, какъ сталъ грохотать громъ надъ головою новаго Навуходоносора, когда Россія стала терпѣть непривычный позоръ военныхъ неудачъ, когда враги явились подъ Севастополемъ, мы находились въ тяжкомъ положеніи: съ одной стороны, наше патріотическое чувство было страшно оскорблено униженіемъ Россіи; съ другой, мы были убѣждены, что только бѣдствіе, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворотъ, остановить дальнѣйшее гніеніе; мы были убѣждены, что успѣхъ войны затянулъ бы еще крѣпче наши узы, окончательно утвердилъ бы казарменную систему; мы терзались извѣстіями о неудачахъ, зная, что извѣстія противоположныя приводили бы насъ въ трепетъ. Въ массѣ народной замѣтно было равнодушіе; причина войны не была ясна, правительственнымъ извѣстіямъ не вѣрили, причины неудачи не понимали, жертвовали машинально, патріотическія писанія въ

стихахъ и прозѣ отличались поддѣльнымъ чувствомъ, не производили впечатлѣнія, все отличалось казенностью, какъ и слѣдовало.

Я находилъ отвлеченіе отъ тяжелыхъ думъ въ трудахъ надъ пятымъ томомъ „Исторіи Россіи"; были и другія занятія. Университетъ готовился праздновать столѣтній юбилей 12-го января 1855 года. Была назначена комиссія для приготовленія къ торжеству—изъ декановъ Шевырева и Баршева (декана юридическаго факультета) и изъ профессоровъ Морошкина, Грановскаго и меня. Исторію университета взялся написать Шевыревъ; но я долженъ былъ участвовать въ словаряхъ профессоровъ и замѣчательныхъ воспитанниковъ университета; кромѣ того, долженъ былъ написать рѣчь на актъ о Шуваловѣ. Самодержецъ, умягченный бѣдою, явился благосклоннымъ къ университету, причемъ не безъ вліянія былъ благодушный новый министръ просвѣщенія, Норовъ. Человѣкъ, потерявшій ногу при Бородинѣ, являлся безпристрастнымъ и правдивымъ оцѣнщикомъ благонамѣренности русскихъ ученыхъ, болѣе безпристрастнымъ и правдивымъ, чѣмъ блестящій ученый и потому подозрительный Уваровъ и трепещущій подъячій Ширинскій. Норову удалось выхлопотать позволеніе представлять императору лучшія произведенія русскихъ ученыхъ и литераторовъ; моя „Исторія Россіи" была представлена, вслѣдствіе чего я удостоился получить монаршее благоволеніе осенью 1854 года. Смягченіе Николая и вліяніе Норова высказались и на самомъ юбилѣе въ ласковомъ рескриптѣ, въ очень щедрыхъ по тому времени наградахъ; Норовъ сдѣлалъ такъ, что получили награды только выдающіеся по своимъ способностямъ и учено-литературнымъ заслугамъ профессора; Грановскій и я получили орденъ Анны 2-й степени, но потомъ Назимовъ, уже послѣ юбилея, представилъ гуртомъ почти всѣхъ ординарныхъ профессоровъ къ той же наградѣ и хвастался своимъ подвигомъ: „Когда это бывало въ университетахъ, чтобъ ордена профессорамъ ящиками возили?"—не думая по своей простотѣ, что значеніе отличія уронено. Моя рѣчь о Шуваловѣ не была произнесена на актѣ. Шевыревъ истомилъ публику своею рѣчью, очень длинною; давка и духота были невыносимыя; профессора

должны были стоять около каѳедры, сѣсть было негдѣ, а тутъ Норовъ безпрестанно вызываетъ меня къ себѣ, прося, чтобъ я что-нибудь сократилъ въ своей рѣчи. Я исчеркалъ весь свой экземпляръ карандашомъ, отмѣчая, что̀ выкинуть; наконецъ, Норовъ вызываетъ меня и объявляетъ, что рѣчь вовсе не можетъ быть произнесена по недостатку времени и истомленію публики. Послѣ, когда рѣчь была напечатана, я былъ изумленъ отзывами, что она производитъ сильное впечатлѣніе своею смѣлостью и либеральностью. Я нарочно привожу это для того, чтобъ читатели поняли, что̀ въ Николаевское время считалось смѣлымъ и либеральнымъ. Самаринъ, пресловутый либералъ и страдалецъ за смѣлость, встрѣтивъ меня гдѣ-то, поздравилъ съ успѣхомъ моей рѣчи между либералами и объявилъ, что самъ Чаадаевъ такъ восхитился ею, что переводитъ ее на французскій языкъ. Но переводъ не былъ оконченъ, и впечатлѣніе моей рѣчи исчезло: раздался свистокъ судьбы, декораціи перемѣнены, и я изъ либерала, нисколько не мѣняясь, сталъ консерваторомъ.

Послѣ 15-го февраля, стали ходить слухи, что императоръ боленъ. 19-ое число было воскресенье; я пошелъ къ обѣднѣ въ свой приходъ (Николы-на-Пескахъ на Арбатѣ), въ которомъ былъ прихожаниномъ также и Хомяковъ; онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Теперь, должно быть, уже присягаютъ въ сенатѣ: умеръ!“ Эти перемѣны царствующихъ лицъ при нашей формѣ правленія производятъ особое какое-то, ошеломляющее и отупляющее вначалѣ впечатлѣніе. Конечно, я не былъ опечаленъ смертью Николая, но въ то же время чувствовалось не по себѣ, примѣшивалось безпокойство, опасеніе: что̀ если еще хуже будетъ!? Человѣка вывели изъ тюрьмы, хорошо, легко дышать свѣжимъ воздухомъ; но куда ведутъ?—можетъ быть, въ другую, еще худшую тюрьму? Хорошо, если выпустятъ на свободу. Возвратясь домой, я нашелъ повѣстку—явиться въ мундирѣ въ университетскую церковь, для принесенія присяги. Пріѣхавши въ церковь, я встрѣтилъ на крыльцѣ Грановскаго; первое мое слово ему было: „умеръ!“ Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ умеръ; удивительно то, что мы съ вами живы“. То тревожное, ненормальное состояніе,

въ какомъ мы тогда находились, располагаетъ къ суевѣрію. Такъ какъ это было воскресенье, то по обычаю я поѣхалъ обѣдать къ старику-отцу, и тутъ пришло извѣстіе, что во время звона на Ивановской колокольнѣ часть ея внутри обрушилась и задавила людей. Само по себѣ печальное событіе въ этотъ день произвело на всѣхъ особенно непріятное впечатлѣніе. Люди надѣются лучшаго, а тутъ въ первую же минуту черное предвѣщаніе! Но это впечатлѣніе, разумѣется, было непродолжительно, стали жить надеждою. Какъ-то я зашелъ къ Хомякову. Тотъ надѣялся по-своему: „Будетъ лучше,—говорилъ онъ;—замѣтьте, какъ идетъ родъ царей съ Петра,—за хорошимъ царствованіемъ идетъ дурное, а за дурнымъ—непремѣнно хорошее: за Петромъ I Екатерина I—плохое царствованіе, за Екатериною I Петръ II—гораздо лучше; за Петромъ II Анна—скверное царствованіе; за Анною Елисавета—хорошее; за Елисаветою Петръ III—скверное; за Петромъ III Екатерина II—хорошее; за Екатериною II Павелъ—скверное; за Павломъ Александръ I—хорошее; за Александромъ I, Николай—скверное; теперь должно быть хорошее. Притомъ,—продолжалъ Хомяковъ,—нашъ теперешній государь страстный охотникъ, а охотники всегда хорошіе люди; вспомните царя Алексѣя Михайловича, Петра II". Въ разговорахъ съ Хомяковымъ я обыкновенно улыбался и молчалъ; Хомяковъ точно также улыбался и трещалъ. „А вотъ,—продолжалъ онъ,—Чаадаевъ никогда со мною не соглашается, говоритъ объ Александрѣ II:—развѣ можетъ быть какой-нибудь толкъ отъ человѣка, у котораго такіе глаза!"—И Хомяковъ залился своимъ звонкимъ хохотомъ. Вотъ какъ главы двухъ противоположныхъ московскихъ кружковъ отзывались о новомъ главѣ Россіи!

Первое время новаго царствованія умы были заняты печальнымъ исходомъ восточной войны. Александръ II прежде всѣхъ другихъ распоряженій по промадному наслѣдству долженъ былъ заплатить страшный долгъ, заключить постыдный миръ, какого не заключали русскіе государи послѣ Прута. Новый императоръ чувствовалъ всю тяжесть этого дѣла, весь позоръ его. Не знаю, оправдывалъ ли онъ себя внутренно, складывая всю вину на родителя, но исто-

рикъ, не оправдывая и не обвиняя, долженъ объяснить дѣло. Въ этомъ первомъ актѣ выразился характеръ новаго властителя и его положеніе, его окруженіе. Рожденный безъ выдающихся способностей, безъ энергіи, онъ получилъ образованіе самое одностороннее и, при умственной лѣни, не подумалъ употребить долгое время наслѣдничества на пополненіе недостатковъ образованія чтеніемъ и обращеніемъ съ людьми живыми и знающими: послѣднее, впрочемъ, если и не невозможно, то крайне трудно для наслѣдниковъ русскаго престола. Кромѣ обычныхъ военныхъ упражненій, Николай поручилъ своему наслѣднику начальство надъ военно-учебными заведеніями, что̀ могло имѣть одну пользу—закрѣпить въ памяти будущаго государя предметы общаго образованія по учебникамъ кадетскихъ корпусовъ, ибо наслѣдникъ усердно посѣщалъ экзамены. Въ римской имперіи императоры восходили на престолъ изъ разныхъ званій; въ Россійской имперіи Александръ II вошелъ на престолъ изъ начальниковъ военно-учебныхъ заведеній. При восшествіи Александра II на престолъ, внѣшнія дѣла были вовсе не въ такомъ отчаянномъ положеніи, чтобъ энергическому государю нельзя было выйти изъ войны съ сохраненіемъ достоинства и существенныхъ выгодъ. Внутри не было изнеможенія, крайней нужды; новый государь, котораго всѣ хотѣли любить какъ *новаго*, обратясь къ этой любви и къ патріотизму, непремѣнно вызвалъ бы громадныя силы; война была тяжка для союзниковъ, они жаждали ея прекращенія, и рѣшительный тонъ русскаго государя, намѣреніе продолжать войну до честнаго мира непремѣнно заставили бы ихъ попятиться назадъ. Для отнятія предлога къ продолженію войны нужно было уступить Европѣ совокупное право распоряжаться турецкими дѣлами, но не уступать ничего болѣе—ни Дунайскаго устья, ни черноморскаго флота. Англичане одни не могли вести войны, вся сила союза была у Франціи: нужно было прямо сблизиться съ Наполеономъ, что̀ *новому* императору русскому было легко сдѣлать безъ всякаго униженія,—нужно было обѣщать Наполеону все относительно Италіи и Австріи. Пусть бы при содѣйствіи русскаго оружія Франція взяла Савойю и Ниццу, которыя взяла и безъ русскаго содѣйствія; но тогда французское

пріобрѣтеніе уравновѣшивалось бы сохраненіемъ устьевъ Дуная, черноморскаго флота и пріобрѣтеніемъ Галиціи; ничто не могло быть популярнѣе войны съ Австріею,—Пруссія тогда не двинулась бы за Австрію, Пруссію можно было бы легко приманить. Но для этого, кромѣ широты взгляда, необходимы были смѣлость, способность къ почину дѣла, энергія. Ихъ недоставало у новаго императора, какъ у одного человѣка; ихъ бы достало у него, еслибы онъ былъ поддержанъ окруженіемъ, но около него не было ни одного человѣка силы умственной и нравственной. Его окружали тѣ же люди, съ которыми и Николай, изъ ложнаго страха воевать съ цѣлою Европою, сталъ пятиться назадъ и этимъ навязалъ себѣ на шею коалицію; и теперь раздавались одни возгласы: „Миръ, миръ, во что бы то ни стало!"—и миръ былъ заключенъ послѣ паденія Севастополя, тогда какъ Севастополь игралъ тутъ именно ту же роль, какую играла Москва въ 1812 году: тутъ-то, послѣ этой жертвы, и надобно было объявить, что война не оканчивается, а только начинается, чтобъ именно заставить союзниковъ ее кончить. Несмотря на то, что новый императоръ исполнялъ свято сыновнія обязанности, относясь благоговѣйно къ памяти Николая, котораго всюду величалъ незабвеннымъ,—съ перваго же раза почувствовалась реакція, перегибаніе дуги. Самъ императоръ естественно желалъ быть популярнымъ, какъ добрый, хорошій человѣкъ; кромѣ того, внутренними популярными преобразованіями желалъ заставить забыть позоръ внѣшнихъ отношеній. Въ природѣ его не лежало столько твердости, чтобъ самому умѣрять эти два сильныя стремленія, и, главное, недоставало широты взгляда, а этотъ недостатокъ проистекалъ отъ незнанія Россіи, ея настоящаго и прошлаго, незнанія умоначертанія своего народа и положенія различныхъ общественныхъ слоевъ; онъ дѣйствовалъ въ потемкахъ, часто шелъ не туда, спотыкался, озадачивался и трусилъ тамъ, гдѣ нечего было бояться, и шелъ прямо бодро туда, гдѣ была дѣйствительно опасность. Изъ окружающихъ не было никого, кто бы освѣтилъ для него эту тьму; все это были слѣпые; нѣкоторые изъ нихъ могли не одобрять стремленій императора, желали остаться при старомъ, Николаевскомъ; нѣкоторые желали идти потише, по-

осторожнѣе, но они обнаруживали свое неодобреніе тайнымъ или явнымъ ворчаніемъ, и никто не смѣлъ, а главное, не умѣлъ, высказать свое мнѣніе предъ императоромъ: все это были лакеи, привыкшіе предъ господиномъ только льстить и поддакивать, говорить одно пріятное, для заискиванія добраго расположенія и ласки барина. Но, что̀ хуже всего, эти господа, воспитанные въ Николаевскомъ рабствѣ, не имѣли никакого гражданскаго мужества; они привыкли преклоняться предъ всякою силою, и когда Александръ II, по своей внутренней слабости и отсутствію внѣшней подпоры, не могъ сдержать реакціи, ослабилъ пружины власти и этимъ далъ просторъ такъ называемому отрицательному направленію, когда снизу раздались громкіе крики,—царская дворня, привыкшая только къ крикамъ команды, приняла и эти крики за крики команды, смутилась, не знала, что дѣлать, попавши между двухъ огней,—и началось постыдное двоедушіе, двувѣріе, начали ставить свѣчи обоимъ богамъ, несмотря на ихъ противоположность; и кто чѣмъ болѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность власти, тотъ всего сильнѣе подличалъ, льстилъ, заявлялъ свою преданность предъ представителями новой силы, всѣхъ больше либеральничалъ, и все это—въ одно и то же время.

У всѣхъ, начиная съ самого императора и его семейства, было стремленіе вырваться изъ Николаевской тюрьмы; но тюрьма не воспитываетъ для свободы, и потому легко себѣ представить, какъ будутъ куралесить люди, выпущенные изъ тюрьмы на свѣтъ, сколько будетъ обмороковъ у людей отъ непривычки къ свѣжему воздуху. Первымъ дѣломъ было бѣжать какъ можно дальше отъ тюрьмы, проклиная ее; слѣдовательно, первое проявленіе дѣятельности интеллигенціи должно было состоять въ ругательствѣ, отрицаніи, обличеніи, и все, что̀ говорило и писало, бросилось взапуски обличать, отрицать, ругать; а гдѣ же созиданіе, что̀ поставить вмѣсто разрушеннаго? На это не было отвѣта, ибо некогда было подумать, некому было подумать, не было привычки думать, относиться критически къ явленію, сказать самимъ себѣ и другимъ: „Куда же мы бѣжимъ, гдѣ цѣль движенія, гдѣ остановка?“ Для подобныхъ вопросовъ требовалась твердость, гражданское мужество; но на эти ка-

чества давнымъ-давно спроса не было, ихъ давно перестали поэтому предлагать, они вывелись; была мода—молчать и не думать; теперь пришла мода—кричать и отрицать, бранить все существующее; и желавшіе жить по модѣ принялись кричать, бранить, отрицать существующее. Въ концѣ-концовъ должны были придти къ одному рѣшенію: создать мы не умѣемъ, насъ этому не учили, а существующее скверно, и потому надобно разрушить сплошь все—вотъ наше дѣло, а тамъ новое, лучшее, создастся само собою.

Хотя было мало, очень мало, но все же были люди съ авторитетомъ, люди науки, люди мысли и опыта, которымъ было не подъ-стать бѣжать, какъ угорѣлымъ, невѣдомо куда, которые могли поднять голосъ противъ такого бѣгства, пригласить остановиться, подумать, поусумниться въ пользѣ и необходимости безцѣльной бѣготни. Такихъ людей было мало, и главное, для укрѣпленія ихъ авторитета не было почвы, ибо въ Николаевское время все стремилось уничтожить эту почву; человѣкъ мысли и знанія былъ гонимъ. Если онъ имѣлъ вліяніе въ небольшомъ кружкѣ, то вслѣдствіе оппозиціи правительству, существующему порядку, вслѣдствіе того, что онъ необходимо относился отрицательно къ существующему. Бѣда была въ томъ, что въ это несчастное время самый положительный человѣкъ былъ отрицателемъ, и своимъ авторитетомъ пріучалъ къ отрицанію. Да и такихъ людей, повторяю, было очень мало, а большинство людей, стоящихъ наверху и долженствующихъ быть авторитетами, было таково, что подрывало всякій авторитетъ: это были глупцы, или, по крайней мѣрѣ, невѣжды и некрасивые въ нравственномъ отношеніи; надъ ними смѣялись, ихъ презирали, предъ ними преклонялись только физически, служебно, съ ненавистью въ сердцѣ, съ проклятьемъ на устахъ: гдѣ же тутъ могла быть привычка къ авторитету, нравственная дисциплина?

XXI.

Я сказалъ, что все, начиная съ самаго верха, стремилось выйти изъ положенія, созданнаго Николаемъ. Прежде всѣхъ стремился императоръ, который хотѣлъ быть попу-

лярнымъ, хотѣлъ громкими дѣлами внутренняго преобразованія загладить позоръ Парижскаго мира. Миръ былъ заключенъ, чтобъ поскорѣе имѣть возможность заняться внутренними дѣлами, разстройству которыхъ приписывалась военная неудача; слѣдовательно, возстановленіе народныхъ силъ черезъ перемѣну системы посредствомъ внутреннихъ преобразованій дастъ возможность Россіи подняться опять и во внѣшнемъ значеніи, и утвердить его прочно. Этотъ естественный, правильный, необходимый выводъ повторялся всюду и долженъ былъ торопить государя. Но какъ, съ чего начать? Сначала ничего опредѣленнаго не было. Необходимость освобожденія крестьянъ вовсе не сознавалась, тѣмъ болѣе, что Александръ II былъ связанъ съ наслѣдническою стариной: будучи наслѣдникомъ, онъ высказывался рѣшительно противъ освобожденія; вотъ почему, ставши императоромъ, изъ самолюбія, желая быть послѣдовательнымъ, онъ, въ обращеніи къ дворянству, также высказывался противъ освобожденія. При неимѣніи системы, опредѣленныхъ цѣлей, какъ обыкновенно бываетъ, начали распускать, ослаблять вообще, пошла на это мода, началось либеральничанье. Но ясное дѣло, что какъ скоро почувствовали отсутствіе цѣлей, такъ начались движеніе и шумъ, странныя тѣлодвиженія съ цѣлью размять члены, дать крови правильное обращеніе, послышались разныя рѣчи, которыхъ прежде не слышно было. Стали бранить прошедшее и настоящее, требовать лучшаго будущаго. Начались либеральныя рѣчи; было бы странно, еслибъ первымъ же главнымъ содержаніемъ этихъ рѣчей не стало освобожденіе крестьянъ. О какомъ другомъ освобожденіи можно было подумать, не вспомнивши, что въ Россіи огромное количество людей есть особенность другихъ людей(при чемъ рабы одинаковаго происхожденія съ господами, а иногда и высшаго: крестьяне—славянскаго происхожденія, а господа—татарскаго, черемисскаго, мордовскаго, не говоря уже о нѣмцахъ). Какую либеральную рѣчь можно было повести, не вспомнивши объ этомъ пятнѣ, о позорѣ, лежавшемъ на Россіи, исключавшемъ ее изъ общества европейскихъ цивилизованныхъ народовъ? Такимъ образомъ, при первомъ либеральномъ движеніи, при первомъ вѣяніи либеральнаго духа,

крестьянскій вопросъ становится на очередь. Волею-неволею надобно было за него приниматься. Кромѣ указаннаго нравственнаго давленія, указывалась опасность для правительства: крестьяне не будутъ долго сносить своего положенія, станутъ сами отыскивать свободу, и тогда дѣло можетъ кончиться страшною революціею. Освобожденіе совершилось. Сто лѣтъ тому назадъ, Екатерина, спросившая Россію относительно освобожденія крестьянъ, услыхала отвѣтъ рѣзко, рѣшительно отрицательный. Я въ „Исторіи Россіи" изложилъ причины этого явленія. Александръ II не спрашивалъ объ этомъ у Россіи, и, конечно, еслибъ вопросъ былъ подвергнутъ тайной всеобщей подачѣ голосовъ (исключая, разумѣется, крѣпостныхъ), то отвѣтъ, надобно полагать, вышелъ бы отрицательный. Въ экономическомъ отношеніи, особенно въ сѣверной Россіи, народонаселеніе въ сто лѣтъ не увеличилось до такой степени, чтобъ обязательный трудъ могъ быть замѣненъ вольнонаемнымъ; сѣверные землевладѣльцы должны были пострадать и сильно пострадать. Но дѣло въ томъ, что въ сто лѣтъ западное давленіе чрезвычайно усилилось; русскій человѣкъ, по отношеніямъ къ остальной Европѣ, сталъ похожъ на человѣка съ маленькими средствами, но случайно попавшаго въ высшее, богатѣйшее общество, и для поддержанія себя въ немъ онъ долженъ тянуться, жить не по средствамъ, долженъ отказывать себѣ во многомъ, лишь бы быть прилично одѣтымъ, не ударить лицомъ въ грязь въ этомъ блестящемъ, дорогомъ ему обществѣ. Голоса помѣщиковъ были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной въ столицѣ. Дѣло было произведено революціоннымъ образомъ: употребленъ былъ нравственный терроръ; человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ за интересы помѣщиковъ, подвергался насмѣшкамъ, клеймился позорнымъ именемъ крѣпостника,— а развѣ у него была привычка поддерживать свое мнѣніе? Пошла мода на либеральничанье; люди, не сочувствовавшіе модѣ, видѣвшіе, что нарушаются ихъ самые близкіе интересы, пожимали плечами или втайнѣ яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смѣли и молчали. Какъ бы то ни было, переворотъ былъ совершенъ, съ обходомъ самаго труднаго дѣла—земельнаго. Крестьянъ на-

дѣлили землею, заплатившими за нее помѣщикамъ. Красные торжествовали: у прежнихъ землевладѣльцевъ отняли собственность и подѣлили между народомъ, замазавши дѣло выкупомъ, но выкупъ былъ насильственный! Глупые славянофилы торжествовали, не понимая, на чью мельницу они подлили воды: имъ нужно было провести общинное землевладѣніе! Во многихъ мѣстахъ съ самаго начала уже крестьяне не были довольны надѣломъ,—что̀ же будетъ съ увеличеніемъ народонаселенія? Для простого практическаго смысла крестьянъ естественное и необходимое рѣшеніе вопроса представлялось въ новомъ надѣлѣ, и они стали его дожидаться, какъ чего-то непремѣнно долженствующаго послѣдовать. Стали дожидаться. Сначала дѣло обошлось спокойно, хотя наверху струсили, боялись народнаго возстанія, въ Петропавловской крѣпости приготовлены были средства къ защитѣ; положили обмануть ожиданіе: манифестъ былъ обнародованъ не 19-го числа февраля, а позднѣе, въ послѣднее воскресенье къ посту. Мѣры напрасныя, происходившія отъ незнанія состоянія народа вообще и русскаго въ то время въ особенности. Крестьяне приняли дѣло спокойно, хладнокровно, тупо, какъ принимается массою всякая мѣра, исходящая сверху и не касающаяся ближайшихъ интересовъ—Бога и хлѣба. Интеллигенція, по недостатку вниманія, изученія умоначертанія низшаго класса, изумлялась этому равнодушію, приписывала его или великимъ качествамъ народа, или его тупости, кипятилась своимъ собственнымъ жаромъ, подзадоривая себя опьяняющимъ словомъ: „свобода“; а мужичокъ оставался спокойнымъ, не обращая вниманія на происходившее около него бѣснованіе. Простого человѣка свободою опьянить нельзя, ему надобно показать осязательно, что̀ выгоднѣе; но этого вдругъ показать было нельзя; цѣлаго установленія, сколько-нибудь сложнаго, онъ не пойметъ, онъ не приготовленъ къ этому привычкою обращенія мысли въ широкихъ сферахъ, школьнымъ и книжнымъ образованіемъ; онъ озадачитъ васъ вопросомъ, который покажется вамъ страннымъ и мелкимъ, но этотъ вопросъ его прежде всего занимаетъ, онъ о немъ думалъ, а вы не думали и не хотите признать за мужикомъ права мысли, думанія, только не о тѣхъ предметахъ и отноше-

ніяхъ, о какихъ вы думаете. У насъ, напримѣръ, толкуютъ о томъ, что англичане привязаны къ свободѣ, французъ къ равенству; но простой человѣкъ всегда привязанъ къ равенству, а не къ свободѣ, потому, что свобода отвлеченнѣе равенства. Скажите простому человѣку: „ты свободенъ", и онъ станетъ втупикъ; что онъ будетъ такой же, какъ его баринъ—это онъ пойметъ, но сейчасъ спроситъ: „а имѣніе-то какъ же? Пополамъ, или все мнѣ?"—и тутъ не теоретическій коммунизмъ, котораго онъ не понимаетъ и никогда не пойметъ: ему нѣтъ дѣла до барина; тотъ можетъ получить отъ царя (который, по мнѣнію мужика, можетъ все сдѣлать) богатѣйшее вознагражденіе; онъ ему завидовать не станетъ, ему нужно только обезпечить себя насчетъ ближайшихъ земельныхъ отношеній. Крестьянинъ зналъ, что и прежде его братья становились вольными, чрезъ выкупъ и отпускъ на волю; но тутъ главною была возможность жить хорошо на волѣ, средства человѣка; человѣкъ накопилъ денегъ и откупился, чтобъ еще удобнѣе торговать и промышлять; когда самъ баринъ отпускалъ на волю, то первый вопросъ былъ: чѣмъ будетъ жить отпущенный? Безъ денегъ воли не надобно. Чтобы крѣпостной крестьянинъ понялъ, въ чемъ дѣло, надобно было ему просто сказать: „ты будешь, какъ государственный крестьянинъ". Крестьянинъ это понялъ бы, но почесалъ бы затылокъ, а не сталъ бы плясать отъ радости. Скажутъ: не могъ же крестьянинъ не обрадоваться, узнавъ, что онъ не будетъ болѣе зависѣть отъ произвола помѣщика, что его семейство и собственность будутъ безопасны. Отвѣчаю: тѣ крестьяне обрадовались, которыхъ семейство и собственность были въ опасности; но это были не всѣ крестьяне и не большинство. Злоупотребленія помѣщичьей власти продолжались до послѣдняго времени, иногда обнаруживались въ ужасномъ видѣ; но это было *иногда* и преимущественно относительно дворни. *Иногда* крестьяне и убивали своихъ помѣщиковъ; крестьяне наиболѣе зажиточные, которые, по извѣстному закону, могли бы скорѣе и сильнѣе другихъ поднять вопль и голосъ противъ притѣсненій, ибо имѣли, что̀ защищать,—такіе не имѣли побужденій тяготиться своею участью, потому что были наиболѣе обезпечены: это были

оброчные крестьяне богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, гр. Шереметева и другихъ.

Какъ бы то ни было, дѣло первой важности было совершено, и совершено на первыхъ порахъ спокойно. Теперь должно было обратить вниманіе на слѣдствія переворота, на переходъ отъ обязательнаго труда къ вольному въ странѣ, гдѣ приэтомъ должно было встрѣтиться сильнѣйшее препятствіе—недостатокъ рабочихъ рукъ. До сихъ поръ работникъ находился въ опекѣ; опекунъ принуждалъ его работать и, разумѣется, иногда принуждалъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало. Это зло опеки, зло крѣпостничества теперь уничтожилось; но надобно было имѣть въ виду другое зло, зло свободы,—когда человѣкъ, свободный отъ принужденія, станетъ работать меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ, предоставленный одному принужденію, идущему отъ стремленія поддержать свое благосостояніе. Но чтобъ это стремленіе было сильно, надобно извѣстное развитіе, знакомство съ потребностями, которыя очень желательно удовлетворить, привычка къ свободному и правильному труду, нравственное вліяніе семейства и общества и т. д. Но въ какой степени всего этого можно было ожидать отъ русскаго крестьянина, вступившаго въ самое опасное положеніе, переходное положеніе изъ неволи къ свободѣ, когда является необходимое стремленіе воспользоваться отсутствіемъ принужденія и работать какъ можно меньше. Всего важнѣе было, чтобы при такомъ опасномъ положеніи, при возможности сдѣлать самыя дурныя привычки, крестьянинъ могъ сохранять въ цѣлости свои умственныя, нравственныя и физическія силы, чтобъ онъ былъ трезвъ,—и тутъ, какъ нарочно, даютъ ему возможность пьянствовать. Съ полнымъ безсмысліемъ, при отсутствіи всякаго внимательнаго отношенія къ дѣлу, литература пошла въ походъ противъ откуповъ, съ требованіемъ удешевленія хорошей водки для народа, требуя легчайшей и дѣйствительнѣйшей отравы для него. Откупа представляли большія злоупотребленія; нужно было уничтожить злоупотребленія, уничтожить самое учрежденіе, за которое никто бы не сталъ заступаться, хотя легко было замѣтить, что въ основѣ яростныхъ нападковъ на откупа и откупщиковъ лежали зависть и ненависть къ людямъ, необыкновенно быстро наживавшимъ

огромныя состоянія. Нужно было уничтожить злоупотребленія; можно было уничтожить учрежденіе, замѣнивъ его лучшимъ, и приэтомъ поддержать значительно высокую цѣну водки, чтобы не дать крестьянину быть пьянымъ очень часто, чтобъ попрежнему ограничить случаи пьянства особенными днями, праздниками. Вмѣсто того вдругъ удешевили водку, которая черезъ это пріобрѣла названіе скверной памяти въ исторіи русскаго общества, названіе *дешевки*. Тяжело сказать: появленіе дешевки было принято простымъ народомъ гораздо съ большею радостью, чѣмъ освобожденіе; интересъ былъ ближе; являлась возможность дешево добыть наслажденіе опьяненія и пользоваться имъ часто. И вотъ пьянство быстро распространилось въ ужасающихъ размѣрахъ; человѣкъ, который для достойнаго пользованія свободою долженъ былъ явиться въ полнотѣ физическихъ и нравственныхъ силъ, явился пьяный. Хозяйство крестьянское получило страшный ущербъ, ибо пьянство неразлучно съ праздностью; стали увеличиваться число праздниковъ, чтобъ больше имѣть предлоговъ предаваться пьянству; слова апостола: „не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ“, разумѣется, должны были оправдаться, и сифилисъ страшно распространился, уничтожая въ корнѣ физическія силы народонаселенія; но важны были безпорядки нравственные. Пьяный отецъ не могъ запретить пить своимъ сыновьямъ, женѣ, снохамъ и дочерямъ; начали пить молодые люди обоего пола, едва вышедшіе изъ дѣтства; стали пить женщины и забывать въ пьяномъ видѣ всякій стыдъ, всякое приличіе; къ чему привыкли въ пьянствѣ, отъ того не могли отстать и въ трезвомъ состояніи, и привыкли публично и громко ругаться такъ, что прежде и мужику было зазорно. Пьяному море по колѣно: пьянство пріучило къ дерзости, къ забвенію всѣхъ нравственныхъ, священныхъ отношеній, къ уничтоженію семейной дисциплины; молодые перестали слушаться старшихъ, дѣти начали браниться, драться съ родителями, ни во что ихъ ставить, стремиться къ выдѣлу, къ освобожденію изъ узъ семейныхъ. Скоро послышались громкія жалобы на совершенное ослабленіе семейной дисциплины; всѣ крестьянскія общественныя отправленія, хозяйственныя распоряженія, судъ—подчинились господствующему стремленію къ пьян-

ству; явилось взяточничество цѣлымъ міромъ, продажа правды за ведро вина.

Въ городахъ та же язва напала на рабочій классъ. Отличные работники и слуги, напивавшіеся прежде очень рѣдко, и потому сносно для хозяевъ, не устояли предъ искушеніемъ и бросились на дешевку; вовсе не стало сладу съ поварами, лакеями и кучерами; наниматели стали сидѣть безъ обѣда, какъ нарочно, въ самые большіе праздники, ибо повара лежали пьяные въ кухнѣ; стали трепетать за безопасность своихъ женъ и дѣтей, когда они куда-нибудь ѣхали съ кучеромъ и лакеемъ, напившимся въ то время, когда господа сидѣли въ гостяхъ. Кончилось тѣмъ, что люди средняго состоянія отказывались отъ порядочнаго стола, прогоняли поваровъ и нанимали кухарокъ, тѣмъ болѣе, что грабительство поваровъ, вслѣдствіе потребности постояннаго опьяненія, достигло высшей степени; продавали лошадей и брали наемныхъ, что стоило гораздо дороже; требовали только отъ поставщиковъ лошадей, чтобъ кучеръ былъ трезвый, хотя бы и не очень хорошій въ другихъ отношеніяхъ, неряшливый и т. п. Почти также искали и лакея—какого-нибудь, только бы не пьяницу, или замѣняли лакея женскою прислугою. Но гораздо хуже было положеніе содержателей разныхъ ремесленныхъ заведеній, портныхъ, сапожниковъ, прачекъ и т. п. Работники пьянствовали, не стѣсняемые прежнею необходимостью платить оброкъ господину и надзоромъ послѣдняго, работа останавливалась, заказы не поспѣвали ко времени; для отвращенія этихъ неудобствъ, хозяинъ долженъ былъ увеличивать издержки производства, искусный работникъ сталъ рѣдокъ и очень дорогъ, отсюда—необходимое увеличеніе цѣны на произведенія его труда, дороговизна, начавшая возрастать страшно. Хорошій рабочій, хорошій слуга сталъ требовать большой платы вслѣдствіе своей рѣдкости; это подняло плату вообще всѣхъ мастеровыхъ, всей прислуги, ибо тутъ опредѣлить строго различіе между хорошими и дурными было нельзя. Большая плата уничтожила въ этомъ классѣ прежнюю бережливость и умѣренность въ пищѣ и одеждѣ, явилась небывалая роскошь; лакеи и горничныя стали одѣваться почти такъ же, какъ господа; горничныя стали носить шолкъ и шерсть, шляпы съ цвѣтами,

зонтики; обувь покупали такою же дорогою цѣною, какъ и госпожи ихъ. Легко понять, какъ чрезъ такое увеличеніе потребителей увеличилась цѣнность потребляемаго, увеличилась дороговизна.

XXII.

Но сейчасъ же явилась и другая причина дороговизны въ странѣ, гдѣ относительно такъ мало было рабочихъ рукъ,—явилась судорожная промышленная дѣятельность, стремленіе къ освобожденію капиталовъ, къ пріобрѣтенію на нихъ какъ можно бо̀льшихъ барышей, процентовъ. До сихъ поръ сбереженія сохранились въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ; съ нихъ получались очень умѣренные проценты, но при дешевизнѣ они были достаточны; съ другой стороны, эти учрежденія поддерживали сословіе землевладѣльцевъ, дворянъ, доставляя имъ возможность выгоднаго закладыванія имѣній. Теперь землевладѣльцы, въ самую критическую для нихъ минуту, потеряли поддержку знаменитаго опекунскаго совѣта, который былъ опекуномъ не сиротскимъ, а общедворянскимъ; капиталы были вытѣснены изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій ничтожностью процента—надобно было, волею-неволею, помѣщать ихъ въ болѣе выгодныя предпріятія. Первое изъ такихъ предпріятій было построеніе желѣзныхъ дорогъ, предпріятіе необходимое для страны, гдѣ надобно искусственно противоборствовать вредному вліянію неизмѣримыхъ пространствъ, препятствующихъ страшно общественному развитію. Послѣдняя война показала ясно необходимость желѣзныхъ дорогъ для защиты государства отъ внѣшняго врага. Слѣдовательно, противъ усиленнаго строенія желѣзныхъ дорогъ не могло быть возраженія. Но и здѣсь скоро перейдена была граница. Предпріятіе найдено выгоднымъ, посредствомъ него можно было легко обогатиться, и вотъ явилась манія желѣзнодорожная. Для пріобрѣтенія концессій стали употребляться разныя неблаговидныя средства наверху. Стали проводиться желѣзныя дороги и тамъ, гдѣ были ненужны или гдѣ можно было съ ними пообождать: обогащеніе посредствомъ желѣзныхъ дорогъ замѣнило обо-

гащеніе посредствомъ откуповъ; явились желѣзнодорожные тузы, возбудившіе своимъ богатствомъ сильную зависть и соревнованіе; матеріальный интересъ выдвинулся, горячка обогащенія начала овладѣвать; послѣ желѣзныхъ дорогъ пошли промышленныя предпріятія, явились банки, платившіе огромное жалованье служившимъ въ нихъ; началась биржевая игра, распалившая особенно страсть къ обогащенію, утвердившая господство матеріальнаго интереса. А тутъ еще два выигрышныхъ займа. Четыре раза въ годъ множество людей обоего пола—въ распаленномъ лихорадочномъ состояніи вслѣдствіе возможности обогатиться вдругъ, безъ всякаго труда, усилія съ своей стороны, по волѣ безсмысленной судьбы; страшный нравственный и даже физическій вредъ отъ нервнаго напряженія, отъ безсонныхъ ночей.

Крестьянинъ пьянствуетъ и терпитъ нужду, не имѣетъ, чѣмъ уплатить податей; онъ уже испыталъ правительственный или революціонный способъ дѣйствія для перемѣны своей судьбы, и надѣется, что такимъ же способомъ произойдетъ и новая перемѣна: правительство, царь нарѣжетъ крестьянамъ еще земли. А между тѣмъ для многихъ изъ нихъ подъ руками—способъ кормиться: отовсюду требованія работника—на желѣзную дорогу, на фабрику, въ кабакъ; крестьянинъ, крестьянка—покидаютъ деревню, семью; но этого рода заработки не способствуютъ къ улучшенію нравственному крестьянина: возвращаясь въ деревню, если онъ и приноситъ нѣсколько денегъ, зато приноситъ и сильнѣйшую привычку къ пьянству, кутежу, разврату, приноситъ сифилисъ и распространяетъ его въ деревнѣ, гдѣ, по недостатку средствъ, народъ гніетъ отъ гнусной болѣзни; приноситъ роскошь: до сихъ поръ крестьяне носили то, что̀ сами дешево приготовляли дома,—теперь пошли люди носить фабричныя произведенія. На фабрикѣ, въ заведеніи, на какихъ-нибудь постройкахъ крестьянинъ входитъ въ зависимость отъ хозяина или подрядчика, своего брата, разбогатѣвшаго всѣми неправдами и стремящагося всякими средствами выжать изъ работника лишнюю копейку. При злоупотребленіяхъ крѣпостного права, въ дурномъ помѣщикѣ крестьянинъ видѣлъ барина, человѣка, высоко надъ нимъ стоящаго, начальника, имѣющаго право управлять, владѣть крестьяниномъ; это

была внѣшняя сила, гнетъ, который удручаетъ, но не озлобляетъ, развѣ въ крайнихъ случаяхъ. Но хозяинъ—это свой братъ мужикъ, богатый мужикъ, притѣсняющій бѣднаго мужика, притѣсняющій мелкими средствами; тутъ права никакого, кромѣ права сильнаго, и это право основано на деньгахъ. Такія отношенія могли возбуждать только озлобленіе, ненависть.

Землевладѣлецъ, особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ, разорился вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права. Ему оставалось или продать все имѣніе, или, по крайней мѣрѣ, лѣсъ. Охотниковъ покупать много, потому что дрова нужны на усиленную промышленность, особенно на желѣзныя дороги,—и вотъ началась страшная вырубка лѣсовъ, которая скоро возбудили вопли, вопли безполезные, ибо причину отстранить не могли.

Съ одной стороны—дороговизна, нужда въ деньгахъ, уменьшеніе доходовъ, неудобство положенія, даже разореніе людей, которые, въ какой бы то ни было степени, были представителями духовнаго развитія въ народѣ; съ другой—примѣры быстраго обогащенія людей, которые успѣли, обдуманно или случайно, употребить выгодно свои капиталы; съ третьей—шумъ, суетня преобразовательнаго движенія, крикъ печати,—все это должно было произвести страшную смуту между людьми, нисколько не приготовленными, сжатыми въ своей дѣятельности царствованіемъ Николая, или затянувшимися въ это царствованіе въ мелкихъ интересахъ, покорно повиновавшимися командѣ: „не разсуждать!“—или между развитыми, разсуждавшими, но въ этихъ разсужденіяхъ развившими только отрицательное направленіе, отрицательное отношеніе къ дѣятельности нравственной; въ болтовнѣ, въ словопрепирательствахъ, они нисколько не пріучили себя къ дѣятельности положительной, способность къ которой пріобрѣтается не на словахъ, а на дѣлѣ. Къ тому же, вслѣдствіе привычки дрожать передъ Николаемъ и его орудіями, русскіе люди дрожали предъ каждою силою, предъ каждымъ окрикомъ, громкимъ словомъ, и потому не были способны мужественно высказывать свои убѣжденія, упираться; при видѣ начавшейся кутерьмы, многіе поняли опасность положенія и втихомолку сѣтовали на неправильность, революю-

ціонность движенія, но не могли громко заявить своего мнѣнія, чтобы не прослыть ретроградами, жалѣющими о крѣпостномъ правѣ и т. п. Да и въ трудномъ положеніи они находились. Крайности—дѣло легкое; легко было завинчивать при Николаѣ, легко было взять противоположное направленіе и поспѣшно судорожно развинчивать при Александрѣ II; но тормозить экипажъ при этомъ поспѣшномъ судорожномъ спускѣ было дѣло чрезвычайно трудное. Оно было бы легко при правительственной мудрости, но ея-то и не было. Преобразованія производятся успѣшно Петрами Великими; но бѣда, если за нихъ принимаются Людовики XVI-ые и Александры II-ые. Преобразователь, вродѣ Петра Великаго, при самомъ крутомъ спускѣ держитъ лошадей въ сильной рукѣ—и экипажъ безопасенъ; но преобразователи второго рода пустятъ лошадей во всю прыть съ горы, а силы сдерживать ихъ не имѣютъ, и потому экипажу предстоитъ гибель.

Сумятица, шумъ, возня въ обществѣ, нисколько не приготовленномъ къ повороту на новую дорогу, жившемъ долгое время одними желаніями перемѣны, но не опредѣлившемъ своихъ желаній, въ чемъ именно должна состоять перемѣна, причемъ въ сферѣ, которой принадлежало руководство и которыя упорно удерживала его въ своихъ рукахъ,—совершенная неспособность къ руководству, совершенное непониманіе самыхъ первыхъ вопросовъ: что̀, откуда и куда? Сильные энергіею, способностями, самостоятельностью люди были уничтожены системою Николая. Отыскать такихъ людей для новой дѣятельности былъ совершенно неспособенъ преемникъ Николая, по своей необразованности, лѣни, по страху предъ новыми людьми, по сознанію своего неумѣнья извлечь изъ нихъ пользу, обсудить ихъ мнѣнія, разобраться въ томъ разнообразномъ матеріалѣ, который бы они предложили, откуда проистекало стремленіе вращаться только въ привычномъ кружкѣ людей, издавна извѣстныхъ, посредственностей, не представлявшихъ никакой опасности для самолюбія, людей, передъ которыми не нужно было держать себя застегнутымъ, охорашиваться умственно и нравственно. Судьба не послала ему Ришельё или Бисмарка; но дѣло въ томъ, что онъ не былъ способенъ воспользоваться Ришельё или Бисмаркомъ; у него были претензіи, страхъ сла-

баго человѣка казаться слабымъ, несамостоятельнымъ;— подъ внушеніями этого страха онъ въ одно прекрасное утро прогналъ бы Ришельё или Бисмарка. Отсюда—страшная бездарность наверху, одинъ выборъ хуже другого; каждый выборъ возбуждалъ непріятные толки, насмѣшки; уваженіе ко власти рушилось въ самодержавномъ государствѣ: никакой системы, никакого общаго плана дѣйствія, каждый министръ самодержствовалъ по своему, — совершенная смута,—вмѣсто того, чтобъ править, судорожно задергивали, выводили изъ терпѣнія; но какъ же выражалось это нетерпѣніе? Для уясненія этого вопроса надобно обратиться къ воспитанію, которое стали получать новыя поколѣнія съ 1855 года.

XXIII.

При Николаѣ воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ было подорвано фальшивостью, двоедушіемъ. Съ низшихъ классовъ дѣти привыкли различать науку казенную отъ настоящей, которая представлялась имъ въ видѣ запрещеннаго плода. Молодые учителя, если не всѣ, то нѣкоторые, желая облегчить для себя скуку, тяжесть преподаванія и пріобрѣсти популярность, пользовались случаями заявить предъ воспитанниками объ этой quasi-настоящей и у насъ запрещенной наукѣ; отсутствіе всякихъ педагогическихъ правилъ, системы приготовленія всего больше содѣйствовало этому. Старый учитель былъ синонимомъ негоднаго учителя; чѣмъ моложе былъ учитель, тѣмъ болѣе цѣнился; онъ недавно еще слышалъ въ университетѣ новыя лекціи, послѣднее слово науки, и не было никому нужды, что онъ самъ еще ребенокъ, до такой степени неопытный, что предъ учениками гимназіи готовъ былъ выкладывать эти университетскія лекціи, иногда дурно записанныя и все болѣе и болѣе забывающіяся. Вообще, у насъ такъ-называемое высшее образованіе играетъ жалкую роль. Молодой человѣкъ отлично кончитъ курсъ въ университетѣ, поступитъ на службу и перестаетъ читать, такъ что, по прошествіи извѣстнаго времени, онъ выходитъ хуже невѣжды, ибо самъ считаетъ себя образованнымъ и другіе считаютъ его та-

кимъ, а между тѣмъ изъ прежняго образованія, не обновляемаго и не развиваемаго чтеніемъ, у него остались только какія-то смутныя понятія; станетъ говорить о научныхъ предметахъ—говоритъ чепуху, клянется какими-то старыми богами, остались у него однѣ претензіи, не имѣющія никакого основанія; если онъ что-нибудь и прочтетъ, то выхватитъ на-удачу, безъ связи, или увлечется, восхищается безъ толку, или вдругъ, не понявши, станетъ безъ толку же ругать прочитанное, и все съ видомъ знатока, особенно если успѣлъ попасть по службѣ въ большіе чины. Учителя не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Они поступали на службу; чтобъ получить больше удобствъ жизни, занимались уроками и были съ утра до ночи на урокахъ. Пріѣдетъ несчастный съ уроковъ совершенно истомленный, отупѣвшій—гдѣ же ему читать! Такимъ образомъ, выходитъ, что если у насъ всѣ люди съ высшимъ образованіемъ очень мало читаютъ и поэтому высшее образованіе является скоро у нихъ въ видѣ какихъ-то безобразныхъ развалинъ, то учителя читаютъ меньше всѣхъ. Въ будни некогда, откладываютъ на вакацію; но тутъ, послѣ томительныхъ экзаменовъ, спѣшатъ физически отдохнуть и имѣютъ нужду въ отдыхѣ; идетъ день за днемъ въ обычныхъ развлеченіяхъ въ семействѣ или безъ семейства, и не видно, какъ вакація приходитъ къ концу, и книга остается раскрытой на первой страницѣ. Такимъ образомъ, и молодой учитель скоро дѣлается старымъ задавателемъ и спрашиваетъ по учебнику; если же иному хотѣлось поддержать живость, интересъ преподаванія, поддержать расположеніе къ себѣ учениковъ, то пускался въ либеральничаніе, позволялъ себѣ насмѣшки надъ казенными выраженіями учебника и подрывалъ довѣріе учениковъ къ источнику ихъ знанія: каково было ученику зубрить осмѣянное, объявленное ложью! Или, прочтя урывкомъ какую-нибудь журнальную статью, учитель съ важнымъ видомъ возвѣщаетъ о новомъ взглядѣ на предметъ, тогда какъ этотъ новый взглядъ—сущій вздоръ. Всякій пойметъ, что я говорю преимущественно о преподаваніи исторіи; но исторія есть единственная политическая наука въ среднемъ образованіи, и поэтому ея преподаваніе—чрезвычайной важности: отъ направленія ея преподаванія

зависитъ политическій складъ будущихъ гражданъ. При взглядѣ на такую трудность преподаванія исторіи, особенно у насъ въ Россіи, естественно приходитъ на умъ объ исключеніи исторіи изъ предметовъ общаго образованія; но, во-первыхъ, что же это будетъ за общее образованіе безъ знанія исторіи; во-вторыхъ, гимназисты разойдутся по математическимъ, медицинскимъ и юридическимъ факультетамъ, гдѣ они никогда не услышатъ исторіи.

Легко понять послѣ этого, съ какими взбудораженными головами выходили ученики изъ среднихъ заведеній, пропитанные неуваженіемъ къ авторитетамъ, ибо книга, руководство—должны были являться для нихъ въ продолженіе всего курса высшимъ авторитетомъ, и этотъ авторитетъ былъ осмѣянъ, обвиненъ во лжи. Но авторитетъ подрывался еще другимъ способомъ, особенно въ военныхъ училищахъ, чрезъ назначеніе въ начальники людей необразованныхъ, глупыхъ, но отличавшихся выправкою, точнымъ исполненіемъ военно-служебныхъ обязанностей. Какъ ни неразвиты были старшіе воспитанники, все же они стояли выше подобныхъ начальниковъ, ибо все же они находились въ процессѣ какого-то развитія, тогда какъ почтенные начальники давно уже почили въ умственномъ отношеніи. Отсюда—смѣшныя выходки начальниковъ въ классахъ, на экзаменахъ, цѣлый рядъ разсказовъ о ихъ глупости и невѣжествѣ, подрывавшихъ всякое уваженіе къ нимъ, подрывавшихъ авторитетъ, нравственную дисциплину въ корню. Но стремленіе занять начальническія мѣста фильдфебелями въ генеральскихъ эполетахъ было ощутительно и въ гражданскомъ учебномъ вѣдомствѣ. Таковы были „енаралы", назначавшіеся попечителями; таковъ былъ въ Москвѣ Назимовъ, о которомъ въ округѣ ходили удивительные разсказы: напримѣръ, когда во время университетскаго юбилея Шевыревъ предлагалъ, чтобъ для обстановки пригласить девять актрисъ, которыя бы изображали девять музъ, то Назимовъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ же только девять?!—сколько угодно пригласимъ". Или его помощникъ Муравьевъ требовалъ отъ университетской типографіи, чтобъ она соблюдала экономію, набирала старымъ, избитымъ шрифтомъ, а набѣло печатала хорошимъ, новымъ. Надобно было

послушать, какъ эти господа объяснялись съ воспитанниками, студентами, чтобъ понять, какъ въ молодыхъ людяхъ подрывалась дисциплина.

Дисциплина въ школахъ поддерживалась уваженіемъ только къ товарищамъ болѣе способнымъ, усердно занимающимся и потому болѣе знающимъ, хотя и тутъ, по слабости общаго развитія, люди болѣе дерзкіе, болѣе способные къ словоистеченію, не разбиравшіе средствъ въ спорахъ при самомъ поверхностномъ знаніи, выхваченномъ изъ журналовъ или пріобрѣтенномъ по наслышкѣ, часто брали верхъ надъ людьми серьезными, дѣйствительно что-нибудь знающими. Но вотъ съ 1855 года пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться; свѣжій воздухъ производилъ головокруженіе у людей, къ нему непривыкшихъ, и въ то же время замерзшія нечистоты начали оттаивать, и понеслись міазмы. Въ то время какъ люди серьезные, мыслящіе, знающіе, внимательно вглядывались и вслушивались для уясненія себѣ положенія дѣлъ, усердно занимались важными вопросами преобразованія,—люди, которые знали, что неспособны выйти впередъ способностями, знаніями, тяжелыми, усердными занятіями, выступили въ походъ первые. У нихъ было огромное преимущество—смѣлость или дерзость, качества, которыя въ обществѣ благоустроенномъ ведутъ къ висѣлицѣ, но у насъ, въ описываемое время, могли повести только къ выгодамъ. Первому произнести громкое слово, обругать, проклясть прошлое, провозгласить, что спасеніе состоитъ въ движеніи къ новому, въ движеніи впередъ во что бы то ни стало, было очень выгодно; вниманіе обращалось на передового человѣка; онъ пріобрѣталъ значеніе героя, человѣка, отличавшагося гражданскимъ мужествомъ, тогда какъ теперь никакого мужества въ этомъ не было; при Николаѣ его бы сослали, куда Макаръ телятъ не гонялъ, да при Николаѣ онъ бы и не заговорилъ; онъ заговорилъ теперь, когда произошло неправильное поступательное движеніе по опредѣленному плану, руководимое сильною рукою при помощи многихъ другихъ сильныхъ рукъ. Началась смута, когда наверху люди ходили, какъ шальные, ничего не понимая, не зная, что̀ хочетъ самодержецъ, какъ ему угодить и гдѣ сила, къ которой надобно

забѣжать и поклониться. Теперь было безопасно говорить, обличать; заговорила, явилась цѣлая обличительная литература, слѣдствіемъ чего было усиленіе пагубной привычки къ отрицанію, дѣлу чрезвычайно легкому, приходившемуся какъ нельзя лучше по лѣнивой натурѣ неразвитого народа и особенно россійскаго благороднаго дворянства, привыкшаго жить чужимъ трудомъ, ничего не дѣлая. Людьми, способными къ труду, производились извѣстныя преобразованія; но люди, неспособные къ такому положительному труду, пустились во всю прыть по легкой дорогѣ отрицанія, обличенія, и остановки имъ не было никакой. Безнравственная и глупая цензура очумѣла окончательно при новыхъ условіяхъ—рѣшительно не знала, что̀ дѣлать, что̀ запрещать и что̀ пропускать; заправляли ею люди попрежнему неспособные и невѣжественные; въ ней господствовалъ полный произволъ: въ одно и то же время запрещалась вещь самая невинная, какой-нибудь историческій фактъ изъ временъ давнопрошедшихъ, и допускался явный призывъ къ возстанію низшихъ классовъ противъ высшихъ. Партій не было, которыя бы выставили разныя знамена вступили въ борьбу другъ съ другомъ и этою борьбою сдерживали другъ друга, сохраняли равновѣсіе и уясняли взглядъ общества на извѣстные вопросы. Для однихъ людей, идущихъ отрицательнымъ путемъ, трудъ былъ легкій и выгодный; толпа ихъ поэтому постоянно увеличивалась; они говорили по невѣжеству страшный сумбуръ, ругались другъ съ другомъ, но все же у нихъ было единство направленія, все же они имѣли одинъ общій цвѣтъ, тогда какъ люди противоположнаго направленія, люди серьезные и достаточно образованные, были разсѣяны, не составляли партіи съ опредѣленными уже давно принципами; каждый изъ нихъ занимался однимъ своимъ какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ и не могъ его оставить; самая серьезность ихъ не позволяла имъ быстро и дружно выступить противъ безумныхъ отрицаній всего; они привыкли обдумывать дѣло прежде начатія, приготовляться, спѣваться, тогда какъ ихъ противники въ этомъ вовсе не нуждались; они выступили налегкѣ, казаками (какъ и сами себя называли) и заняли мѣстность, утвердились на ней. Но, разумѣется, при всемъ своемъ не-

вѣжествѣ, они инстинктивно понимали, что выступили въ походъ очень налегкѣ, что при первой встрѣчѣ съ „регулярнымъ“ войскомъ имъ можетъ быть очень нехорошо, и потому должны были принять мѣры. Мѣры эти естественно должны были состоять въ предупрежденіи враговъ и въ наступательности... . . . . .
. . . . . [1].

[1]) Этими словами рукопись не кончается, а только прерывается Къ сожалѣнію, въ семьѣ покойнаго Сергѣя Михайловича не нашлось продолженіе этихъ его „Записокъ“; но хорошо уже и то, что случайно уцѣлѣла хотя небольшая ея часть, по которой можно теперь судить о томъ, какъ много потеряно, вслѣдствіе утраты ея продолженія: дальнѣйшее должно было относиться къ новой, особенно интересной эпохѣ, открывавшейся 1855-мъ годомъ, когда, по словамъ автора „Записокъ“. „пахнуло оттепелью; двери тюрьмы начали отворяться“.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

Новѣйшія изданія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Законный грѣхъ. Романъ (Продолженіе романа „Дочь Викторіи Павловны“). 2 р.

ЛЕМОНЬЕ, КАМИЛЛЪ. На братскихъ могилахъ. Романъ.

МАРЕСЪ. Лилли. Романъ. Нравы аристократическаго Берлина. 1 р.

НОУЛЬСЪ, ДЖОЗЕФЪ. Два мѣсяца въ лѣсахъ. 1 р.

СИНКЛЕРЪ, УПТОНЪ. Т. 5. Сильвія. Романъ. 1 р. 25 к.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ, Д. Н. проф. Лермонтовъ, М. Ю. Къ столѣтію со дня рожденія великаго поэта. Съ потретомъ Лермонтова. 90 к.

БОРОЗДИНЪ, А. К. проф. Лермонтовъ, М. Ю. Жизнь и творчество. 90 к.

БОРОЗДИНЪ, А. К. А. С. Пушкинъ. 90 к.

ЛЕРМОНТОВЪ. М. Ю. Избранныя сочиненія. (Выборъ сдѣланъ В. Н. Ладыженскимъ) 25 к.

ВЕНГЕРОВЪ, С. А. проф. Эпоха Бѣлинскаго. 30 к.

КОНОПНИЦКАЯ, МАРІЯ. Прометей и Сизифъ. Переводъ Маріи Моравской. 20 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

Левъ Ждановъ.

Историческіе романы съ иллюстраціями.

Томъ I. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга I. Ц. 1 р. 50 к.
„ II. Въ стѣнахъ Варшавы. Книга II. Ц. 1 р. 50 к.
„ III. Осажденная Варшава. Ц. 1 р. 50 к.
„ IV. „Сгибла Польша!“ Ц. 1 р. 50 к.
„ V. Послѣдній фаворитъ. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VI. Послѣдній фаворитъ. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ VII. Былые дни Сибири. Книга I. Ц. 1 р. 25 к.
„ VIII. Былые дни Сибири. Книга II. Ц. 1 р. 25 к.
„ IX. Третій Римъ. Цѣна 1 р. 50 к.
„ X. Грозное время. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XI. Боярыня Морозова. Цѣна 1 р. 50 к.
„ XII. Протопопъ Аввакумъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ДВА МИЛЛІОНА ВЪ ГОДЪ.

Нищій милліонеръ. Сказочныя были нашихъ дней.

Ц. 2 р. 25 к. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ—2 р. 75 к.

«Живое изложеніе, умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ источниковъ,—все это дѣлаетъ хроники г. Жданова занимательными и полными историческаго интереса».

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“. Евг. Л.

302

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,

Поварской, 10.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) ЗАПИСКИ КН. М. Н. ВОЛКОНСКОЙ.

Перев. съ французск. оригинала А Н. Кудрявцевой. Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

2) ЗАПИСКИ П. Е. АННЕНКОВОЙ.

жены декабриста (Pauline Gueuble).

Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50. к.

3) МЕМУАРЫ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ

королевы Румынской.

Съ предисловіемъ автора, спеціально написаннымъ для настоящаго изданія. Авторизованный переводъ Л. Я. Круковской. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

4) МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ.

Переводъ съ французскаго А. Н. Кудрявцевой. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 2 р.

5) ЗАПИСКИ СЕРГ. МИХ. СОЛОВЬЕВА.

Съ многочисленными портретами. Ц. 2 р.

6) СБОРНИКЪ ПАМЯТИ В. В. СТАСОВА.

Подъ редакціей С. А. Венгерова. Роскошное иллюстрированное изданіе. Иллюстраціи работы художниковъ Е. Бемъ, И. Гинцбурга, В. Матэ, И. Рѣпина и др. Статьи Л. Н. Толстого, С. А. Венгерова, М. Горькаго, Антокольскаго. Ц. 3 р.

7) ДНЕВНИКЪ КАПИТАНА СКОТТА.

Съ портретами и иллюстраціями.

Ц. [illegible] р.

133065

5